

ЧАРОВЪСІЕ.

ЧАРОВЬСІЕ

или

ТАИНСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ

ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ, .

ВЫРАЖАВШІЯСЯ

въ магнитическихъ сновидѣніяхъ, явленіяхъ духовъ, дѣйствіяхъ шамановъ, магометанскихъ дервишей, одержимыхъ бѣсами, предчувствіяхъ несчастій или смерти, чернокнижій, оракулахъ, пиіяхъ, предсказателяхъ, привидѣніяхъ, свенденборгизмъ и животномъ магнетизмъ.

Описано и объяснено по сочиненіямъ

Максимилиана Перти,

профессора въ Берлинскомъ Университетѣ

и доктора

БРИЕРЪ-ДЕ-БУАМОНЪ.

МОСКВА.

Въ типографіи Н. Вахметова, на Малой Дмитровкѣ, № 14.

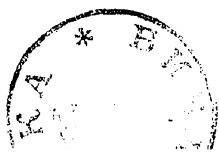
1867.

1635-0

2007112469

Самое заглавіе этой книги указываетъ предметъ, избранный нами для бесѣды съ читателемъ. Мы не станемъ распространяться здѣсь ни о достоинствахъ ея, ни о томъ, вполнѣ ли мы достигли предложенной цѣли: по возможности объяснить, съ медицинской точки зрѣнія, тѣ странныя явленія, которыя вообще извѣстны подъ именемъ иллюзій галлюцинацій, и проч. Мы считаемъ нужнымъ сказать только, что во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы видимъ необходимое слѣд-

II

ствіе извѣстныхъ нравственныхъ и физическихъ причинъ, но ничего сверхъестественнаго, — въ чемъ, конечно, согласится съ нами читатель, прочитавъ предлагаемую книгу.

Москва,
15 сентября 1866 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Сонъ и сновидѣніе. Условія сна. Сновидѣніе есть сонъ мысли. Во время сна мы продолжаемъ получать впечатлѣнія. Человѣкъ не теряетъ самосознанія. Участіе ума. Факты. Последовательныя сновидѣнія. Примѣры. Случайныя впечатлѣнія во время сна.	1
Кошмаръ. Его происхожденіе. Въ чемъ онъ состоитъ. Форма его у дѣтей. Повтореніе кошмара нѣсколько дней сряду. Человѣкъ сознаетъ ложность грезъ въ кошмарѣ. Грезы кошмара продолжаются въ бодрственномъ состояніи. Эпидемическій кошмаръ	9
Предчувствія. Предчувствія во снѣ и на яву. Фактъ и его объясненіе. Факты предчувствій въ древности. Развитіе чувствъ въ высшей степени. Антипатія и симпатія. Объясненіе предчувствій. Искусство предсказывать за нѣсколько дней прибытіе кораблей. Примѣры предчувствій	16
Естественный сомнамбулизмъ. Отличіе сомнамбулизма отъ сна. Участіе чувствъ. Примѣры.	

- Сомнамбулы отвѣчаютъ на вопросы. Сомнамбулъ можетъ помнить происходящее съ нимъ. Ясновидѣніе сомнамбуловъ. Причины тому. Факты. Нечувствительность сомнамбуловъ къ вѣшнимъ впечатлѣніямъ. Чувство личной тождественности, или двойственное самосознаніе. Примѣры 25
- Магнетизмъ и искусственный сомнамбулизмъ.**
 Воля челоѣка. Ея дѣйствіе на другаго челоѣка. Дѣвица Каролина. Дѣвица М. Ясновидѣніе. Замѣчательное развитіе музыкальнаго чувства. Примѣры ясновидѣнія и перемѣщенія чувствъ 45
- Двойное зрѣніе.** Факты. Видѣнія въ холодныхъ странахъ. Объясненіе двойнаго зрѣнія. Особенное развитіе чувствъ 79
- Видѣнія.** Отъ чего они зависятъ? Опытъ Ньютона. Вліяніе климата. Грезы благопріятствуютъ видѣніямъ. Два рода видѣній. Видѣнія перваго рода могутъ вызываться по нашей волѣ. Примѣръ. Двойникъ. Фактъ, доказывающій власть воображенія надъ тѣломъ. Видѣнія Николаи. Условія видѣній. Примѣры. Роль чувствъ. Отличіе иллюзій отъ галлюцинаціи. Примѣры иллюзій. Условія иллюзій. Переходъ иллюзій въ галлюцинацію. Выводы 85
- Галлюцинаціи.** Галлюцинація слуха. Примѣръ Недостатокъ чувства не можетъ служить пре-

пятствіемъ. Мнимые голоса. Галлюцинаціи зрѣнія. Примѣры. Лишеніе зрѣнія не препятствуетъ галлюцинаціи. Галлюцинаціи слуха и зрѣнія бываютъ вмѣстѣ. Примѣры. Галлюцинаціи осязанія. Примѣры. Галлюцинаціи обонянія. Галлюцинаціи вкуса. Общія галлюцинаціи. Факты 127.

Галлюцинаціи и иллюзіи въ delirium tremens. Слѣдствія этихъ галлюцинацій. Примѣры. Видѣнія delirium tremens не иное что, какъ воспоминанія случившихся событій. Примѣры. Видѣнія при отравленіи извѣстными растительными веществами. Галлюцинаціи обусловленные недописью азота. Опытъ Гомфри Деви. Галлюцинаціи опиума и хашиша. Разсказъ Тома Куайнса. Разсказъ доктора Поквилъ. Разсказъ Аберромби. Галлюцинаціи хашиша опытъ, при которомъ присутствовалъ Бріеръ и Буамонъ. Выводы. Наблюденіе, замѣтованное у Моро. Вліяніе хашиша на умственные способности. Галлюцинаціи отъ дурмана, белладонны и проч. Вещества, употреблявшіяся древними при посвященіи въ таинства и для волшебныхъ мазей. Дѣйствіе мухомора. Опытъ Гассендинадъ волшебною мазью . . 150

Галлюцинаціи въ нервныхъ болѣзняхъ. Катаlepsія. Эпилепсія: примѣры. Истерика: примѣры. Ипохондрія: примѣры. 193.

IV

Галлюцинаціи въ лихорадочныхъ, воспалитель- ныхъ, острыхъ, хроническихъ и другихъ болѣзняхъ. Полнокровіе, воспаленіе моз- говыхъ оболочекъ. Горячка. Три катего- ріи впечатлѣній у больныхъ. Тифъ. Чума. Дурное состояніе пищеварительныхъ орга- новъ. Желтая горячка. Пневмонія. Пре- ращеніе геморроидальнаго кровотечения. Подagra. Болѣзни сердца. Хлорозисъ. Син- копъ. Періодъ выздоровленія. Измѣненіе атмосферы. Гектическая болѣзнь.	206
Причины галлюцинацій. Процессъ образованія гал- люцинацій. Роль нервнаго и кровянаго эле- мента. Нравственныя причины. Особен- ныя вліянія, благопріятствующія галлю- цинаціямъ. Физическія причины.	234
Физиологія галлюцинацій.	290

Сонъ и сновидѣнія.

Состояніе тѣлеснаго спокойствія, обусловленное болѣе или менѣе полнымъ прекращеніемъ дѣятельности органовъ, чувствъ и движенія, а съ другой стороны растительная жизнь, побужденія которой не контролируются болѣе, и которая потому беретъ перевѣсъ, ставятъ нашъ умъ въ условія, совершенно отличныя отъ тѣхъ, въ какихъ онъ находится при бодрственномъ состояніи. Но измѣняется ли онъ отъ того? Нѣтъ. Умъ, очевидно, не можетъ всегда быть дѣятельнымъ и постоянно заниматься однимъ и тѣмъ же рядомъ идей; для своего отдохновенія онъ требуетъ легкихъ, не послѣдовательныхъ, разнообразныхъ идей, — въ чемъ мы ежедневно можемъ убѣдиться. Въ такомъ случаѣ сновидѣніе будетъ сномъ мысли, которая отдыхаетъ, предаваясь грезамъ, какъ отдыхаетъ тѣло, предаваясь сну. Это и составляетъ цѣль сновидѣнія. Положительный опытъ не допускаетъ никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи; если вы окружены спящими, то можете замѣтить жесты, слова, движенія, которые обнаруживаютъ грезы, и не рѣдко бываетъ достаточно напомнить ихъ, чтобы спавшіе вспомнили свои грезы.

Во время сна мы продолжаемъ получать впечатлѣнія; но ослабѣвшіе, такъ сказать отяжелѣвшіе органы доставляютъ мысли только несовершенные, безобразные, дурные матеріалы; тѣмъ не менѣе, мысль продолжаетъ работать и изъ вышеупомянутыхъ матеріаловъ составляетъ цѣлое, вполнину истинное, вполнину ложное, часто съ весьма страннымъ или совершенно химерическимъ видомъ.

Какъ бы странны не были созданія мысли, во время сна, надобно однакожь сказать, что человѣкъ не теряетъ самосознанія. Будучи игрушкою самыхъ необыкновенныхъ происшествій, присутствуя при собственной своей смерти, претерпѣвая самыя невѣроятныя превращенія, человѣкъ, однакожь, продолжаетъ сознавать, что онъ тотъ же самый, и, — самое замѣчательное, имѣетъ непреодолимое отвращеніе ко злу; онъ не хочетъ участвовать въ преступномъ дѣяніи, и если бываетъ невольнымъ свидѣтелемъ преступления, то волнуется и упрекаетъ преступниковъ. Въ его душѣ живетъ та же любовь къ истинѣ, какъ и въ бодрственномъ состояніи, а въ сердцѣ то же чувство добра.

Умъ не всегда живетъ въ области химеры; онъ придаетъ иногда грезамъ такую силу, что онѣ уподобляются грезамъ бодрственнаго состоянія.

Тогда мы замѣчаемъ волю, вниманіе, сужденіе, послѣдовательность идей, память и проч. Безъ

сомнѣнія, замѣчаемъ также привычку, но логика грезъ, какъ бы не была особенна, наводитъ умъ на тотъ же путь, по которому онъ шель до сна, и не рѣдко сообщаетъ ему такую силу, что онъ сразу достигаетъ цѣли, къ которой тщетно стремился.

Изъ множества подобныхъ фактовъ мы приведемъ нѣсколько.

Одинъ изъ моихъ друзей, говоритъ Аберкромби, занимавшій должность кассира у банкира, сидѣлъ за своимъ бюро, когда явился человѣкъ, потребовавшій платежа 6 ф. стерл. Въ залѣ находилось нѣсколько людей, пришедшихъ ранѣе этого человѣка; но какъ послѣдній былъ невыносимъ по своей настойчивости, то одинъ изъ присутствующихъ просилъ кассира заплатить деньги поскорѣе, дабы новопришедшій избавилъ ихъ отъ своего присутствія. Кассиръ исполнилъ желаніе, но не записалъ выдачу въ книгу. Въ концѣ года онъ не могъ свести счетовъ, ибо всегда оказывалась недостача шести ф. ст. Много дней и ночей провелъ кассиръ, отыскивая ошибку; утомленный работою, онъ возвратился къ себѣ, легъ спать и видѣлъ во снѣ, что сидитъ за своимъ бюро и къ нему подходитъ человѣкъ съ требованіемъ шести ф. стер.; вся вышеописанная сцена повторилась со всѣми подробностями. Проснувшись, онъ просмотрѣлъ книги и дѣйствительно нашелъ, что упомянутая сумма не была занесена въ расходъ.

Нѣкто Р., въ Шотландіи, находился въ чрезвычайномъ безпокойствіи по причинѣ бумагъ, отъ которыхъ зависѣлъ исходъ его процесса. Разъ онъ видитъ во снѣ давно умершаго отца, который объявилъ ему, что бумаги находятся въ рукахъ одного клерка въ Инвернесѣ, и прибавилъ, что клеркъ быть можетъ забылъ о нихъ, но что стоитъ ему напомнить о размѣнѣ португальской монеты, цѣнность которой послужила предметомъ спора между этимъ клеркомъ и покойнымъ отцомъ. Р. отправился къ этому нотаріусу; все случилось такъ, какъ онъ видѣлъ во снѣ, и получилъ документы, при помощи которыхъ выигралъ процессъ. Безъ сомнѣнія Р. слышалъ когда-нибудь отъ своего отца объ упомянутыхъ бумагахъ и о спорѣ относительно золотой монеты, но рассказъ этотъ изгладился изъ его памяти.

Жена одного проповѣдника сильно печалилась о потерѣ квитанціи въ уплатѣ ея мужемъ довольно большой суммы денегъ; она видитъ во снѣ своего мужа, который сказалъ ей, что упомянутая квитанція лежитъ въ потайномъ ящикѣ его письменнаго стола, въ красной сафьянной коробочкѣ. (Von einer besond. Art, Taube hörend zu machen, 1 Samml., ст. 264).

Портретный живописецъ Грегерь, въ Гамбургѣ, послѣ многихъ настойчивыхъ просьбъ датскаго майора М., нарисовавъ со словъ портретъ его покойной жены, видитъ однажды во снѣ покой-

ницу, пробуждается, набрасываетъ очеркъ и подмалевываетъ. Пришедшій на другой день майоръ почти испугался при видѣ необыкновеннаго сходства подмалевки съ его покойною женою. (Abendzeitung 1834, стр. 382).

Въ Augsburg. Allgem. Zeitung (24 окт. 1855) рассказано слѣдующее: «Почти за 6 недѣль исчезъ въ Галатѣ греческій мальчикъ. Не смотря на всѣ розыски, не найдено никакихъ слѣдовъ. Въ ночь на послѣдній четвергъ, мать исчезнущаго мальчика имѣла странное сновидѣніе. Она видѣла трехлѣтнюю дочь, умершую за годъ предъ симъ, которая какъ будто пришла изъ школы домой и сказала: знаешь ли, гдѣ братъ Константинъ? Онъ въ томъ колодезѣ. Мать проснулась и рассказала свое сновидѣніе, которое вскорѣ сдѣлалось всѣмъ извѣстно; прибывшая полиція обыскала колодезь и дѣйствительно нашла въ немъ трупъ мальчика».

Сновидѣнія не разъ содѣйствовали созданію великихъ произведеній. Разъ Вольтеру снилась 1-ая пѣснь Генріады не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ написалъ ее. «Я говорилъ во снѣ такія вещи, пишетъ онъ, которыя едва ли сказалъ бы на яву; мысль работала во мнѣ. У меня не было ни воли, ни свободы, и однакожь идеи слагались остроумно, а иногда даже гениально».

Подобные примѣры не рѣдки. Особенно извѣстно созданіе *дѣвольской сонаты Тартини*, о

которой мы не станемъ говорить подробно, тѣмъ болѣе, что должны сказать еще о великолѣпномъ отрывкѣ изъ *Кублая хана*, отрывкѣ, который обязанъ своимъ происхожденіемъ сновидѣнію. Кольриджъ заснулъ при чтеніи слѣдующихъ строкъ путешествія Пурчаса: «Здѣсь ханъ приказалъ выстроить дворецъ и развестъ великолѣпный садъ; десять миль плодоносной земли были обнесены стѣною». Во время этого сна, продолжавшагося три часа, Кольриджъ создалъ 200—300 стиховъ, которые онъ, проснувшись, поспѣшилъ записать. Къ несчастію, къ нему пришелъ кто-то, такъ что послѣ уже Кольриджъ не могъ найти прерванную нить мыслей (Macnish, стр. 76).

Кондорсе говорить, что ему часто случалось, проведя нѣсколько часовъ за трудными вычисленіями, оставлять ихъ неоконченными, чтобы отдохнуть. Много разъ, во время сна, упомянутыя вычисленія кончались сами собой въ его умѣ. Франклинъ рассказывалъ Кабанису, что политическія соображенія, затруднявшія его днемъ, не рѣдко разрѣшались во время сна.

Надобно предполагать, что послѣдовательныя сновидѣнія, въ которыхъ нельзя отвергать участія ума, совершаются въ послѣдній періодъ сна и не рѣдко въ полубодрственномъ состояніи. Такія сновидѣнія называются *гипнагогическими* (Annal. méd.-psychol., t. II, p. 26).

Не рѣдко случается вести во снѣ настоящіе разговоры. Вѣроятно, не одинъ изъ нашихъ читателей занимался и даже бывалъ утомленъ во время сна разговоромъ, споромъ, который не всегда оканчивался въ его пользу. Можно бы сказать, что тогда въ человѣкѣ находятся двѣ различныя личности, поддерживающія каждая свое мнѣніе.

Мы сказали, что сонъ не всегда лишенъ свободы и воли, и что сновидѣніе можетъ быть послѣдовательно отъ начала до конца. Въ обыденной жизни такіе примѣры обыкновенны: такъ бываютъ сновидѣнія, до того послѣдовательныя и упорныя, что просыпаешься вдругъ, исполненный произведеннымъ ими впечатлѣніемъ, и необходима очевидность, чтобы понять, что это созданіе воображенія.

Такія послѣдовательныя сновидѣнія могутъ повторяться нѣсколько ночей сряду. «Я помню, говоритъ Мори въ своей запискѣ, стр. 31, что 8 разъ въ теченіе одного мѣсяца я видѣлъ во снѣ одну особу, которой придавалъ одно и то же лицо, одну и ту же осанку, и которую я нисколько не зналъ. Особенно странно, что эта особа не рѣдко продолжала свои дѣйствія съ того самаго, на чемъ они окончились въ предыдущее сновидѣніе».

Извѣстно, что если во время сна дѣйствуетъ какое либо внѣшнее впечатлѣніе на дурно заснув-

шій органъ, если спящій, напр., замѣчаетъ свѣтъ, шумъ, боль, жаръ или холодъ, которые однакожъ не такъ сильны, чтобы вполне разбудить его, то является случайное впечатлѣніе, которое умъ толкуетъ самымъ удивительнымъ образомъ. Впечатлѣніе становится въ ту же минуту частию сновидѣнія. Нѣтъ ничего замѣчательнѣе быстроты, съ какою воображеніе объясняетъ это нарушеніе сна, сообразно идеямъ, представляющимся во снѣ.

Напримѣръ, если видишь дуэль, то дѣйствительно слышанный шумъ становится тотчасъ пистолетными выстрѣлами поединщиковъ. Если ораторъ произноситъ рѣчь, то внѣшній шумъ превращается въ рукоплесканія. Если спящій переносится въ сновидѣніи въ развалины, то шумъ кажется ему паденіемъ камней.

Кошмаръ.

Вліяніе болѣзненнаго состоянія на возникновеніе грезъ чрезвычайно ясно выказывается въ кошмарѣ. Много разъ мы были свидѣтелемъ болѣзненныхъ грезъ, страшныхъ видѣній, мучившихъ людей, у которыхъ пищевареніе совершалось съ трудомъ.

Кошмаръ, *домовой*, обязанъ своимъ происхожденіемъ долгому бдѣнію, упорному ученію, обильному и тяжелому ужину, нѣкоторой пищѣ, напр., сыру, огурцамъ, миндалю. Въ своемъ сочиненіи о болѣзняхъ головы, Гильдегеймъ признаетъ одною изъ обыкновенныхъ причинъ кошмара употребленіе предъ ужиномъ орѣховъ и вина. Болѣзни дыхательныхъ путей и особенно различные виды несваренія служатъ предрасполагающими причинами.

Обыкновенно, кошмаръ состоитъ въ ощущеніи полета надъ землею; чувствуешь, что летишь чрезвычайно быстро, а между тѣмъ врагъ или опасность преслѣдуетъ съ такою же быстротою. Вы просыпаетесь съ безпокойствомъ и чувствуе-

те себя утомленнымъ, какъ будто много, много ходили.

У нервныхъ особъ, тягостное впечатлѣніе производитъ кошмаръ. Очень молодая и нѣжная женщина, впечатлительная, избѣгала, особенно вечеромъ, страшныхъ разсказовъ, будучи увѣрена, что, выслушавъ подобную исторію, она увидитъ во снѣ что-либо страшное. Дѣйствительно, около полуночи, она ежеминутно мѣняла мѣсто, стонала, говорила отрывистыя слова; тѣло ея покрывалось потомъ, она была въ крайнемъ волненіи. Мужъ спѣшилъ разбудить ее; она вскрикивала отъ ужаса: ей казалось, что воры, разбойники готовились умертвить ее.

Въ дѣтствѣ и юношествѣ кошмаръ принимаетъ обыкновенно слѣдующую форму: человекъ видитъ себя на краю постели или пропасти, въ которую готовъ упасть. Ничто не можетъ отворотить опасность; онъ съ ужасомъ видитъ зіяющую пропасть, въ которую готовъ упасть. Иногда образы принимаютъ веселую форму, и тогда спящіе дѣти начинаютъ хохотать.

Иногда представляется, что въ комнату входятъ воры; вы хотите бѣжать, но непреодолимая сила удерживаетъ васъ на мѣстѣ. Вы дѣлаете страшныя усилія, но тѣло ваше какъ будто превратилось въ камень, который ничѣмъ нельзя сдвинуть съ мѣста, или же ноги ваши какъ будто

прирастаютъ къ землѣ. Вы находитесь въ страшномъ волненіи; хотите кричать, позвать на помощь, но голосъ замираетъ въ горлѣ. Высшая степень опасности, смертельный ударъ, полагаютъ, конецъ кошмару; вы просыпаетесь, полные ужаса, облитые потомъ, съ бьющимся быстро пульсомъ, съ неприятнымъ, болѣзненнымъ чувствомъ, которое проходитъ чрезъ нѣсколько минутъ.

Надобно замѣтить, что кошмаръ можетъ повторяться нѣсколько дней сряду въ одинъ и тотъ же часъ, въ одной и той же формѣ. Одна женщина засыпаетъ, чувствуя себя нездоровою; вскорѣ предъ нею является врагъ, желающій убить ее. Отъ ужаса она вдругъ просыпается; на другой день видѣніе повторяется. Припадокъ продолжался нѣсколько дней сряду, такъ что она уже со страхомъ ложилась въ постель. Чрезъ нѣсколько времени, тягостное чувство, постепенно ослабѣвая, совершенно прекратилось. Одинъ молодой человѣкъ рассказывалъ намъ, что нѣсколько ночей сряду, въ ногахъ его постели становятся личности, которыя стаскиваютъ съ него одѣяло; между ними и спящимъ начинается борьба, и кошмаръ прекращается тогда только, когда одѣяло совершенно будетъ отнято упомянутыми личностями.

Иногда кошмаръ, какъ бы ни былъ тягостенъ, не обнаруживается никакимъ внѣшнимъ признакомъ. Одинъ врачъ, привыкшій долго читать въ

постели, рассказывалъ, что у его жены бывали страшные кошмары, а между тѣмъ онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго движенія.

Можетъ случиться, что подверженные кошмару лица сознають всю ложность своихъ грезъ; они разсуждаютъ объ этомъ, какъ будто на яву, и стараются доказать, что ощущенія ихъ ложны. Одна молодая дама видѣла, какъ изъ раскрывшейся стѣны выходить мертвая голова и скелеть и становятся предъ нею. Убѣжденная, что это видѣніе было только обманомъ чувствъ, она разсуждала сама съ собою, чтобы успокоить себя, но просыпалась всегда отъ безпокойства.

Многіе авторы говорятъ, что въ кошмарѣ представляется иногда кошка, какое либо животное, чудовище, садящееся на грудь. Тогда чувствуютъ въ этомъ мѣстѣ страшную боль, сжатіе, дѣлають усилія, чтобы избавиться отъ душащаго предмета и въ тоже время просыпаются.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ, кошмаръ прекращался вмѣстѣ съ пробужденіемъ, но можетъ случиться, что его грезы будутъ продолжаться въ бодрственномъ состояніи и тогда легко принимаются за дѣйствительность. Такъ, нѣкоторымъ кажется, что стучатся въ дверь, раздаются голоса, видятся въ комнатѣ люди. Никакое доказательство, никакое усиліе разсудка не можетъ убѣдить ихъ, что это химеры сна.

Въ Оверни, одинъ аптекаръ, спавшій съ нѣсколькими лицами, подвергся кошмару и потомъ увѣрялъ, что товарищи бросились на него и хотѣли задушить. Всѣ отрицали его слова, говоря, что онъ провелъ ночь безъ сна и въ какомъ-то бѣшенномъ состояніи. Чтобъ убѣдить его въ истинѣ, его положили одного въ запертой комнатѣ, накормивши сперва хорошимъ ужиномъ и пучащею пищею. Припадокъ повторился, но на этотъ разъ аптекаръ обвинялъ какое-то существо, форму котораго подробно описывалъ. Его подвергли правильному леченію, и кошмаръ прекратился.

Иногда кошмаръ является эпидемически.

«Первый батальонъ Латуръ-овернского полка, въ которомъ я былъ медикомъ, говоритъ докторъ Паранъ, получилъ приказаніе выступить изъ Пальми, въ Калабріи, въ Тропеа. Это было въ іюнѣ; батальону нужно было пройти около сорока туземныхъ миль; онъ вышелъ въ полночь и только въ 7 часовъ вечера достигъ Тропеа, сильно пострадавъ въ дорогѣ отъ солнечнаго жара. Прибывъ на мѣсто, солдаты нашли приготовленный ужинъ и помѣщеніе.

«Такъ какъ батальонъ пришелъ издалека и при томъ послѣдній, то ему отвели самыя скверныя казармы, въ которыхъ должно было помѣститься 800 человѣкъ, тогда какъ въ обыкновенное время помѣщалось только 400. Солдаты

лежали на полу, безъ соломы и одѣяль и потому не могли раздѣться. Жители предупредили насъ, что батальонъ не долго пробудеть въ этой казармѣ, потому что каждую ночь являлся тамъ духъ, и что другіе полки уже познакомились съ нимъ. Мы только засмѣялись надъ ихъ легковѣріемъ, но каково же было наше удивленіе, когда въ полночь мы слышали страшные крики во всей казармѣ, и всѣ солдаты бросились изъ дверей. Я спрашивалъ ихъ о причинѣ ужаса, и всѣ отвѣчали, что въ казармѣ поселился діаволь; они видѣли, какъ онъ вошелъ въ комнату, принявъ видъ большой собаки, съ длинною черною шерстью, и пробѣжавъ по нимъ съ быстротою молніи, исчезъ въ противоположномъ углу.

«Посмѣявшись надъ ихъ паническимъ страхомъ, мы старались доказать имъ, что это явленіе зависѣло отъ простой и естественной причины и было только слѣдствіемъ ихъ собственнаго воображенія. Однакожъ, мы не могли успокоить ихъ и заставить войти въ казарму; остатокъ ночи солдаты провели на берегу моря и во всѣхъ уголкахъ города. На другой день я вновь разспрашивалъ унтеръ-офицеровъ и старыхъ солдатъ, которые увѣряли меня, что вчера собака дѣйствительно пробѣжала по нимъ и едва не задушила ихъ.

«При наступленіи ночи, солдаты легли въ казармѣ, съ тѣмъ только условіемъ, что мы прове-

демъ ночь съ ними. Въ 11^{1/2} часовъ я отправился въ казарму съ начальникомъ батальона; офицеры, изъ любопытства, расположились по комнатамъ. Мы нисколько не думали, чтобы вчерашняя сцена могла повториться, когда въ часъ во всѣхъ комнатахъ раздались крики, и солдаты, боясь быть задушенными собакою, выбѣжали изъ казармы. Мы ничего не видѣли.

«На другой день мы возвратились въ Пальми. Съ тѣхъ поръ мы исходили Неаполитанское королевство во всѣхъ направленихъ и во всѣ времена года, но вышеописанный феноменъ никогда не повторялся (*grand diction. des scien, medic. t. xxxiv, статья incube*).

Предчувствія.

Теперь мы рассмотрим грезы при такомъ расположеніи ума, которое кажется необыкновеннымъ, но имѣеть однакожъ подобное себѣ расположеніе ума при бодрственномъ состояніи человѣка, ибо извѣстно, что умный человѣкъ, опытный, зная прошедшее и настоящее, можетъ гадательно сказать о будущемъ: мы говоримъ о предчувствіяхъ. Изъ наблюдений оказывается, что предчувствія могутъ быть какъ во снѣ, такъ и на яву. Мы начнемъ съ первыхъ.

Есть не подлежащая сомнѣнію сновидѣнія, которыя представляютъ все событіе, совершающееся въ ту самую минуту или долженствующее совершиться спустя нѣсколько времени.

Одинъ протестантскій священникъ, пріѣхавшій въ Единбургъ, остановился въ гостинницѣ. Онъ только что заснулъ, какъ увидѣлъ во снѣ пожаръ своего дома и одного ребенка среди пламени. Онъ немедленно отправляется домой и дѣйствительно находитъ свое жилище въ пламени, среди котораго было забыто одно изъ его дѣтей (Aber crombie, p. 291).

Этотъ фактъ легко объясняется. У священника вѣроятно былъ слуга, неосторожно обращавшійся съ огнемъ, и потому хозяинъ уѣхалъ не совсѣмъ спокойный. Прибавьте къ этому, что отсутствіе хозяина должноствовало увеличить нерадѣніе слуги, который могъ напиться пьянъ на праздникъ въ сосѣднемъ селеніи. Этихъ обстоятельствъ было достаточно, чтобы священникъ увидѣлъ во снѣ пожаръ своего дома, пожаръ, который, по случайному стеченію обстоятельствъ, сдѣлался печальною дѣйствительностью.

Въ сочиненіяхъ Друммонда, стр. 224, говорится, что англійскій король Іаковъ, прибывши въ эпоху лондонской чумы въ сельскій домикъ сэра Роберта Коттона, видѣлъ во снѣ своего старшаго сына, оставшагося въ Лондонѣ, съ кровавымъ знакомъ на лбу, какъ будто бы тотъ былъ раненъ шпагой. Испуганный, онъ отправляется въ комнату сэра Кембдена и рассказываетъ ему сновидѣніе; Кембденъ успокаивалъ короля, говоря, что онъ былъ игрушкою сна и что нѣтъ причины беспокоиться. Въ тотъ же день король получилъ письмо отъ королевы, которая извѣщала его о потерѣ сына, умершаго отъ чумы.

«Я былъ въ графствѣ Кетнессъ, говоритъ докторъ Мекнишъ (the philosophy of sleep), когда видѣлъ во снѣ родственника, жившаго за 300 миль; я видѣлъ, что онъ скоропостижно умеръ. Я проснулся въ неописанномъ ужасѣ. Въ тотъ

же день, я отправилъ письмо, въ которомъ шутя говорилъ о своемъ сновидѣніи. Правду сказать, я боялся, чтобы не стали смѣяться надъ моею вѣрою въ сны. Однакожь, до полученія отвѣта я находился въ грустномъ расположеніи духа. Я предчувствовалъ, что должно случиться или уже случилось несчастіе, и, не смотря на всѣ усилія, не могъ избавиться отъ тягостной мысли, овладѣвшей моимъ умомъ. Вскорѣ я получилъ письмо, въ которомъ говорилось, что родственникъ, видѣнный мною во снѣ мертвымъ, былъ пораженъ апоплексіей въ тотъ самый день, когда я имѣлъ вышеописанное сновидѣніе».

Древность завѣщала намъ много подобныхъ фактовъ; таковы: исторія Симонида, сонъ двухъ друзей, которые, прибывши въ Мегару, разошлись по разнымъ квартирамъ; одинъ изъ нихъ три раза видитъ своего друга умоляющимъ о помощи противъ убійцы, бѣжить къ городскимъ воротамъ и находить его трупъ въ телегѣ. (Cicero, de divin. lib. I. § XXVII, p. 77).

Мы переходимъ къ предчувствіямъ въ бодрственномъ состояніи тѣла.

Въ воспоминаніяхъ слѣпорожденной, я читалъ, что одна дѣвушка, жившая въ деревнѣ у подошвы горъ, могла среди шума различать звуки, незамѣтные для другихъ. Такъ, она слышала раскаты грома въ Пиринейхъ, или мѣрный шагъ лошади, которая показывалась чрезъ нѣсколько часовъ со всадникомъ.

Такое же развитіе въ высшей степени замѣчается и въ другихъ чувствахъ, напр., обоняніе доходитъ иногда до того, что человѣкъ называетъ вещества, лежащія на довольно значительномъ разстояніи и присутствіе которыхъ никто не могъ предполагать.

Отвергали атмосферное вліяніе на извѣстныя организациі, но многіе факты доказываютъ, что существуютъ столь впечатлительныя натуры, что за долго чувствуютъ атмосферныя перемѣны.

Не менѣе интересно поле наблюденій въ нравственномъ мірѣ. Извѣстно, что сильно любящій человѣкъ чувствуетъ присутствіе любимой особы, хотя не видитъ ее. Тоже самое надобно сказать о ненависти.

Къ предчувствіямъ относятся *антипатія* и *симпатія*. Неопровержимые факты ставятъ внѣ сомнѣнія, что нѣкоторые особы вздрагиваютъ, чувствуя приближеніе врага или неизвѣстной опасности. Холодные и серьезные умы отвергаютъ предчувствія (въ томъ числѣ антипатію и симпатію), но многіе вѣрятъ имъ. Въ большинствѣ случаевъ, предчувствія не оправдываются, но тамъ, гдѣ они осуществляются, тамъ они ни что иное, какъ воспоминаніе, простая случайность. Тѣмъ не менѣе истинно, что непредвидѣнное событіе, сильное увлеченіе, живое безпокойство, внезапная перемѣна привычекъ, какой-либо страхъ, по-

рождаютъ въ ту же минуту предчувствія, которыя не рѣдко не слѣдуетъ отвергать.

Предчувствія большею частію объясняются естественными причинами. Не будучи склонны къ чудесному, мы должны однакожь сказать, что есть событія, которыя, повидимому, выходятъ изъ общихъ законовъ, или по крайней мѣрѣ зависятъ отъ малоизвѣстныхъ соотношеній между нравственнымъ и физическимъ міромъ, отъ чрезмѣрной раздражительности нервъ, сомнамбулизма, и проч. Еслибъ мы упомянули всѣхъ извѣстныхъ лицъ, занимающихъ высокое мѣсто въ наукѣ, здравомыслящихъ, обладающихъ основательными и весьма обширными свѣдѣніями, лицъ, имѣвшихъ предчувствія, то далеко вышли бы за предѣлы этой книги.

Врачъ Румбаумъ, въ Бреславлѣ, сомнѣвался въ выздоровленіи одного интереснаго паціента и заснулъ въ огорченіи. Во снѣ онъ видитъ книгу съ подробнымъ описаніемъ леченія. Онъ слѣдуетъ ему и паціентъ вскорѣ выздоравливаетъ.

Гомфри Деви рассказываетъ, что ему во время болѣзни явилась очень красивая женщина, съ которою онъ вступилъ въ живой мысленный разговоръ. Въ это время Деви почувствовалъ сильную любовь къ одной красавицѣ, которая однакожь нисколько не была похожа на разговаривавшую съ нимъ. Последняя имѣла темные во-

лосы, голубые глаза и розовый цвѣтъ лица, тогда какъ дѣйствительно любимая была блѣдная, съ темными глазами и черными волосами. По мѣрѣ выздоровленія Деви, видѣніе стало рѣже. Черезъ десять лѣтъ, когда воспоминаніе о видѣніи совершенно изгладилось, красивая дѣвушка 14—15 лѣтъ воскресла его въ памяти Деви. Еще чрезъ 10 лѣтъ, т. е., чрезъ 20 послѣ болѣзни, Деви опять захворалъ и на своемъ пути встрѣтилъ особу, которая, такъ сказать, была воплощеніемъ его видѣнія, и которой онъ обязанъ былъ спасеніемъ своей жизни.

Въ своемъ *Voyage in the Indian seas*, Джемсъ Приоръ говоритъ, что на Иль де Франсъ есть люди, обладающіе способностью видѣть корабли, которые иногда находятся въ ста англійскихъ миляхъ. Одинъ изъ этихъ людей описывалъ видъ и положеніе корабля, стоявшаго у береговъ Мадагаскара, куда онъ прибылъ за съѣстными припасами. Одна женщина, тоскливо ожидавшая своего милаго, обратилась къ вышеупомянутому человѣку, который сказалъ ей, что корабль находится еще въ трехъ дняхъ пути отъ острова, и что ея возлюбленный моетъ въ эту минуту свое бѣлье. Какъ этотъ, такъ и вышеописанный случай вполнѣ подтвердились. Нѣкто Боттино, жившій также на Иль де Франсъ, зналъ искусство предсказывать за нѣсколько дней прибытіе корабля, хотя послѣдній не показывался еще на горизонтѣ. Дю-

монъ д'Юрвиль упоминаетъ о подобномъ чловѣкѣ, Фальяфе, который замѣчаетъ корабли на разстояніи 200—300, даже 500 миль, и весьма явственно видитъ ихъ на разстояніи 60—100 миль. Фальяфе говорилъ, что корабль является ему сперва въ видѣ темнаго облака съ слабыми контурами, и потомъ мало по малу становится яснѣе, такъ что онъ можетъ сказать, приближается или удаляется корабль; когда же послѣдній покажется на горизонтѣ, тогда исчезаетъ его образъ для Фальяфе.

Въ Вѣнѣ случилось странное происшествіе, которое могло бы имѣть весьма печальныя послѣдствія. Одинъ чиновникъ, сидѣвшій за своимъ бюро, вдругъ почувствовалъ неописанное безпокойство, страхъ, въ которыхъ не могъ дать себѣ отчета, но которые побудили его возвратиться домой. Дѣйствительно, онъ нашелъ свою жену, дня три тому назадъ родившую, совсѣмъ одѣтую, съ испуганными глазами, съ лихорадочными движеніями. «Ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ, сказала она, я жарю гуся и онъ сейчасъ будетъ готовъ.» Въ тоже время, несчастный чиновникъ слышалъ крики ребенка въ кухнѣ, бросился туда, и нашелъ новорожденнаго въ печкѣ. Внезапно пораженная родительною горячкою, мать приняла своего сына за гуся и хотѣла изжарить его. Къ счастью, пришелъ во время отецъ и спасъ ребенка отъ смерти (Patrie, 22 fèv. 1856).

Къ предчувствіямъ слѣдовало бы по всей справедливости отнести такъ называемые пророческіе сны.

Гарунъ аль Рашидъ видѣлъ во снѣ, что его погребутъ въ Тусѣ. Marigny, hist. d. rev. de l'empire d. Arabes, II, 478).

Гимера, жена Сиракузца, видѣла, что прекрасный юноша ведетъ ее на небо, гдѣ подъ трономъ Юпитера прикованъ человѣкъ съ краснымъ лицомъ. На вопросъ ея, кто это? юноша отвѣчалъ: злая участь Италіи и Сициліи, и когда онъ освободится изъ цѣпей, то произведетъ много бѣдъ. Вскорѣ затѣмъ, тиранъ Діонисій овладѣлъ трономъ Сициліи, и Гимера, увидѣвъ его, вскричала, что это тотъ самый, который былъ прикованъ подъ трономъ Юпитера.

Капитанъ Гельтгендорфъ видѣлъ во снѣ утромъ 17 октября 1806 г., около Галле, что у него сильно болитъ кожа на концѣ двухъ пальцевъ лѣвой руки. Въ тотъ же день онъ получилъ приказаніе идти съ своего баттареей. Прибывши на мѣсто, капитанъ хочетъ самъ сдѣлать первый выстрѣлъ, но въ ту минуту непріятельское ядро раздробило пушечное колесо и упавшая шина разбила капитану тѣ самые пальцы, въ которыхъ онъ чувствовалъ ночью боль.

Будучи беременна Парисомъ, Гекуба видѣла, какъ говорить преданіе, что она родила факель, который зажегъ Трою.

Кальпурнія, супруга Юлія Цезаря, видѣла его во снѣ окровавленнаго и потому, въ день его умерщвленія, настойчиво просила не ходить въ сенатъ.

Не задолго до смерти своего супруга, Катерина Медичи видѣла во снѣ, что ему вырѣзали глазъ. На слѣдующій день король былъ раненъ на турнирѣ графомъ Монгомери и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Естественный сомнамбулизмъ.

Все необъяснимое въ сомнамбулизмѣ, говоритъ Ришаръ, надобно приписать силѣ воображенія, которое представляетъ сомнамбуламъ образы съ такою же ясностью, съ какою являются они въ сновидѣніяхъ. Неопровержимо, что въ сновидѣніи мы видимъ предметы какъ бы при полномъ дневномъ освѣщеніи, потому что въ нашемъ мозгу сохраняется какъ самый образъ предмета, такъ и свѣтъ, при которомъ мы видѣли его.

По нашему мнѣнію, сомнамбулизмъ отличается отъ сна только степенью силы и нѣкоторыми особенными явленіями. Здѣсь, какъ въ сновидѣніяхъ, умъ занятъ своими собственными впечатлѣніями, которыя онъ принимаетъ за внѣшнія ощущенія, дѣйствительныя и существенныя; но органы повинуются болѣе волѣ, такъ что человѣкъ дѣйствуетъ и говоритъ подъ вліяніемъ своихъ идей. Точно также мы замѣчаемъ въ сомнамбулизмѣ извѣстную связь съ экстазомъ. Тоже мнѣніе высказалъ Ш. Левекъ, который считаетъ сонъ слабѣйшею степенью бодрствованія, и полагаетъ, что наукѣ удастся, безъ сомнѣнія, доказать, что сомнамбулизмъ и экстазъ суть только крайнія

степень сна. (*Revue des Deux Mondes*, 1858, р. 926). Если нервное крайнее раздраженіе или какое другое подобное состояніе, такъ сказать, освѣщаетъ, оживляетъ, идеи-образы мозга, если послѣднимъ руководить потомъ привычка, то не менѣе достовѣрно, что во многихъ случаяхъ, то или другое чувство, на мгновеніе пробудившееся, доставляетъ мозгу матеріалы, изъ которыхъ нашъ умъ заимствуетъ предметъ для своей работы. Тогда происходитъ тоже, что мы замѣтили въ сновидѣніяхъ: чувства составляютъ полезныхъ помощниковъ ума, который ассимилируетъ ихъ впечатлѣнія чрезвычайно быстро и остро. Опыты Жиру де Бюзаренгъ повидимому доказываютъ, что при помощи чувствъ можно по произволу измѣнять природу сновидѣній. Заснувши съ открытыми колѣнями, онъ видѣлъ во снѣ, что путешествуетъ ночью въ дилижансѣ; путешественники знаютъ, говоритъ онъ, что въ каретѣ скорѣе всего зябнуть колѣни. Повторивши этотъ опытъ, онъ имѣлъ подобное же сновидѣніе.

Слѣдующіе примѣры служатъ новыми доказательствами тому, что чувства играютъ не послѣднюю роль въ сомнамбулизмѣ.

Въ этомъ состояніи чаще всего сохраняется слухъ; слышать вопросы и отвѣчаютъ на нихъ, какъ на яву. Осязаніе также часто не прекращается; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно можетъ даже пріобрѣсть необыкновенную тонкость. Всѣми

дѣйствіями сомнамбуловъ такъ сказать управляетъ чувство. Соважъ изъ Монпеллье замѣтилъ у двухъ больныхъ естественный сомнамбулизмъ, сопровождаемый ясновидѣніемъ; его отчетъ находится въ *Mém. de l'Ac. d. sciences.*

Мы замѣтили еще чувство зрѣнія, такъ что можно допустить, что при многочисленныхъ опытахъ найдемъ въ сомнамбулѣ присутствіе всѣхъ чувствъ. Начнемъ съ факта, доказывающаго, что сомнамбулъ обладаетъ слухомъ.

Въ четыре часа утра, служанка, спустившись съ лѣстницы, постучала въ комнату своей госпожи. Последняя спросила, что ей надобно; служанка обыкновеннымъ голосомъ отвѣчала, что ей нужно нитокъ для починки платья, которое она разорвала; въ тоже время служанка заплакала и стала просить извиненія. Она возвратилась въ свою комнату и стала ощупью искать нитокъ. Съ ней заговорили, но она, не замѣтивъ различія въ голосѣ, вскричала: это голосъ моей госпожи, что, однакожъ, было несправедливо и ясно доказываетъ, что служанка слышала, но не видѣла, кто съ нею разговариваетъ, хотя глаза ея были открыты (*Macnish, p. 192*).

Благородный итальянецъ, упоминаемый Муратори, слышалъ, ибо шумъ пугалъ его и заставлялъ бѣжать. Онъ сѣдлалъ лошадь и игралъ на арфѣ.

Чувство зрѣнія можетъ у сомнамбуловъ дѣйствовать одно или вмѣстѣ съ слухомъ и осязаніемъ. Нижеприведенные примѣры мало извѣстны, весьма любопытны и могутъ гораздо лучше объяснить фізіологію, нежели объясненія, не подкрѣпленные фактами. Описываемыя явленія нельзя отнести къ сумасшествію и зависятъ, по нашему мнѣнію, отъ моментальнаго развитія духа, проявленія котораго далеко еще не всѣ извѣстны намъ.

Молодой канатчикъ, 22 лѣтъ, говоритъ Мори, уже три года былъ подверженъ припадкамъ сомнамбулизма, которые случались во всякое время дня; сонъ наступалъ внезапно, канатчикъ терялъ чувства, что, однакожъ, не препятствовало ему продолжать начатую работу. Въ моментъ наступленія припадка, онъ хмурилъ брови, опускалъ глаза, закрывалъ вѣки, и всѣ его чувства тупѣли. Тогда можно было толкать, щипать, колоть его, онъ не чувствовалъ, не слышалъ ничего, даже если звали его по имени или стрѣляли изъ пистолета надъ самымъ ухомъ. Дыханія не было слышно; онъ не видѣлъ; вѣки нельзя было развести. Впадалъ ли онъ въ это состояніе, скручивая веревку, то продолжалъ работать, какъ будто бы не спалъ; если онъ шелъ, то продолжалъ идти, иногда не много скорѣе, чѣмъ прежде. Много разъ онъ ходилъ сонный изъ Наумбурга въ Веймаръ. Проходя однажды по улицѣ, на которой былъ сваленъ лѣсъ, онъ перескочилъ черезъ послѣдній;

стало быть, онъ видѣлъ предметы. Также ловко онъ избѣгалъ экипажей и прохожихъ. однажды, ѣхавши верхомъ, онъ былъ застигнутъ припадкомъ въ двухъ миляхъ отъ Веймара; тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ путь, проѣхалъ лѣсокъ, гдѣ напоилъ лошадь, и, прибывши въ Веймаръ, отправился на рынокъ, скользя между прохожими и лавками, какъ будто бы не спалъ; потомъ сошелъ съ лошади и привязалъ ее къ кольцу, зашелъ къ товарищу, съ которымъ имѣлъ дѣло, сказалъ ему нѣсколько словъ, прибавя, что идетъ въ канцелярію, и вдругъ проснулся; пораженный удивленіемъ и страхомъ, онъ рассыпался въ извиненіяхъ.

Этотъ странный и мало извѣстный фактъ доказываетъ, что сомнамбулизмъ есть родъ восторженной каталепсіи. Бывали примѣры, что заснувшіе отвѣчали на вопросы, рассказывали такія вещи, о которыхъ умолчали бы въ бодрственномъ состояніи, и, по окончаніи сна, изъявляли удивленіе, когда имъ рассказывали все случившееся съ ними. Въ царствованіе Іакова I, въ Англіи жилъ докторъ Гейкокъ, сомнамбуль, который во время сна бѣгло говорилъ по Гречески и Еврейски, хотя зналъ только основанія этихъ языковъ.

Мори упоминаетъ также объ одной дѣвушкѣ, которая въ припадкахъ сомнамбулизма читала съ закрытыми глазами; иногда она подвигала книгу къ глазамъ, какъ бы для того, чтобы лучше раз-

смотрять буквы (Maury, annal. mèd.-psychol., janv. 1861, p. 95, 96).

Слѣдующій примѣръ имѣеть много общаго съ этою дѣвушкой.

Франсуа Соавъ говоритъ объ одномъ Каstellи, котораго застали ночью въ сомнамбулизмѣ, за переводомъ съ итальянскаго на французскій; Каstellи даже приискивалъ слова въ словарь. Присутствующіе потушили его свѣчу; видя себя въ темнотѣ, онъ отправился въ кухню, чтобы зажечь свѣчу, хотя комната освѣщалась другими свѣчами. Онъ слышалъ разговоръ, имѣвшій отношеніе къ его мыслямъ, но оставался глухъ къ рѣчамъ, которыя касались другихъ предметовъ (Francesco Soave, *Reflessioni sopra in somnambolismo*).

Въ слѣдующихъ двухъ фактахъ еще интереснѣе дѣйствіе чувствъ. Зрѣніе и осязаніе конечно имѣли здѣсь весьма большое участіе, но тѣмъ не менѣе надобно сказать, что и умъ много содѣйствовалъ.

Докторъ Франклинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ странную особенность: я вышелъ изъ дому купаться въ теплой соленой водѣ въ Соутгемптонѣ. Плывъ на спинѣ, я заснулъ и сонъ мой продолжался, сколько я могъ замѣтить, около часу; въ теченіе всего этого времени я не погружался и не перевертывался, чего никогда бы не могъ сдѣлать прежде и что едва считалъ вѣроятнымъ (Macnish, p. 195).

Нѣсколько времени тому назадъ, случилось въ одномъ изъ приморскихъ Ирландскихъ городовъ болѣе странное происшествіе. Около двухъ часовъ пополудни, стража на набережной замѣтила человѣка въ водѣ, въ разстояніи ста ярдовъ отъ берега. Дано приказаніе лодкѣ, которая немедленно отправилась къ незнакомцу; его схватили, но, странное дѣло, онъ не имѣлъ никакого понятія о своемъ опасномъ положеніи. Лодочники съ трудомъ убѣдили его, что онъ лежитъ на водѣ. Самое замѣчательное въ этомъ приключеніи то, что упомянутый человѣкъ вышелъ въ сомнамбулизмѣ изъ дома въ полночь, прошелъ двѣ мили скверной и опасной дороги и проплылъ $1\frac{1}{2}$ мили, когда его замѣтила стража.

Много разъ было доказано, что сомнамбулы отвѣчали на вопросы. Тоже явленіе замѣчено и въ сновидѣніяхъ. Во всѣхъ сочиненіяхъ о снѣ находится рассказъ о морскомъ офицерѣ, котораго товарищи заставляли исполнять различныя сцены, подсказывая ему содержаніе послѣднихъ. Кромѣ того, утверждали, что сомнамбулы не помнятъ случившагося съ ними; это замѣчаніе, вообще справедливое, имѣетъ однакожъ исключенія. Такъ, слуга Гассенди проснувшись помнилъ, что дѣлалъ въ сомнамбулическомъ состояніи, а слѣдующій фактъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ вышеприведенныхъ словахъ.

Очень почтенный джентльменъ, долго коман-

довавший купеческимъ кораблемъ, разсказаль слѣдующее происшествіе, случившееся въ то время, когда онъ стоялъ на якорѣ въ Тахо. Одинъ изъ его экипажа былъ убитъ Португальцемъ, и на кораблѣ распространился слухъ о привидѣніи. Матросы не хотѣли оставаться на кораблѣ, такъ что надобно было предположить, что они скорѣе убѣгутъ, нежели возвратятся въ Англію. Въ избѣжаніе такого несчастія, капитанъ С. рѣшился изслѣдовать дѣло; онъ вскорѣ открылъ, что хотя всѣ полагали, будто видѣли свѣтъ, слышали шумъ, вся исторія однакожъ основывается только на словахъ его лейтенанта, родомъ Ирландца, человека хладнокровнаго, честнаго и благоразумнаго, котораго капитанъ никакъ не могъ заподозрить въ дурномъ умыслѣ.

Лейтенантъ торжественно увѣрялъ капитана, что духъ убитаго матроса является ему почти каждую ночь и наводитъ на него смертельный страхъ; къ этому лейтенантъ прибавилъ, что онъ будетъ вынужденъ оставить корабль. Изъ того ужаса, съ какимъ онъ разсказывалъ, можно было заключить, что лейтенантъ дѣйствительно имѣлъ какое либо видѣніе. Не входя въ споръ въ настоящую минуту, капитанъ рѣшился ночью наблюдать за лейтенантомъ.

Какъ только пробило полночь, лейтенантъ вдругъ всталъ съ испуганнымъ видомъ, зажегъ свѣчку и отправился въ кухню; здѣсь онъ сѣлъ,

открывши глаза и устремивъ ихъ, какъ будто предъ нимъ находился какой либо страшный предметъ, отъ котораго онъ не могъ оторвать глазъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ всталъ пробормоталъ что-то, глубоко вздохнулъ, какъ будто избавился отъ бремени и, возвратясь на койку, мирно заснулъ. На другой день лейтенантъ разсказалъ капитану точную исторію привидѣнія, прибавя, что духъ привелъ его въ кухню.

Капитанъ повѣдалъ ему, что дѣйствительно случилось ночью, и прибавилъ такія подробности, которыя доказали лейтенанту, что онъ былъ игрушкою своего воображенія. Лейтенантъ сознался, и съ тѣхъ поръ не имѣлъ уже видѣній. (Walter-Scott, p. 215).

Этотъ фактъ доказываетъ, что сомнамбуль можетъ помнить происходящее съ нимъ, хотя не понимаетъ своего состоянія, ибо принимаетъ грезы за дѣйствительность; равнымъ образомъ, онъ подтверждаетъ мнѣніе физиологовъ, которые замѣтили, что сновидѣнія рождаются обыкновенно въ концѣ сна, тогда какъ грезы сомнамбула являются почти тотчасъ послѣ усыпленія, чѣмъ можно объяснить забывчивость сомнамбуловъ.

Относительно ясновидѣнія сомнамбуловъ, ихъ ловкости въ путешествіяхъ, то мы приписываемъ это особенному состоянію ихъ мозга, состоянію, при которомъ становятся явственнѣе всѣ знакомые имъ предметы; отсюда увѣренность въ ихъ

движеніяхъ; къ этому надобно прибавить невозможность сравнивать и размышлять. Совсѣмъ другое дѣло, когда сомнамбулы вступаютъ въ незнакомыя мѣста, полагаютъ, что находятся въ темнотѣ, когда внезапное волненіе, новый предметъ, нарушать ихъ идеи, тогда нерѣдко они ошибаются дорогой, принимаютъ одинъ предметъ за другой, чему примѣромъ можетъ служить сомнамбулъ, о которомъ упоминаетъ Лемуанъ; этотъ человѣкъ садился верхомъ на подоконникъ, думая, что ѣдетъ на лошади. Кромѣ того, подобное состояніе ихъ ума можетъ имѣть весьма дурныя слѣдствія.

Мекнишъ рассказываетъ, что одна молодая женщина, будучи разбужена своею родственницею, которая слѣдила за нею, впала въ такой сильный ужасъ, что умерла на мѣстѣ. По словамъ того же автора, жительница Дрездена, пораженная свѣтомъ въ окнѣ, изъ котораго она вышла на крышу, упала и разбилась до смерти.

Лорри рассказываетъ два очень интересныхъ случая, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Мы приведемъ только сущность его разсказа. Одна женщина, въ припадкѣ сомнамбулизма, имѣла обыкновеніе громко разговаривать съ отсутствующими, какъ будто они были около нее. Она не чувствовала внѣшнихъ впечатлѣній, ее можно было щипать, колоть. Въ этомъ состояніи она ясно видѣла предметы, которые касались ея идей.

Руки и пальцы оставались въ томъ положеніи, въ какомъ заставлялъ ее припадокъ, и тогда только мѣняли положеніе, когда невольное движеніе членовъ сообщало имъ другое направленіе. Послѣ пароксизма она ничего не помнила изъ случившагося съ нею.

Другой фактъ. Одна женщина, не имѣвшая еще регулъ, обыкновенно обращалась, во время припадка, съ разговоромъ къ особѣ, которую очевидно видѣла; рѣчи ея касались всегда тѣхъ предметовъ, которые особенно занимали ее. Въ этомъ состояніи, она не сознавала присутствія окружающихъ, не видѣла и не слышала ихъ. Мать этой женщины умерла внезапно, и дочь, въ своихъ пароксизмахъ, продолжала говорить съ нею, какъ будто та была еще въ живыхъ.

Въ этихъ двухъ фактахъ, надобно особенно замѣтить полное безчувствіе сомнамбуловъ ко всѣмъ физическимъ или моральнымъ ощущеніямъ, кромѣ тѣхъ, которыя имѣли связь съ ихъ идеями и чувствами. Это составляетъ поразительную черту сходства съ искусственнымъ сомнамбулизмомъ. Другая черта есть мгновенная перемѣна, производимая сомнамбулизмомъ въ мысляхъ и въ совѣсти, и въ внезапномъ возвращеніи обычнаго состоянія ума послѣ пароксизма.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, пароксизмъ наступаетъ во время сна; однакожь не рѣдко можно замѣтить въ теченіе дня такое состояніе, ко-

торое весьма сходно съ сомнамбулизмомъ, и въ которомъ мы видимъ особенную нечувствительность къ внѣшнимъ предметамъ. Пароксизмы наступаютъ то вдругъ, то имъ предшествуетъ шумъ или чувство тяжести въ головѣ. Больные становятся тогда болѣе или менѣе разсѣяны, они не замѣчаютъ внѣшнихъ предметовъ или имѣютъ о нихъ весьма смутное понятіе. Не рѣдко они говорятъ понятно и связно, но въ ихъ рѣчахъ всегда отражается настоящее состояніе ихъ духа.— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, они говорятъ довольно правильно цѣлыя поэтическія произведенія, или другіе отрывки, которыхъ не могли бы произнести внѣ припадка. Иногда они разговариваютъ съ воображаемыми существами, упоминаютъ о подробностяхъ или рѣчахъ, которыя случились или были сказаны въ давно прошедшее время и которыя, какъ слѣдовало бы предположить, уже изгладились изъ ихъ памяти; нѣкоторые поютъ гораздо лучше, нежели внѣ припадка, и существуютъ примѣры, неподлежащіе никакому сомнѣнію, что сомнамбулы правильно и бѣгло говорятъ на языкахъ, которыми едва владѣютъ въ бодрственномъ состояніи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ Аберкромби, я пользовалъ молодую женщину, подверженную подобнаго рода припадкамъ, которые постоянно наступали днемъ и продолжались отъ 10 минутъ до 1 часа. Безъ предшествующихъ симптомовъ, тѣло ея становилось неподвижно, откры-

тые глаза пристально смотрѣли на одну точку; она не сознавала, что дѣлалось вокругъ ее. Принадокъ наступалъ часто за фортепьяно; она продолжала играть и притомъ удивительно вѣрно. Однажды принадокъ наступилъ въ ту минуту, когда она начала разыгрывать новую для нея пьесу. Во время пароксизма, она продолжала играть и повторила безошибочно всю пьесу пять или шесть разъ; придя въ себя, упомянутая женщина не могла играть этой пьесы безошибочно. (Abercrombie, p. 308 и 313).

Грезы сомнамбулизма могутъ дать поводъ къ страннымъ поступкамъ, которые повлекли бы за собою большую отвѣтственность и дурныя слѣдствія для совершившаго ихъ, еслибъ упомянутыя причины не были хорошо извѣстны.

Неаполитанскіе журналы рассказывали, что одинъ человѣкъ въ припадкѣ сомнамбулизма подумалъ, будто его жена, спавшая съ нимъ вмѣстѣ, сдѣлалась ему невѣрна; онъ опасно ранилъ ее кинжаломъ, съ которымъ никогда не разставался. Адвокатъ Мальетта объявилъ, что удары и раны, нанесенные спящимъ и притомъ въ состояніи сомнамбулизма, не должны подвергать его наказанію. (Union médic., 16 dec., 1851).

Къ такимъ же случаямъ надобно отнести поступокъ Шмидмайцига, который во время сна убилъ свою жену, принявши ее за привидѣніе.

Въ заключеніе мы должны еще упомянуть объ явленіяхъ, которыя хотя и не относятся прямо къ естественному сомнамбулизму, однакожь представляютъ большой интересъ для физиологовъ.

Грезы естественнаго сомнамбулизма, восторженности, говорить Лемуанъ, имѣють своимъ основаніемъ истинное прошедшее и настоящее, нравы, чувства и обычныя идеи, однимъ словомъ, самую личность индивидуума, его характеръ, пищу. Слуга Гассенди остается слугою, будетъ ли онъ бодрствовать или находиться въ сомнамбулизмѣ; бордосскій семинаристъ всегда будетъ лицомъ, назначеннымъ для духовнаго званія. Даже люди, имѣющіе галлюцинаціи, сумасшедшіе всякаго рода, ищутъ объясненія своихъ видѣній большею частію въ дѣйствительности.

Это чувство личной тождественности, неподлежащее сомнѣнію въ сновидѣніяхъ, усматривается равнымъ образомъ въ сомнамбулизмѣ. Этому первному состоянію дали названіе *двойственнаго самосознанія*; оно важно по тѣмъ значительнымъ перемѣнамъ, которыя производитъ въ характерѣ, наклонностяхъ. Поэтому, мы полагаемъ, что прочтутъ съ любопытствомъ слѣдующія наблюденія знаменитыхъ докторовъ.

Другу моему, доктору Уильсону, врачу въ Мидльсекскомъ госпиталѣ, я обязанъ, говорить докторъ Бинсъ, наблюденіемъ замѣчательнаго случая *двойственнаго самосознанія* у ребенка.

Субъектъ былъ недовѣрчивъ, робокъ и скромнень; былъ умеренно; въ естественномъ состояніи его поступки обличали честный и мнительный характеръ; но, съ наступленіемъ припадка, онъ терялъ всѣ эти качества. Спалъ много, едва просыпался, и, вставши, пѣлъ, говорилъ наизусть и импровизовалъ стихи съ большимъ жаромъ и самоувѣренностью. Если онъ не спалъ, то бѣлъ. Сойдя съ кровати и направляясь къ другому больному, онъ открыто и храбро овладѣвалъ всѣми кушаньями, какія попадались ему подъ руку. Не смотря на эти припадки, онъ былъ уменъ и локъ.

Въ Medical Repository былъ напечатанъ докторомъ Митчель случай, имѣющій нѣкоторое сходство съ предыдущимъ.

Одна молодая женщина хорошаго сложенія, съ большими способностями и отлично воспитанная, обладала превосходною памятью. Вдругъ она впала въ глубокій сонъ, продолжавшійся нѣсколько часовъ болѣе обыкновеннаго. Пробудясь, она замѣтила, что лишилась всѣхъ прежнихъ своихъ знаній, такъ что ей нужно было вновь учиться. Мало по малу, она выучилась складывать, читать, писать, дѣлать вычисленія, ознакомилась съ окружающими вещами и предметами. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ припадокъ сна повторился. Когда упомянутая особа проснулась, она была въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ находилась до

перваго припадка, но совершенно забыла случившееся съ нею въ промежутокъ между обоими припадками. Мало по малу она освоилась съ этими перемѣнами и называетъ первое состояніе, т. е., нормальное, *старымъ*, другое же — *новымъ*. Въ старомъ состояніи, она обладаетъ всѣми своими прежними знаніями; въ новомъ же знаетъ только то, чему выучилась въ этомъ состояніи; если ей представили даму или джентльмена въ старомъ состояніи, то нужно было представить ихъ ей и въ новомъ. При старомъ состояніи, почеркъ ея очень красивъ, тогда какъ въ новомъ онъ похожъ на каракульки. Въ такомъ положеніи она провела болѣе 4-хъ лѣтъ и переходила изъ одного состоянія въ другое послѣ долгаго и глубокаго сна. Теперь эта дама и ея родственники превосходно понимаютъ другъ друга; имъ довольно только знать, находится ли она въ томъ или другомъ положеніи, чтобы дѣйствовать сообразно тому. (Macnish, The anatomy of sleep, p. 215).

Къ подобнымъ же фактамъ надобно отнести^{*)} наблюденіе доктора Дайса изъ Эбердина. •

Субъектъ — дѣвушка служанка, подверженная припадкамъ спячки, которые наступаютъ внезапно днемъ и которые сперва можно предотвратить, качая или выводя упомянутую дѣвушку на чистый воздухъ. Вскорѣ она начала много говорить во время припадковъ и не слышала, что ей говорили. Однажды она сказала наизусть слы-

шанную проповѣдь. Въ дальнѣйшихъ припадкахъ, эта дѣвушка стала слышать, что ей говорятъ, и отвѣчать разумно, хотя въ ея отвѣтахъ можно было замѣтить вліяніе грезъ; равнымъ образомъ она сдѣлалась способна исполнять свои обычные обязанности во время припадка; однажды она накрыла столъ и много разъ одѣвала и раздѣвала дѣтей, *закрывши глаза*. Впослѣдствіи, замѣтили слѣдующую особенность: во время пароксизма она превосходно помнила все случившееся съ нею въ первые припадки, тогда какъ въ нормальномъ состояніи она рѣшительно забывала это. Въ одинъ изъ такихъ припадковъ, она отправилась въ церковь, вела себя прилично, очевидно, слушая проповѣдника, и одинъ разъ такъ была поражена его словами, что заплакала. Въ промежутокъ между этимъ и слѣдующими припадками, она вѣрно рассказала содержаніе проповѣди и указала на мѣсто, которое особенно поразило ее. Во время же припадка, она прочитала отрывокъ изъ предложенной ей книги и пѣла много пѣсень. Припадки продолжались полгода, окончившись съ наступленіемъ менструацій. (Abercrombie, 316).

Многіе пункты этого замѣчательнаго факта объясняются, по мнѣнію Аберкромби, слѣдующимъ, болѣе необыкновеннымъ фактомъ, который можно бы отнести къ ясновидѣнію.

— Семилѣтняя дѣвочка изъ низшаго класса народа, исправлявшая на фермѣ должность пастуха,

имѣла обыкновеніе спать въ комнатѣ, которая отдѣлялась тонкою перегородкой отъ комнатки, въ которой жилъ скрипачъ. Послѣдній, хотя и странствующій музыкантъ, игралъ однакожъ очень хорошо и нерѣдко проводилъ часть ночи, играя избранныя пьесы, которыя для ребенка казались однакожъ нескладнымъ шумомъ. По прошествіи полугода, дѣвочка заболѣла; ее отвезли къ одной благодѣтельной женщинѣ, которая, вылечивъ ее, приняла въ число своихъ слугъ. Прошло нѣсколько лѣтъ, какъ она жила у этой госпожи, когда по ночамъ стала раздаваться прекрасная музыка, которая возбудила сильное любопытство и удивленіе въ домѣ. Не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько дней, замѣтили, что звуки слышались изъ комнаты упомянутой дѣвочки; отправляются туда и находятъ дѣвочку спящую, но издающую горломъ совершенно скрипичные звуки. Въ этихъ упражненіяхъ прошло два часа; потомъ она сдѣлалась неспокойна, стала прелюдировать аккордами, которые какъ будто брались на скрипкѣ, и наконецъ начала одну изъ ученыхъ музыкальныхъ пьесъ, которую исполнила тщательно и вѣрно; издаваемые ею звуки были похожи на самые нѣжные скрипичные. Во время исполненія упомянутыхъ пьесъ, она останавливалась нѣсколько разъ, какъ бы для того, чтобы настроить инструментъ, и начинала опять пьесу именно съ того мѣста, на которомъ остановилась. Припадки эти повторялись чрезъ неравномѣрные промежут-

ки, которые измѣнялись отъ 14 до 20 ночей. За ними обыкновенно наступала лихорадка и боль въ различныхъ частяхъ тѣла.

Едва прошло два года, какъ музыкальное дарованіе не ограничивалось болѣе скрипкою; дѣвочка стала подражать фортепьяно, и пѣть. На третій годъ, она начала говорить во снѣ о различныхъ предметахъ, но преимущественно о характерѣ членовъ семейства и посѣтителей. Истина и точность ея замѣчаній возбуждали удивленіе тѣхъ, кто зналъ ограниченность ея умственныхъ способностей.

Во время этихъ припадковъ, ее трудно было разбудить; зрачекъ оставался нечувствителенъ къ свѣту. Когда ей было около 16 лѣтъ, она стала замѣчать присутствіе постороннихъ въ комнатѣ и могла опредѣлить ихъ число, хотя комната не была освѣщена. Она стала отвѣчать на предлагаемые вопросы и обращать вниманіе на замѣчанія.

Въ эпоху припадковъ, продолжавшуюся 10-11 лѣтъ, она въ нормальномъ состояніи была глупа, неловка, съ трудомъ училась, хотя заботились объ ея умственномъ образованіи, не имѣла, по видимому, никакого дарованія къ музыкѣ, и ничего не помнила изъ случившагося съ нею во снѣ. (Abercrombie Inquiries concerning the intellectual

powers and the investigation of truth. Somnambulism, p. 318 и слѣдующ. 2 издан. Лондонъ, 1841).

За тѣмъ Аберкромби приводитъ наблюденіе надъ одною дѣвушкой, которая, едва заснувши, начинаетъ воспроизводить всѣ дневныя событія, съ паузами, интонаціями, жестами людей. Она рѣдко говорила что читала; но если это случилось, то она произносила слова гораздо правильнѣе, нежели въ бодрственномъ состояніи. Часто также она предавалась своимъ обычнымъ занятіямъ. За этимъ состояніемъ, которое продолжалось довольно долго, наступила полная трехдневная потеря сознанія внѣшнихъ предметовъ. Дѣвушку отослали къ родителямъ, у которыхъ она вскорѣ поправилась.

Фонъ-Говенъ приводитъ наблюденіе надъ молодымъ студентомъ, который, заснувши, начиналъ видѣть продолженіе сновидѣнія, прерваннаго въ предыдущую ночь. Сновидѣніе не имѣло никакой связи съ дневными событіями; въ бодрственномъ состояніи, студентъ не помнилъ сновидѣнія. Это состояніе продолжалось около трехъ недѣль.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы не нашли положительныхъ доказательствъ двойственности личности. Спящій сомнамбуль, и проч., суть игрушки своихъ грезъ, но послѣднія ни-

что иное, какъ неполное измѣненіе дѣйствительности; заблужденіе несовершенно, и истинное я всегда существуетъ подъ видомъ заимствованной личности.

Еслибъ прошлая жизнь восторженнаго была всецѣло и совершенно уничтожена его припадкомъ, то не долженъ ли онъ, вмѣстѣ съ потерей воспоминанія о своемъ состояніи и поступковъ, забыть также языкъ, которымъ говорилъ, всѣ знанія и заблужденія, которыми обязанъ воспитанію, и всѣ привычки, приобрѣтенныя въ уничтожившемся прошедшемъ? Не долженъ ли онъ начать новую жизнь? Въ дѣйствительности, мы видимъ другое. Какъ бодрственное состояніе и самый аномальный экстазъ раздѣлены, или, правильнѣе сказать, соединены непрерывнымъ рядомъ незамѣтныхъ ступеней, такъ что между этими обоими крайними состояніями никогда не бываетъ слишкомъ рѣзкаго перехода, такъ точно между бодрствованіемъ и сномъ, здравымъ смысломъ и потерей разсудка, грезами и сомнамбулизмомъ, сомнамбулизмомъ и экстазомъ, существуетъ для одного и того же человѣка неизмѣняемость, тождественность лица. Сознаніе этой тождественности, ясное въ бодрственномъ состояніи, становится смутно и неясно въ экстазѣ. Замѣчается ослабленіе и затемнѣніе, но не уничтоженіе или полное превращеніе.

Магнетизмъ и искусственный сомнамбулизмъ.

Въ организмѣ человѣка есть сила, при помощи которой достигаютъ замѣчательныхъ результатовъ; эта сила есть вліяніе или, правильнѣе сказать, воля человѣка, нервная сила. Она дѣйствуетъ не только словомъ, жестомъ, взглядомъ, но и осязаніемъ. Пожатіе, соприкосновеніе рукъ, производятъ часто въ нервныхъ болѣзняхъ замѣтное улучшеніе, мгновенную перемѣну. Очевидно, такое лекарство имѣетъ связь съ степенью чувствительности врача, впечатлительностью или правильнѣе сказать, воспріимчивостью кліента. Здѣсь нельзя предписывать правила, все зависитъ отъ идіосинкразіи, и очень ученый человѣкъ, не обладающій нужными качествами, потерпитъ полную неудачу въ подобномъ опытѣ и вѣроятно не пойметъ даже его. Воображеніе, безъ сомнѣнія, играетъ здѣсь важную роль, хотя не всѣ факты можно объяснить имъ.

Знаменитые ученые признавали это могущественное вліяніе человѣка на человѣка. По мнѣнію Гумбольдта, нервная жидкость можетъ оказывать свою дѣятельность вокругъ человѣка, подобно на-

электризованнымъ тѣламъ. Кювье допускалъ родъ сообщенія между нервными системами двухъ лицъ. Отыскивая мнимую причину животнаго магнетизма, говоритъ Араго, доказали дѣйствительную власть, оказываемую человѣкомъ на человѣка безъ всякаго посредника и независящую отъ какого либо физическаго дѣятеля. Доказали, продолжаетъ онъ, что самыя простыя жесты и знаки производятъ иногда самыя огромныя слѣдствія; что дѣйствіе человѣка на воображеніе можетъ сдѣлаться искусствомъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи лицъ имѣющихъ вѣру (*Annuaire du bureau des longitudes; Biogr. de Bailly, par Arago. Paris, 1853*).

Сдѣлавъ это вступленіе, мы рассмотримъ нѣкоторыя наблюденія.

Дѣвицѣ Каролинѣ 17 лѣтъ, она лимфатико-сангвиническаго темперамента съ преобладаніемъ нервной системы. Умъ ея развитъ и образованъ. Родственники ея имѣли такіе же припадки, какъ она. Причина припадковъ неизвѣстна дѣвицѣ Каролинѣ. Три года тому назадъ, она почувствовала боль въ одномъ изъ мускуловъ на лѣвой сторонѣ; боль эта, имѣвшая перемежающійся характеръ, возобновлялась три раза въ опредѣленные эпохи. За болью мускула наступалъ судорожный кашель, который, по прошествіи извѣстнаго времени, замѣнился внезапною потерей голоса, вслѣдствіе которой появились припадки, отъ коихъ она теперь страдаетъ. Припадковъ было 27; за ними

наступило явное улучшение. Въ маѣ текущего года, припадки возобновились и продолжаются до сихъ поръ. По словамъ больной и ея родственниковъ, припадки эти можно раздѣлить на два отдѣла, судя по ихъ жестокости. Больная представляетъ особенность, которую мы нѣсколько разъ замѣчали у истерическихъ женщинъ, подверженныхъ экстазу, каталепсiи, и проч.; я говорю о болѣе или менѣе долгомъ голоданiи. Нѣсколько разъ больная отказывалась отъ пищи, а въ послѣднiе десять дней довольствовалась одною водою. Не смотря на продолжительное голоданiе, лице ея и тѣлосложенiе не измѣнились слишкомъ.

Дѣвица Каролина представляла слѣдующiе симптомы: въ половинѣ седьмого часа по утру, она переставала говорить, ложилась на лѣвый бокъ, вслѣдствiе боли шеи, и стонала. Въ этомъ состоянiи она свивавалась въ клубокъ; глаза, устремленные на одну точку или поднятые кверху, оставались нечувствительны; зрачекъ ни расширялся, ни сокращался. По временамъ замѣчаются судорожныя движенiя, и больная подпрыгиваетъ на постели. Она не отвѣчала на вопросы и не шевелилась, когда входили къ ней въ комнату во время припадка, но едва дотрогивались до нее, какъ въ ту же минуту она вскакивала, какъ будто отъ электрической искры, и испускала жестокiе, грубые звуки. Если продолжали ее трогать,

то она впадала въ жестокія судороги, во время которыхъ дѣлала чрезвычайно быстрыя и разнообразныя движенія. Припадокъ оканчивался внезапно; больная улыбаясь брала свою работу, книгу, обѣдала, не жаловалась на боль и ничего не помнила изъ случившагося съ нею. Припадокъ продолжался отъ трехъ до четырехъ часовъ, то усиливаясь, то ослабѣвая. Въ промежутокъ между припадками больная часто оставалась неподвижна, съ пристальнымъ взглядомъ, съ улыбкою на устахъ, шепча какія-то непонятныя слова.

Послѣобѣденныя припадки, начинавшіеся вообще въ два или три часа и продолжавшіеся до 5 или до 6 часовъ, были гораздо сильнѣе. Послѣ нѣсколькихъ, довольно высокихъ прыжковъ на постели, больная клала ноги на край постели и съ быстротою обезьяны кидалась на полъ; здѣсь она выдѣлывала удивительныя прыжки на локтяхъ, колѣняхъ, вверхъ, назадъ, впередъ. Если во время этихъ припадковъ отворяли дверь въ ея комнату, она старалась спрятаться, ползя по змѣиному. Послѣ прыжковъ, больная садилась, какъ портные, закинувъ голову назадъ; дыханіе было глубокое, свистящее и частое. Иногда она вскрикивала: *какъ я страдаю*; она, то плакала, то вскрикивала, стонала, ворчала. Когда прекращались судорожныя движенія, больная говорила сама съ собой, обыкновенно начиная рѣчь грубыми словами, потомъ бранила лѣчившихъ ее докто-

ровъ, приписывая имъ всё свои страданія. Иногда эти монологи касались ея семейства, воспоминаній дѣтства.

Интересъ, возбужденный этою больной, побудилъ меня рассказать о ней врачамъ: Сандрасъ, Серизъ, Фуассакъ, Фоконно-Дюфренъ.

Когда прибылъ Сандрасъ, дѣвица Каролина находилась въ нормальномъ состояніи; она подробно рассказала ему о своихъ предкахъ и въ тоже время занималась шитьемъ; вдругъ ея голова спустилась на грудь; въ этомъ положеніи больная осталась нѣсколько секундъ, потомъ встала, опрокинула голову назадъ, широко открывъ ротъ. При этомъ она ничего не слышала, не видѣла, въ чемъ убѣдился Сандрасъ посредствомъ иголь, перьевъ, аммоніака, и проч., но не касаясь рукой до нея. Черезъ двѣ минуты, дѣвица Каролина пришла въ себя и стала продолжать прерванный разговоръ, какъ будто съ нею ничего не случилось. Такіе припадки повторялись въ день множество разъ. Въ минуты спокойствія, Сандрасъ предлагалъ ей вопросы о состояніи ея умственныхъ способностей, и больная отвѣчала, что память ея нисколько не пострадала отъ припадковъ, и что умственное развитіе находится на той же степени, какъ до болѣзни.

Мы сказали, что кожная чувствительность больной возвышалась чрезмѣрно при каждомъ при-

косновеніи руки. Желая убѣдиться въ этомъ, Сандрасъ прикладывалъ руку ко лбу, къ шен, и почти въ тоже мгновеніе начинались судороги, сопровождаемыя стономъ и обычными тубными словами. Такой же результатъ имѣло простое прикосновеніе пальцемъ къ какому бы то не было мѣсту. Опытъ былъ веденъ далѣе; между тѣмъ какъ я разговаривалъ съ больной, Сандрасъ нѣсколько разъ приближалъ палецъ къ тыльной поверхности шен, на разстояніи 5—6 дюймовъ, и всякій разъ больная подвергалась судорогамъ и дѣлала прыжки, хотя бы находилась внѣ припадка. Она говорила, что когда прикасались къ ней, она чувствовала сотрясеніе, какъ бы отъ электрической искры. Приближеніе припадковъ возрастало въ неопредѣленнымъ чувствомъ, которое нельзя назвать ни болью, ни нездоровьемъ; больная могла даже опредѣлить минуту наступленія припадка. По окончаніи послѣдняго, она не помнила ничего изъ случившагося съ нею. Сандрасъ полагалъ, что здѣсь былъ болѣзненный элементъ, который надобно отнести къ истерическому состоянію, обуславливающему экстазъ, катаlepsію, сомнамбулизмъ.

При посѣщеніи Сериза, дѣвица Каролина находилась равнымъ образомъ въ нормальномъ состояніи, но вскорѣ подверглась припадку. Серизъ воспользовался этимъ, чтобы намагнетизировать ее; немедленно оказались электрическія сотрясе-

нія и полное безчувствіе ко ви́шнему міру. Припадокъ ожесточился, больная спрыгнула съ постели на полъ, каталась во всѣхъ направленіяхъ съ громкимъ свистомъ, то рыдала, то задыхалась отъ смѣха. Эти симптомы замѣнились тяжкимъ судорожнымъ смѣхомъ истерическихъ особъ. Чрезъ полчаса, припадки прекратились, и дѣвица Каролина впала въ безчувственность. Серизъ опять началъ магнетизировать ее и судороги возобновились съ прежнею силой. Желая продолжить опытъ, онъ подождать окончанія спазмъ, и ставши сзади больной, въ мало освѣщенномъ мѣстѣ, принялся за манипуляціи, повторяя ихъ въ неравнобѣрные промежутки. Иногда Серизъ только протягивалъ пальцы, но за каждымъ его движеніемъ наступали судороги, скачки, прыжки. Между тѣмъ какъ дѣвица Каролина находилась въ кажущемся безчувственномъ состояніи, мы нѣсколько разъ предлагали ей вопросы, на которые однакожъ не получали отвѣта. Этотъ фактъ повторился во всѣхъ другихъ опытахъ.

Серизъ хотѣлъ посредствомъ манипуляцій заставить дѣвицу Каролину говорить, повиноваться ему, но не успѣлъ въ этомъ. Надобно однакожъ замѣтить, что магнетическій сеансъ былъ только одинъ. Мы вышли изъ комнаты, и дѣвица Каролина пришла въ чувство. Мы простились съ нею.

Слѣдующій фактъ, который мы наблюдали въ

теченіе многихъ лѣтъ, принадлежить также къ числу разсматриваемыхъ нами фактовъ.

Дѣвица М., 28-ми лѣтъ, лимфатико-нервная, очень романтическая, была, въ первый разъ, когда я увидѣлъ ее, очень худа и слаба, вѣроятно вслѣдствіе продолжительнаго голода, обусловленнаго невозможностью ѣсть; она едва могла проглотить нѣсколько ложекъ бульону и немного чистой или подслащенной воды.

М. была подвержена эпилепсеобразнымъ припадкамъ, въ которыхъ она теряла чувства, падала, но рѣдко; въ вѣкахъ и губахъ замѣчались чрезвычайно быстрыя судорожныя движенія. Глаза поднимались кверху и дѣлались неподвижны. Въ тѣлѣ также замѣчалось подергиванье, но не было ни опухоли, ни синяго цвѣта, ни судорогъ конечностей. Кожа была нечувствительна, дыханіе нормально, пульсъ то малый, то частый. Больная обыкновенно оставалась въ томъ положеніи, въ какомъ заставлялъ ее припадокъ. Если послѣдній наступалъ въ то время, когда она шла, то больная продолжала идти прямо, съ неподвижными глазами, и спотыкалась.

Во время припадковъ, которые продолжались 2—10 минутъ, а иногда цѣлый часъ, она разговаривала сама съ собой и повторяла все, что слышала, знала, замѣчала. На вопросы она не

отвѣчала; если настаивали, или если вопросы имѣли связь съ ея привычками и идеями въ ту минуту, то больная отвѣчала, ставя все слова въ женскомъ родѣ и въ третьемъ лицѣ.

Много разъ, больная описывала, что дѣлають жители дома, находившіеся въ ту минуту въ разныхъ частяхъ Парижа. Слова ея оказывались въ послѣдствіи совершенно вѣрными. При окончаніи припадка, она вскрикивала, какъ будто просыпалась, и испытывала неопредѣленное ощущение.

Придя въ себя, она забывала случившееся съ нею и нерѣдко начинала прерванный разговоръ съ тѣхъ словъ, на которыхъ остановилась. По-видимому, припадокъ не производилъ на нее никакого тягостнаго впечатлѣнія, особенно когда онъ былъ непродолжителенъ.

Такъ какъ нервная воспріимчивость М. казалось благопріятствовала опытамъ магнетизированія, то она была подвергнута имъ. Неподвижность, нечувствительность, вскорѣ наступили, но вмѣстѣ съ тѣмъ начался припадокъ, слѣдствія котораго были очень тягостны. Можно было начать разговоръ съ больною; ея отвѣты, рѣчи, не отличались отъ тѣхъ, которые она произносила въ обыкновенныхъ припадкахъ. Вслѣдствіе усиленія симптомовъ магнетизированіе оставлено.

Мы умолчимъ о множествѣ сеансовъ магнетизма и сомнамбулизма, при которыхъ мы присутствовали, потому что явленія почти всегда были одинаковы и не имѣли такого характера, чтобы внести убѣжденіе въ нашъ умъ.

Вышеприведенныя наблюденія доказываютъ, по нашему мнѣнію, что факты нечувствительности, магнетическаго сна, подлежащіе никакому сомнѣнію, относятся къ сферѣ той нервной, возбужденной или внезапно развившейся, силы, существованіе которой подтверждено многими добросовѣстными наблюдателями.

Но какъ желать ограничить нынѣшнимъ кругомъ фізіологіи эту неизвѣстную силу, когда сама фізіологія окружена еще мракомъ?

Не желая ограничить разсмотрѣніе этого вопроса одними только нашими изслѣдованіями, мы приводимъ два факта, о которыхъ упоминаетъ Шардель.

Жена одного чиновника имѣла очень болѣзненную служанку. При помощи мужа, она магнетизировала ее и повергала въ сомнамбулизмъ. Въ одинъ изъ сеансовъ, сомнамбула попросила стараго вина; мужъ пошелъ за нимъ со свѣчей. Погребъ находился глубоко въ землѣ и ступеньки были скользки отъ влажности; онъ поскользнул-

ся на половинѣ лѣстницы и упалъ навзничъ, но не ушибся и не потушилъ даже свѣчи. Возвратясь въ комнату, онъ узналъ отъ жены, что сомнамбула рассказала ей паденіе его со всѣми подробностями.

Я знавалъ, говорить далѣе Шардель, жену кавалерійскаго полковника, которая, будучи магнетизируема мужемъ нѣсколько разъ, сдѣлалась сомнамбулой; во время курса, нездоровье побудило упомянутаго полковника прибѣгнуть къ помощи одного офицера. Спустя нѣсколько времени, полковникъ, усыпивъ жену, просилъ ее заняться этимъ офицеромъ. «Ахъ, несчастный! вскричала она; я вижу его; онъ въ ***; хочетъ убить себя; беретъ пистолетъ; бѣгите скорѣе.....». Сказанное мѣсто находилось въ одномъ лѣ; немедленно отправили верховаго; но когда онъ прибылъ, офицеръ уже убилъ себя. (Chardel, Psychologie physiologique, p. 290 и 292; Paris 1844).

Мы ограничились этими фактами; ихъ достаточно, чтобы доказать, что лица, предметы, находящіеся въ сообщеніи съ магнетизированнымъ, могутъ являться ему въ своихъ истинныхъ формахъ; въ этомъ случаѣ повторяется тотъ же феноменъ, который мы видѣли въ грезахъ, сновидѣніяхъ, и проч. Безъ сомнѣнія, здѣсь есть другія особенности, выходящія изъ предѣловъ естественнаго; дѣйствуя крайне осмотрительно и до-

пускающая вліяніе воображенія, мы однакожь не колеблемся сказать, что есть еще нѣчто другое, и что невозможно, чтобы умъ не имѣлъ значительнаго вліянія на тѣло, ибо послѣднее можетъ равнымъ образомъ приобрѣтать необыкновенныя свойства. Гюйжанъ говоритъ объ одномъ анверскомъ заключенномъ, который читалъ на такомъ разстояніи, на какомъ другіе не могли даже видѣть буквы. Въ засѣданіи Академіи Наукъ, Венсанъ сообщилъ весьма интересную записку о сынѣ доктора Паладилъ, семилѣтнемъ ребенкѣ, у котораго до такой степени развилось музыкальное чувство, что его не только можно было считать живымъ сонометромъ, но что, кромѣ того, этотъ ребенокъ обладалъ странною и рѣдкою способностью опредѣлять мелодическій характеръ живой рѣчи: 1) по болѣе или менѣе музыкальной природѣ голоса; 2) по страстному, болѣе или менѣе опредѣленному, характеру самой рѣчи. (Débats, 10 août 1851).

Итакъ, можно допустить, что факты ясновидѣнія, двойнаго зрѣнія, магнетической нечувствительности и сна, подлежащіе сомнѣнію, принадлежатъ къ области той нервной силы, существованіе которой допускаютъ многіе добросовѣстные наблюдатели. Мы твердо убѣждены въ дѣйствительномъ могуществѣ воли человѣка надъ человѣкомъ; но считаемъ несообразнымъ съ фізіологическими законами предположеніе, что во

время жизни феноменъ ясновидѣнія распростра-
ненъ на поверхности тѣла и что онъ находится
преимущественно подъ ложечкою, въ концѣ паль-
цевъ, и проч.—Чувства имѣютъ опредѣленные
функціи, предназначенныя имъ со дня сотворе-
нія человѣка; они не могутъ замѣнять другъ дру-
га, а равно переходить въ части, которыя не
имѣютъ съ ними ни малѣйшей связи по формѣ,
строенію, функціямъ, тогда какъ понятно, что при
особенныхъ условіяхъ они приобрѣтаютъ пора-
зительныя качества.

Тѣмъ не менѣе существуютъ слѣдующіе при-
мѣры ясновидѣнія и перемѣщенія чувствъ.

Такова была *Гауффе*, извѣстная подъ име-
немъ *ясновидящей Префорста*. Уже рано ея
нервная система была потрясена горемъ и напря-
женіемъ, такъ что въ молодости она имѣла ви-
дѣнія. Однажды отецъ ея потерялъ что-то; она от-
крыла мѣсто, гдѣ лежалъ потерянный предметъ. Яс-
новидящею она стала со времени смерти Т., кото-
раго чрезвычайно уважала. Около этого времени,
1822, начинается рядъ физическихъ страданій, ко-
торыя, вмѣстѣ съ сомнамбулизмомъ, продолжаются
семь лѣтъ, до самой ея смерти. Ей представлялась
машина, которая могла бы послужить къ ея из-
леченію и которую въ послѣдствіи напрасно отыс-
кивала; она слышала и чувствовала все въ зна-
чительномъ отдаленіи. Въ 1826 году, она пере-

ѣхала къ Кернеру, въ Вейнсбергъ и каждый вечеръ впадала въ сомнамбулическій сонъ. Кернеръ сказалъ ей, что хочетъ говорить съ нею въ бодрственномъ состояніи, и желаетъ, чтобы прекратился ея сомнамбулизмъ; припадки дѣйствительно стали рѣже, но состояніе осталось по прежнему отчаяннымъ. По словамъ Кернера, она никогда не была въ совершенно бодрственномъ состояніи и до того впечатлительна, что на нее оказывалъ вліяніе запахъ металловъ, растенія, животныхъ, даже написанныя слова. Не будучи образована, она сочиняла въ сомнабулизмѣ превосходные стихи; о хозяйствѣ и другихъ предметахъ, которыми интересовались окружающіе ее люди, она говорила очень разумно. Ростомъ Гауффе была мала, съ восточными чертами лицами, съ пронзительными взорами. При опытахъ съ минералами, и другими веществами, оказывалась впечатлительнѣе лѣвая сторона. Нервы представлялись ей свѣтящимися нитями. Феномены двойнаго зрѣнія замѣчались довольно часто. Во время судорогъ черты ея лица выражали то отчаяніе, то безконечную надежду.

Другая ясновидящая была *Кремеръ*, которую лечилъ докторъ Никкъ. Судороги ея были страшны. Съ самаго начала она объявила Никку, чтобы онъ не терялъ терпѣнія, ибо за это будетъ награжденъ ея выздоровленіемъ. 10 марта говорила, что ея страданія начнутся 28 октября въ

11 часовъ утра. Утверждала, что видитъ посредствомъ желудка. Никкъ часто магнетизироваль ея посредствомъ зеркала, въ которомъ встрѣчались ихъ глаза. Если онъ щипаль ея, то ясно-видящая не чувствовала ничего; но если Никкъ щипаль свою руку, то больная ощущала на томъ же мѣстѣ боль. Эта сомнамбула такъ тѣсно была связана съ Никкомъ, что всегда знала, гдѣ онъ находится, когда придетъ, что дѣлаетъ. Однажды она умоляла его, чтобы онъ шелъ домой по другой улицѣ, ибо на той дорогѣ, по которой онъ обыкновенно ходилъ, его ушибетъ кирпичъ. Никкъ исполниль ея желаніе, и дѣйствительно избѣжалъ опасности быть ушибену кирпичемъ. Она велѣла приготовить себѣ горькую водочную настойку; вышедши разъ изъ дому, Кремеръ вдругъ стала тосковать: ей представилось, что чужая женщина забралась въ кухню и выпила ея настойку, что и было на самомъ дѣлѣ. Однажды въ сомнамбулическомъ снѣ видѣла она Никка въ звѣринцѣ, съ часами въ рукахъ; слова ея подтвердились. Она видѣла, что гофмедикъ Клейнъ боленъ отъ простуды. знала, что Никкъ и Клейнъ уговорились отвезть ее въ одинъ домъ; знала, что одна женщина за оказанную ей услугу заплатила два талера. Когда Линденау и Рейнбеккъ были у нея, лице Кремеръ стало судорожно сжиматься и сдѣлалось печально; она просила Никка взять часы у обоихъ упомянутыхъ особъ, ибо часы эти были не золотые и потому оказывали на нее непріят-

ное дѣйствіе; ни докторъ Никкъ, ни сама она въ бодрственномъ состояніи, не знали, что сказанные часы не золотые. Никкъ пожелалъ знать, что дѣлается въ эту минуту въ его домѣ? Сомнамбула объявила, что его жена хочетъ идти въ театръ; потомъ прибавила, что та получила въ подарокъ пирогъ, который поставили на фортепьяно. Слова сомнамбулы оказались вполнѣ справедливыми. Когда помощникъ Клейна, Бернгардтъ, писалъ, что она диктовала, Кремеръ всегда знала, что именно онъ пишетъ, хотя не могла видѣть; Бернгардтъ нарочно останавливался на половинѣ слова, и сомнамбула знала это. Она слышала только тѣ рѣчи Никка, съ которыми онъ обращался къ ней. Она принимала участіе въ его больныхъ, и сказала, что одна трудно больная, которая сильно озабочивала Никка, скоро выздоровѣетъ. Никкъ говоритъ, что она умѣла опредѣлять даже погоду за восемь дней впередъ и никогда не ошибалась. Въ концѣ января 1861, она сказала, что ея знакомые желали бы знать, каковъ будетъ въ этомъ году урожай винограда, и прибавила, что овощей будетъ много, а винограда очень мало.

Въ изданной докторомъ Клейномъ въ 1818 году книжкѣ, *Höchst merkw. Geschichted. magnet. Hellseh. A. M. von Dr. Meier, Groszh. bad. Stabsarzt*, говорится, что ясновидящая *Августа Миллеръ* имѣла способность, такъ сказать, видѣть

насквозь свое тѣло и тѣло другихъ, и врачевать многія болѣзни. Предметы, находившіеся въ темномъ мѣстѣ, и цвѣтъ ихъ, она различала по изливавшемуся изъ нихъ свѣту. Она могла читать не только тогда, когда положить книгу ей на грудь, но и въ томъ случаѣ, если книга будетъ поднесена къ глазамъ, вѣкамъ, бровямъ, лбу; однажды она провела три дня въ магнетическомъ снѣ, въ теченіе которыхъ постоянно читала, работала. Въ магнетическомъ снѣ она различала руками вкусъ и запахъ предметовъ, и знала, гдѣ находится ея магнетизеръ.

Сомнамбула Штромбекка, кромѣ магнетическаго состоянія, имѣла еще другое, въ которомъ хотя и казалась совершенно пробужденною, но была, такъ сказать, одержима одною идеей. Въ третьемъ состояніи, она не спала, но обнаруживала такую степень развитія духовныхъ силъ, какая не замѣчалась въ ея обыкновенномъ бодрственномъ состояніи. Каждое изъ этихъ четырехъ состояній имѣло свою собственную память. Изъ 2 и 3 состоянія она никогда не переходила въ 4, но изъ 2 чрезъ 3-е или изъ 1 чрезъ 2 и 3 въ 4-е, такъ что обыкновенному нормальному состоянію всегда предшествовало магнетическое. Однажды Штромбеккъ спросилъ ее: долженъ ли я записывать твои слова? Сомнамбула отвѣчала: ты уже записалъ ихъ. Гдѣ лежитъ написанное?—Въ моемъ письменномъ столѣ, въ другой комнатѣ.—Сколь-

ко строкъ?—Въ одномъ параграфѣ 16 $\frac{1}{2}$ во второмъ 15 $\frac{1}{2}$ строкъ. Штромбеккъ принесъ написанное имъ и сосчиталъ строки, коихъ оказалось именно столько, сколько сказала сомнамбула. Она знала все, что происходило въ домѣ, но часто ошибалась относительно цвѣта предметовъ; знала разницу между часами въ крѣпости, на церкви, въ смиренномъ домѣ, хотя бой первыхъ не былъ слышенъ въ домѣ Штромбекка. Все это она узнавала посредствомъ желудочной области.

Одна еврейка, *Каролина Рамеръ*, которую магнетизировалъ Валентинъ въ Касселѣ, была ясновидящая сомнамбула. Она страдала сильною нервною головою болью, и во время сна, казалось знала, кто еще страдаетъ подобною болью. 4 декабря она сказала: въ Брейтенбахѣ упалъ 72-лѣтній старикъ и въ трехъ мѣстахъ проломилъ себѣ голову; онъ хотѣлъ взять сѣна для козы. Валентинъ написалъ объ этомъ въ Брейтенбахъ и чрезъ нѣсколько дней узналъ, что старикъ дѣйствительно упалъ, но только въ одномъ мѣстѣ проломилъ голову. Дитя г. Золь было при смерти, но потомъ поправилось. Объ этомъ сказали сомнамбулѣ, которая отвѣчала, что выздоровленіе этого ребенка сомнительно, потому что она не видитъ его между живыми. Дѣйствительно, ребенокъ вскорѣ умеръ. Совѣтникъ *Диде* спросилъ у сомнамбулы о генеральшѣ Видергольдъ въ Лиссабонѣ. Сом-

намбула описала домъ, его расположеніе, улицу, генеральшу и ея двухъ дочерей, 16 и 13—14 лѣтъ Диде записалъ ея слова и показалъ ихъ сыну Видергольдъ, пріѣхавшему изъ Лиссабона. Тотъ нашелъ ихъ вполне справедливыми, особенно описаніе дома. Сомнамбула рассказала Гөселю расположеніе его дома, описала мебель и семейство; по комнатѣ прыгала 4—5 лѣтняя дѣвочка съ голубыми глазами, бѣлокурая, съ круглымъ розовымъ личикомъ. Гөсель сказалъ, что это описаніе вполне прилагается къ его сыну. Сомнамбула, обративши на это вниманіе, также подтвердила, что это мальчикъ и что она сперва ошиблась, ибо на ребенкѣ былъ надѣтъ балахонъ. Гөсель написалъ къ женѣ, которая вполне подтвердила слова сомнамбулы.

Докторъ *Лехлеръ* въ Леонбергѣ лечилъ 24-лѣтнюю гектическую *Каролину Ваннеръ*. Послѣдняя знала, что докторъ тайно писалъ о ней къ ея сестрѣ. Она писала съ закрытыми глазами. За нѣсколько дней, она знала, что къ ней придетъ противный ей докторъ *Л.*, и весьма беспокоилась объ этомъ. Вдругъ она сдѣлалась веселѣе и сказала: *Л.* не придетъ, онъ получилъ приказаніе отправиться въ Лудвигсбургъ. Однажды сестра ея, взявши за руку доктора, спросила, какъ она возвратится домой? Сомнамбула, улыбаясь, отвѣчала: завтра ты отправишься въ Штутгартъ съ гофмедикомъ Клейномъ. Сестра, желавшая про-

быть еще два дня, подумала, что на этотъ разъ сомнамбула ошиблась. Между тѣмъ, доктора Клейна потребовали въ Штутгартъ; онъ предложилъ сестрѣ сомнамбулы мѣсто въ своемъ экипажѣ.

Такимъ образомъ, слова ясновидящей оправдались. Сомнамбула знала о приходѣ желавшихъ видѣть ее, но, когда тѣ были въ комнатѣ и становились сзади Лехлера, ясновидящая уже не замѣчала ихъ, пока не приведутъ ее въ сообщеніе съ ними. Не будучи приведена въ сообщеніе съ посторонними людьми, она не слышала ихъ, хотя бы тѣ кричали изъ всѣхъ силъ.

Дѣвица *Юлія* слабого нѣжнаго сложенія и подвержена истерическимъ припадкамъ. Во время магнетическаго сна Юлія обнаруживала необыкновенную дѣятельность мозга и чрезмѣрную впечатлительность. Погрузивши ее въ магнетическій сонъ, докторъ завязалъ глаза сложеннымъ нѣсколько разъ шелковымъ платкомъ, сверхъ котораго повязалъ еще нѣсколько платковъ. Сдѣлавъ нѣсколько пасовъ, докторъ спросилъ:

— Что видите вы?

— Все; люди и предметы кажутся мнѣ какъ бы прозрачными.

— Сколько особъ видите здѣсь?

— Пятнадцать.

— Какого пола?

— Три женщины и двѣнадцать мужчинъ.

Въ комнатѣ дѣйствительно было три женщины и двѣнадцать мужчинъ, кромѣ магнетизера и сомнамбулы.

— Женатъ ли господинъ, до котораго я до-
трогиваюсь теперь, и есть ли у него дѣти?

— Если укажутъ мнѣ его жилище, то я могу
увидѣть, есть ли у него жена и дѣти.

Сомнамбулѣ сказали адресъ упомянутаго гос-
подина; чрезъ нѣсколько мгновений она сказала:

— Я вижу 5—6 лѣтняго мальчика въ сѣрой
шапочкѣ съ перомъ, въ голубомъ бархатномъ каф-
танѣ. Дама, вѣроятно мать, поправляетъ туалетъ
мальчика.

— Нѣтъ ли другихъ дѣтей?

— Есть: маленькая бѣлокурая дѣвочка, съ об-
ручемъ въ рукахъ; ей хочется идти гулять.

— Нѣтъ ли у этой дѣвочки чего-нибудь осо-
беннаго?

— На правомъ вискѣ безобразное пятно.

Отецъ обоихъ дѣтей подтвердилъ слова сомнам-
булы.

Давши ей отдохнуть, докторъ сказалъ присут-
ствующимъ:

— Не угодно ли вамъ написать нѣсколько
словъ, буквъ, фразъ, однимъ словомъ, что вамъ
вздумается.

Четверо написали.

— Сложите записки, продолжалъ докторъ, и
спрячьте ихъ, гдѣ угодно. Упомянутые четверо
вышли изъ комнаты. Къ доктору подошелъ пя-

тый и спросилъ, неужели сомнамбула угадаетъ пятую записку?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ докторъ; магнетизируемая прочтетъ всѣ письма, которыя представятъ ей.

Написана пятая записка.

Когда воротились первые четверо, докторъ поставилъ ихъ въ рядъ предъ сомнамбулой и спросилъ:

— Гдѣ записка перваго господина?

— Въ карманѣ его жилета.

— Что въ ней написано?

— Разверните ее и положите на столикъ.

Записку развернули и положили на столикъ, въ глубинѣ комнаты. Юлія прочитала:

«Не смѣю не вѣрить въ силу магнетизма, и всѣ видѣнныя мною явленія выходятъ изъ предѣловъ естественнаго.»

Записка обошла всѣхъ, и каждый могъ удостовѣриться, что въ ней были написаны именно тѣ слова, которыя прочитала Юлія.

— Гдѣ записка другаго господина?

— У него во рту.

— Что въ ней написано?

— Она свернута въ шарикъ, и я не думаю, чтобы въ ней было что-либо написано.

Господинъ подтвердилъ справедливость отвѣта.

— Гдѣ записка третьяго господина?

— Въ карманѣ у молодой дамы съ ферроньеркой.

Записку развернули и положили на вышеупомянутомъ маленькомъ столикѣ.

— Читайте, сказалъ докторъ.

Юлія прочитала слѣдующее четверостишіе:

L'amour est le maitre du monde,
Il regne jusque dans les cieux,
Aux enfers, sur la terre et sous les ondes.
Son trône est placé dans tes yeux.

— Гдѣ записка четвертаго господина?

— Завязана въ батистовый платокъ и тайкомъ брошена въ корзину съ бумагами подъ столомъ.

Платокъ вынуть изъ корзины, узелъ развязанъ, записка положена на столикъ.

— Читайте.

«Если раскроютъ эту записку, прочтутъ ее, то я буду вѣрить, что предсказатели и волшебники въ древности производили свои чудеса посредствомъ магнетизма».

Написавшій эту записку протиралъ себѣ глаза, чтобъ увѣриться, не находится ли онъ подъ вліяніемъ сна.

— Гдѣ пятая записка?

— Она снаружи, приклеена къ двери, сказала ясновидящая послѣ минутнаго молчанія.

Отворили дверь и дѣйствительно нашли записку, прилѣпленную облаткой.

— Можете ли прочитать сквозь двери?

— Да, снимите только ландкарту, которая мѣшаетъ мнѣ.

Требованіе ея исполнили, и Юлія прочитал довольно бѣгло:

«Я не вѣрю въ магнетизмъ, но если сомнамбула прочтетъ сквозь дверь, то невѣріе мое прекратится».

— Тамъ еще написано что-то, сказалъ господинъ, изумленный этимъ чтеніемъ.

— Внизу три большія буквы, раздѣленные черточками.

— Что значать эти буквы?

— Первая означаетъ Амалія, имя сестры господина, который писалъ эту записку; вторая — имя его брата, Бартелеми; третья—имя его самого: Цезарь.

Объясненіе ясновидящей оказалось вполне справедливымъ.

Докторъ поднесъ къ ея носу кусокъ мрамора.

— Какой это запахъ? спросилъ онъ.

— Запахъ камня.

— А этотъ? спросилъ докторъ, поднося ключъ.

— Запахъ желѣза.

— А этотъ? Докторъ поднесъ ручку изъ оленьяго рога.

— Запахъ кости.

Одинъ изъ зрителей просилъ знакомъ поднести ей ножъ.

— Это запахъ желѣза, отвѣчала сомнамбула.

Одна дама подала доктору новый, только-что взятый изъ лавки, хрустальный флакончикъ; понюхавъ его, сомнамбула сказала:

— Запахъ стекла.

Сдѣлавъ нѣсколько пасовъ, докторъ поставилъ предъ сомнамбулой самый крѣпкій нашатырный спиртъ и приказалъ ей сильно вдыхать въ себя. Сомнамбула исполнила это, не показывая никакихъ признаковъ ощущенія, тогда какъ самый здоровый поденщикъ не устоялъ бы на ногахъ.

Прервавъ сообщеніе слуховаго нерва съ слуховымъ органомъ, докторъ громко кричалъ надъ ухомъ магнетизируемой, выстрѣлилъ изъ пистолета,—та, какъ статуя, не шевелилась. Заткнувъ оба уха хлопчатой бумагой и завязавъ четырьмя платками, докторъ попросилъ одного изъ присутствовавшихъ подойти къ сомнамбулѣ и спросить что-нибудь, наклонясь къ подгрудной ямкѣ.

Просьба доктора была исполнена, и намагнетизированная повторила сказанныя ей слова.

— Я перенесу обоняніе въ концы пальцевъ, правой руки, сказалъ докторъ, а зрѣніе въ затылокъ.

Вынувъ изъ букета фіялку, докторъ поднесъ ее къ пальцамъ сомнамбулы и спросилъ, какой запахъ она чувствуетъ?

— Запахъ фіалки.

— А теперь? Докторъ поднесъ вѣтку жасмина.

— Запахъ жасмина.

Докторъ вынулъ изъ букета георгинъ и приложилъ его къ затылку ясновидящей.

— Что вы видите?

— Цвѣтокъ.

- Какой?
- Георгинъ.
- Какой его цвѣтъ.
- Золотисто-желтый.

Пятнадцатилѣтній мальчикъ, о которомъ говорить Агардъ, улыбнулся однажды въ магнетическомъ снѣ и, когда его спросили о причинѣ, онъ отвѣчалъ, что у одной изъ присутствующихъ дамъ есть кольцо съ секретомъ. Кольцо осмотрѣли, но ничего не нашли; упомянутая дама сказала однакожь, что кольцо сдѣлано изъ двухъ пластинокъ, изъ которыхъ на одной извнутри вырѣзано число ея помолвки. Въ другой разъ, этотъ, мальчикъ сказалъ своей замужней родственницѣ, что она беременна, о чемъ та сама ничего не знала. Онъ говорилъ лучше по латинѣ, нежели по нѣмецки, равнымъ образомъ по англійски, хотя въ бодрственномъ состояніи не зналъ ни одного слова на этомъ языкѣ.—Софія Эммерихъ, сестра профессора теологіи въ Страсбургѣ, прочитала только что присланное письмо, которое было положено ей подъ ложечку во время магнетическаго сна. Чтеніе происходило въ присутствіи упомянутаго брата, врача и матери. Во время чтенія, сомнамбула останавливалась иногда, дѣлала свои замѣчанія и наконецъ бросила письмо, сказавъ: «теперь ты мнѣ не нужно, я прочитала тебя».

Гаддокъ получилъ письмо отъ сестры и хо-

тѣль уже распечатать его, какъ сомнамбула Ямма стала просить его не распечатывать письмо, пока она, будучи въ магнетическомъ снѣ, не прочтетъ его прежде. Гаддокъ исполнилъ ея просьбу. Ямма объявила, что письмо написано на двухъ листахъ и что отъ одного изъ нихъ отрѣзанъ небольшой кусокъ. Въ письмѣ говорилось о смерти одного родственника. Ямма видѣла послѣдняго въ гробѣ, потомъ замѣтила особу, писавшую упомянутое письмо, которую однакожъ никогда не знала.

Шардель (*Essai de Psychologie physiologique*, Paris, 1844) говоритъ, что одна женщина Лажандре, будучи въ магнетическомъ снѣ, опредѣлила съ чрезвычайною точностью болѣзнь своей матери, указала на страждущую часть и неизбежную смерть. Слова ея подтвердились въ послѣдствіи, при вскрытіи трупа. Въ это время она находилась въ другой комнатѣ, погруженная въ магнетическій сонъ, и внутренно слѣдила за движеніями ножа. «За чѣмъ разрѣзываютъ грудь по срединѣ, сказала она присутствующимъ; изліяніе было въ правомъ боку?»

Находясь въ ясновидящемъ состояніи, упомянутая сомнамбула Ямма знала, гдѣ лежатъ пропавшія или потеряныя вещи. У г. Ууда въ Болтонѣ была украдена въ 1843 г. касса изъ конторы. Не имѣя никакихъ средствъ открыть вора

Уудъ обратился къ Гаддоку, такъ какъ Ямма уже подробно описала домъ и отношенія одной, совершенно незнакомой для нее, больной, что было извѣстно Ууду. Гаддокъ привелъ его въ сообщеніе съ Яммой и обратилъ ея вниманіе на кассу. Черезъ нѣсколько минутъ Ямма разразилась упреками, потомъ описала содержимое кассой, а также нѣкоторые документы и мѣсто, гдѣ она теперь находится; потомъ описала жилище вора, сказавъ, что на дверяхъ написано его имя. Уудъ отправился по указанію и нашелъ свою кассу. Въ 1849 году, Ямма указала, гдѣ находятся три документа на 650 ф. стерлинг., пропавшіе изъ банка. Одинъ изъ конторщиковъ завернулъ ихъ въ бумагу и заткнулъ въ связку другихъ бумагъ. Она видѣла бумаги и комнату, гдѣ онѣ находятся; при тщательномъ осматриваніи, упомянутыя бумаги были найдены.

Вышесказанная сомнамбула Юлія также обладала способностью узнавать предметы, скрытые въ самыхъ тайныхъ мѣстахъ.

— Назовите вещи, которыя находятся въ карманѣ этой дамы, спросилъ докторъ Юлію, указывая на одну изъ присутствующихъ.

— Батистовый платокъ, саше, запонка, кольцо и коробочка.

— Что лежитъ въ коробочкѣ?

— Булавки, зубочистка изъ слоновой кости и ножичекъ.

— Сколько денегъ въ кошелькѣ и какія они?

— 25 новыхъ монетъ въ $\frac{1}{4}$ франка.

Вещи, бывшія въ карманѣ упомянутой дамы, выложены на столъ, и присутствовавшіе собственными глазами убѣдились, что ясновидящая не ошиблась.

Вотъ еще нѣсколько фактовъ ясновидѣнія.

Одна знатная дама, невѣрившая въ магнетизмъ и ясновидѣніе, пріѣхала въ Парижъ и случайно попала на магнетическій сеансъ. Подошедши къ ясновидящей, она подала ей кольцо изъ волосъ и спросила:

— Не можете ли сказать, чьи это волосы?

— Вашего мужа, который умеръ пять лѣтъ тому назадъ.

— Отъ какой болѣзни?

— Отъ ущемленной грыжи.

Дама подвела къ ясновидящей свою дочь. у которой на рукѣ былъ надѣтъ браслетъ, также сплетенный изъ волосъ.

— Кому принадлежать волосы, изъ которыхъ сплетенъ этотъ браслетъ?

— Это не женскіе волосы, но молодого человека.

— Какъ зовутъ его?

— Его имя такъ дорого для васъ, что изъ вашихъ глазъ всегда текутъ слезы, какъ только вы услышите это имя.

— Говорите, я желаю, чтобъ вы сказали его имя.

— Это волосы вашего сына, котораго вы нѣжно любите.

— Гдѣ онъ теперь?

— Онъ умеръ три года и три дня тому назадъ.

— Отчего?

— Убить на дуели бретеромъ, который напередъ былъ увѣренъ въ своемъ ударѣ.

Дама отерла слезы и сказала, что всѣ слова сомнамбулы вполнѣ справедливы.

Сомнамбула—дѣвица Клара, нѣжная, съ преобладающею нервною системою, немедленно засыпала подъ магнетическимъ вліяніемъ своего брата.

— Можно васъ спрашивать? спросилъ магнетизеръ ясновидящую.

— Можно.

— Будете отвѣчать?

— Буду.

— Который теперь часъ?

— Не знаю.

— Скажете ли это, когда вамъ покажутъ часы?

— Да.

Магнетизеръ беретъ часы и вертитъ стрѣлку назадъ.

— Вотъ часы.

— Они стоятъ.

Магнетизеръ подалъ другіе часы.

— Который часъ?

— Пять минутъ третьяго.

Часы показывали ровно пять минутъ третьяго.

— Эти часы, кажется, отстають на три минуты.

— Какъ вы это знаете?

Сомнамбула не отвѣчала, но часы дѣйствительно отставали на три минуты.

— Можете ли вы читать эту книгу?

— Могу.

Магнетизеръ положилъ ей на область желудка раскрытую книгу, переплетомъ внизъ.

— Я вижу только переплетъ.

— Теперь можете читать?

Клара стала читать указанную страницу.

Магнетизеръ завязалъ ей глаза.

— Одинъ ли я въ этой комнатѣ?

— Нѣтъ, я вижу постороннихъ.

— Сколько ихъ?

— Одинъ, два, десять, двадцать....

— Можете ли исполнить ихъ просьбу: они хотятъ посовѣтоваться съ вами.

— Если буду въ состояніи сдѣлать это.

— Этотъ господинъ боленъ давно; медицина не помогаетъ ему. Не можете ли вы указать лекарство отъ его болѣзни?

— Приведите его въ сообщеніе со мной.

Господинъ положилъ руку на лобъ ясновидящей.

— Онъ десять лѣтъ страдаетъ ревматизмомъ, сказала ясновидящая; эта болѣзнь—камень преткновенія для медиковъ, которые только облегчаютъ, но не излечиваютъ совершенно ревматизмъ.

— Что же надобно сдѣлать?

— Употребить магнетизмъ, и, если онъ не поможетъ, то электричество.

— Вотъ еще господинъ желаетъ посовѣтоваться съ вами; можете ли вы отвѣчать?

— Что ему угодно?

— У него тяжба; если она кончится не въ его пользу, то господинъ этотъ потеряетъ лучшую часть имѣнія.

— Покажите бумаги, относящіяся къ этой тяжбѣ.

Бумаги положены на область желудка.

— Въ бумагахъ не соблюдены формы, на седьмой строкѣ второй страницы сдѣланъ важный пропускъ. Кромѣ того, число поставлено неправильно, описаніе недвижимости невѣрно. Эта тяжба будетъ выиграна, если адвокатъ господина укажетъ на эти ошибки.

Господинъ подтвердилъ справедливость сдѣланныхъ указаній.

— Еще одна особа желаетъ вашего совѣта.

Сомнамбула попросила позволенія отдохнуть.

— Зять этой особы, сказалъ магнетизеръ, когда сомнамбула отдохнула, чрезвычайно ревнивъ; онъ сдѣлался невыносимъ для другихъ и для себя. Чѣмъ онъ можетъ помочь себѣ?

— Развестись.

— Но онъ любитъ жену.

— Пускай разведется.

— Зачѣмъ же такое крайнее средство?

— Если жена преступна, то она болѣе любитъ своего мужа или по крайней мѣрѣ предпочитаетъ ему другаго; если же она невинна, то должна ненавидѣть и презирать своего мужа, потому что подозрѣніе въ безнравственности есть самое жесточайшее оскорбленіе, какое только можно нанести честной и добродѣтельной женщинѣ; въ обоихъ случаяхъ, разводъ необходимъ.

— Больше вы ничего не можете сказать?

— Дѣла подобнаго рода непріятны.... Разбудите меня, я чувствую себя нездоровой.

— Вы ничего не прибавите къ своему отвѣту?

— Разбудите меня; голова моя въ жару; жизнь какъ будто оставляетъ меня.

Въ самомъ дѣлѣ крупныя капли пота текли съ ея лба; въ чертахъ лица выражалось болѣзненное изнеможеніе.

Двойное зрѣніе.

Вѣрованіе въ явленія *двойнаго зрѣнія* очень распространено въ Шотландіи и другихъ странахъ. По нашему мнѣнію, это явленіе надобно отнести къ предчувствіямъ. Конечно, философія и фізіологія отвергаютъ подобное мнѣніе, но свидѣтельство многихъ людей заслуживаетъ того, чтобы изслѣдовать его съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Мы далеко не допускаемъ всѣхъ разсказовъ относительно двойнаго зрѣнія и приведемъ только слѣдующій, разсматриваемый Ферріеромъ, Гиббертомъ, Аберкромби, съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Одинъ англійскій офицеръ, хорошо знакомый съ моимъ семействомъ, разсказываетъ Ферріеръ, принадлежалъ, въ половинѣ минувшаго вѣка, къ гарнизону, стоявшему недалеко отъ помѣстья шотландскаго джентльмена, который, какъ говорили, обладалъ двойнымъ зрѣніемъ. Офицеръ познакомился съ этимъ джентльменомъ. Разъ онъ читалъ комедію дамамъ, а хозяинъ ходилъ по комнатѣ, но вдругъ остановился и позвонилъ. Явился слуга. Джентльменъ предсказалъ ему осѣд-

латъ лошадь и отправиться по сосѣдству въ замокъ узнать о здоровьи владѣлицы. Если отвѣтъ будетъ благопріятенъ, прибавилъ онъ, ты поѣзжай въ *** замокъ и узнай, здорова ли леди **. .

Офицеръ закрылъ книгу и просилъ хозяина объяснить ему, что значили эти приказанія. Джентльменъ колебался сначала, но потомъ сказалъ, что ему показалось, будто въ отворенную дверь вошла небольшая женщина безъ головы, имѣвшая большое сходство съ двумя упомянутыми леди; это видѣніе, прибавилъ онъ, служить признакомъ внезапной смерти кого либо изъ моихъ знакомыхъ.

Черезъ нѣсколько часовъ возвратился посланный съ извѣстіемъ, что одна изъ сказанныхъ леди умерла отъ апоплексіи въ самый моментъ видѣнія.

Въ другой разъ, этотъ джентльменъ лежалъ больной въ постели; офицеръ читалъ ему книгу въ бурную ночь. Старый джентльменъ нѣсколько разъ выражалъ безпокойство о людяхъ, уѣхавшихъ на рыбную ловлю, и вдругъ вскричалъ: «Судно погребло!—Какъ вы это знаете? спросилъ его офицеръ.—Я вижу, отвѣчалъ больной, двухъ лодочниковъ, которые несутъ третьяго, утонувшаго; съ нихъ течетъ вода ручьями; они кладутъ утопленника около вашего стула». Ночью возвратились рыбаки съ трупомъ утопленника (Ferglar, p. 64).

Ферріеръ основательно относитъ это видѣніе къ галлюцинаціямъ; по мнѣнію Аберкромби, оно есть воспоминаніе забытыхъ грезъ.

Сюда же, по нашему мнѣнію, надобно отнести видѣнія въ холодныхъ странахъ, а также феномены двойнаго зрѣнія, замѣченные у лапландцевъ, самоѣдовъ, остяковъ и камчадаловъ (*History of Lapland, written by John Scheffer, professor of Law at Upsal in Sweden. English translation, published. A. D. 1704*).

Всѣ факты, удаляющіеся отъ общихъ законовъ, должны быть подвергнуты строгому изслѣдованію и отвергнуты, если не представляютъ признаковъ истинности; но когда въ нихъ ручаются просвѣщенные люди, достойные вѣры и принявшіе всѣ мѣры, чтобы не впасть въ ошибку, скептицизмъ невозможенъ; вся разница въ объясненіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что большинство случаевъ предвидѣнія объясняется галлюцинаціями грезъ, сомнамбулизма, тогда какъ остальная часть относится къ другому порядку фактовъ. Тогда, при невѣдомыхъ намъ условіяхъ, развивается въ громадныхъ размѣрахъ способность воспринимать впечатлѣнія, точно такъ, какъ въ извѣстныхъ болѣзняхъ, при наступленіи смерти, чувства становятся крайне остры, и разумокъ, помраченный въ теченіе долгихъ лѣтъ, становится опять яснымъ.

Намъ извѣстно три такихъ примѣра: 1) больной, который въ теченіе 52-хъ лѣтъ представлялъ всѣ признаки сумасшествія, подражалъ движеніямъ медвѣдя и издавалъ только несвязные звуки, могъ, въ концѣ болѣзни, предъ смертью, сознательно отвѣчать на всѣ предлагаемые вопросы (*Annal. Méd.—psychol.* p. 531, Paris, 1850, par Brierre de Boismont.—*Du retour de la raison chez les aliénés mourants, Gazette des hôpitaux*, 1844. — *Legrand du Saulle, des Approches de la mort, de leur influence sur les facultés de l'intelligence et sur les actes de dernière volonté, Gazette des Hôpitaux*, 19 et 21 février, 1861). Второй примѣръ относится къ параличному, который какъ будто проснулся отъ долгой летаргіи. Въ такомъ состояніи онъ жилъ два дня и въ самыхъ трогательныхъ словахъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что покинулъ свою бѣдную мать. Наконецъ, 62-хъ-лѣтняя женщина, погруженная нѣсколько мѣсяцевъ въ глубокую меланхолію, совершенно пришла въ себя, говорила о своихъ дѣлахъ и умерла въ полной памяти.

Это возвращеніе разсудка, необыкновенная ясность ума, были извѣстны уже древнимъ, которые въ благоговѣйномъ молчаніи собирали слова умирающаго. Этотъ фактъ можно до нѣкоторой степени объяснить сосредоточеніемъ жизни на одномъ органѣ, который умираетъ послѣднимъ.

«Нѣтъ ничего удивительнѣе, говорилъ уже Аре-тій, какъ размышленія нѣкоторыхъ больныхъ въ припадкахъ страданія, какъ ихъ предположенія, предметы, которые они видятъ. Ихъ чувства чисты и точны, проницательность велика, умъ прозорливъ. Прежде всего, больные предчувствуютъ свою смерть, за тѣмъ предрекаютъ судьбу присутствующимъ». (*De signis et causis acutorum morborum*, lib. II, cap. I).

«Нельзя безъ удивленія слышать, что иногда говорятъ или думаютъ больные при приближеніи апоплексіи. Всѣ чувства ихъ чисты и цѣлы, а умъ пріобрѣтаетъ какой-то особенный характеръ. Первою мыслью ихъ бываетъ мысль о смерти, потомъ они прозрѣваютъ будущее по настоящему. Я видѣлъ одного, который за шесть дней предрекъ свою смерть» (*Bordeu, Recherches sur les maladies chroniques*, t. I p. 325, édit. de l'an IX).

Мы приведемъ еще весьма интересный отрывокъ изъ сочиненія Кабаниса. «Я считаю необходимымъ, говоритъ онъ, обратить особенное вниманіе на тѣ странныя острые болѣзни, въ которыхъ вдругъ рождаются и развиваются несуществовавшія доселѣ умственные способности.... Въ нѣкоторыхъ экстатическихъ и судорожныхъ болѣзняхъ мы видимъ также, что органы чувствъ становятся чувствительнѣе къ впечатлѣніямъ, которыхъ не

воспринимали въ своемъ нормальномъ состояніи. Есть такіе больные, которые невооруженнымъ глазомъ легко различаютъ микроскопическіе предметы; другіе ясно видятъ въ темнотѣ; нѣкоторые узнаютъ, какъ собака, слѣды извѣстныхъ лицъ, а по запаху—предметы, которые принадлежали этимъ лицамъ.

«Я видѣлъ такихъ, вкусъ которыхъ достигъ особенной тонкости и которые умѣли выбирать пищу и даже лекарство, самыя приличныя въ ихъ положеніи. Есть такіе, которые могутъ наблюдать свою внутренность во время пароксизмовъ» (Cabanis, 7-e mémoire, De l'influence des maladies sur la formation des idées et des affections morales).

Неужели можно назвать слабостью признаніе, что въ таинственной области мысли совершается множество явленій, которыя вѣроятно на долго останутся для насъ неразрѣшимыми загадками?

Видѣнія.

Существованіе видѣній доказывается многими фактами и зависитъ отъ обмана зрѣнія или слуха.

Въ своемъ сочиненіи «*Letters on natural magic*», Брюстеръ рассказываетъ (стр. 32) опытъ Ньютона, показывающій, что всякій можетъ произвести видѣніе. Собравъ солнечные лучи на зеркало, Ньютонъ случайно взглянулъ на темную часть комнаты и былъ удивленъ при видѣ солнечнаго спектра, который становился яснѣе и яснѣе на темной стѣнѣ. Спектръ показывался всякій разъ, когда Ньютонъ смотрѣлъ на неосвѣщенную часть комнаты.

Петерсонъ замѣчаетъ, что такое же явленіе бываетъ въ то время, когда, посмотрѣвши пристально на ярко-освѣщенное окно, переносишь свои взоры на стѣну; немедленно является образъ окна съ своими переплетами (Pater-son, *The Edinburgh medical and Surgical journal*, № CLIV, january, 1843). Къ этимъ двумъ фактамъ можно прибавить еще видѣнія тѣхъ лицъ, которыя сосредоточиваютъ свое вниманіе на пейзажѣ, горѣ и могутъ въ послѣдствіи воспроизводить ихъ въ мысляхъ со всѣми подробностями.

Извѣстное расположеніе духа показываетъ, какъ легко можетъ возникать видѣніе; я говорю о *грезахъ*. Увлеченныя ими, наши мысли, такъ сказать, воплощаются, и предъ нами являются, въ осязаемыхъ формахъ, всѣ предметы нашихъ желаній. «Возвратясь въ сельскій домикъ, говоритъ одинъ ученый, потерявшій въ молодости страстно любимую женщину, я сажусь противъ того мѣста, гдѣ она обыкновенно сидѣла, и, послѣ многихъ лѣтъ, она является мнѣ во всемъ блескѣ своей красоты» (*Moniteur universel*, 8 феврал. 1856 г.).

Всѣ жившіе на Востокѣ, или писавшіе о немъ, говорятъ о всемогущемъ вліяніи климата на воображеніе живущихъ тамъ народовъ.

Въ тѣхъ странахъ, говорятъ, есть вещества, приводящія умъ въ восторженное состояніе. «Съ своей стороны, говоритъ Поль де-Моленъ, я всегда думалъ, что самое небо, подъ которымъ арабъ раскидываетъ свою палатку, было самымъ главнымъ источникомъ грезъ. Восточнымъ жителямъ неизвѣстно унизительное и болтливое опьяненіе вина, водки, пива, всѣхъ напитковъ, которые искажаютъ лицо, смущаютъ умъ и заставляютъ языкъ не твердо двигаться; но имъ извѣстна тайна высокаго и безмолвнаго упоенія небомъ, уединеніемъ и пространствомъ. Отъ этого упоенія не отказываются разъ извѣдавшіе его». (*Des ou-*

rages du général Daumas, article de P. de Molènes, journal des Débats, 4 mars, 1851). Однакожъ не слѣдуетъ забывать, что восточные народы неумѣренно употребляютъ хашишъ и особенно опиумъ. Декейракъ, бывшій въ плѣну у китайцевъ и жившій въ Пекинѣ, описываетъ подъ именемъ Ragle истинную галлюцинацію, въ которой предметы измѣняютъ форму, видъ, положеніе; отъ миража онъ отличается тѣмъ, что въ первомъ видишь только дѣйствительно существующее (Gaz. des Höpit. 3 avril, 1855).

Мнѣніе Молена подтверждается словами одного путешественника. «Восточный житель, говорить этотъ путешественникъ, лѣнивъ и сладострастенъ. Кейфъ для него также необходимъ, какъ хлѣбъ, которымъ онъ питается, какъ одежда, которую онъ носить. Арабъ,—бѣдный или богатый, — не имѣвшій возможности сдѣлать свой кейфъ въ теченіи дня, очень несчастный человѣкъ. Но что такое кейфъ? Этому слову нѣтъ соотвѣтствующаго въ нашемъ языкѣ, и итальянское far niente даетъ только весьма слабое понятіе о немъ. Кейфъ есть грезы, родъ блаженства, въ которое погружаешься и съ которымъ нѣтъ силъ разстаться. Восточные жители рѣдко думаютъ; думать слишкомъ тягостно для нихъ. Во время кейфа, ихъ прихотливое воображеніе бродитъ безцѣльно, создаетъ фантастическій міръ и наслаждается несбыточными мечтами. Въ эти часы, восточный человѣкъ

становится поэтомъ, но поэтомъ-эгоистомъ, который не производитъ ничего для другихъ». (Combes, fils, Voyage en Egypte eten Nubie).

Этой силѣ воображенія обязаны своимъ происхожденіемъ волшебныя сказки, составляющія утѣху восточныхъ народовъ. Та же сила населяетъ нѣдра земли фантастическими существами, создаетъ дворцы, загроможденные сокровищами, и видитъ въ каждомъ европейцѣ, роющемъ развалины съ цѣлю открыть остатки древностей,—волшебника, который вызываетъ геніевъ, хранящихъ сокровища, чтобы овладѣть послѣдними.

Итакъ, грезы чрезвычайно благопріятствуютъ возникновенію видѣній, и могутъ, такъ сказать, служить мыслителямъ источникомъ дивныхъ созданій.

Мы должны допустить два рода видѣній, которые различаются по величинѣ и живости феномена. При нормальномъ состояніи, образъ поразившаго насъ предмета можетъ сохранить всю живость оригинала, но мы ясно сознаемъ, что наше видѣніе есть ничто иное, какъ созданіе воображенія. При болѣзни же, мозгъ придаетъ своимъ созданіямъ болѣе яркія краски, болѣшую живость; эти созданія, такъ сказать, отдѣляются отъ меня, становятся независимы и смущаютъ умъ.

Видѣнія перваго рода могутъ иногда продолжаться довольно долго, и, въ извѣстныхъ случаяхъ, вызываться по нашей волѣ.

Одинъ живописецъ, наслѣдовавшій большую часть покупателей сэра Дж. Рейнольдса, и считавшій себя по таланту выше его, такъ много работалъ, что, какъ говоритъ Уйгенъ, написалъ въ одинъ годъ 300 портретовъ, большихъ и малыхъ. Этотъ фактъ кажется физически невозможень, но вся тайна быстроты этого живописца и его удивительнаго успѣха заключалась въ томъ, что для очертанія предмета ему нуженъ былъ только одинъ сеансъ. Въ моихъ глазахъ, говоритъ Уйгенъ, онъ менѣе, чѣмъ въ 8 часовъ, написалъ миниатюрный портретъ хорошо извѣстнаго мнѣ джентльмена; портретъ былъ написанъ тщательно и чрезвычайно похожъ.

Я просилъ его рассказать мнѣ нѣкоторыя подробности объ его способѣ; вотъ что онъ отвѣчалъ мнѣ: «Когда являлась ко мнѣ новая личность, я внимательно смотрѣлъ на нее полчаса, по временамъ набрасывалъ ея черты на полотно. Я не имѣлъ надобности въ болѣе продолжительномъ сеансѣ, снималъ полотно и начиналъ портретъ другаго господина. Желая продолжать портретъ перваго,—я вспоминалъ этого господина, сажалъ его на стулъ, на которомъ такъ же ясно видѣлъ его, какъ будто бы онъ дѣйствительно

сидѣлъ тамъ; я могу даже прибавить, что формы и цвѣта были опредѣленнѣе и живѣе. Я взглядывалъ по временамъ на воображаемую фигуру и начиналъ писать; иногда я прерывалъ работу, чтобы сравнить позу, совершенно такъ, какъ будто передо мной былъ оригиналъ; всякій разъ, когда я взглядывалъ на стулъ, видѣлъ человека на немъ.

«Этотъ методъ сдѣлалъ меня очень популярнымъ, и какъ я всегда писалъ очень сходно, то заказчики были очень довольны, что могли избавиться отъ скучныхъ сеансовъ. Я зарабатывалъ много денегъ, которыя скупилъ сберечь для своего семейства.

«Мало по малу я пересталъ различать воображаемую и дѣйствительную фигуру, иногда спорилъ даже съ заказчиками, что вчера еще снималъ съ нихъ портретъ. Наконецъ я потерялъ разсудокъ и тридцать лѣтъ не дотрогивался до кисти. Изъ этого долгаго періода я ровно ничего не помню».

Замѣчательно, что когда этотъ художникъ сталъ опять писать портреты, то писалъ ихъ такъ же хорошо, какъ до своего сумасшествія. Его воображеніе было по прежнему живо, доказательствомъ чему служить портретъ, написанный имъ въ два сеанса; послѣдній сеансъ былъ посвященъ платью

и бровямъ, которыя художникъ не могъ запомнить.

Его друзья, боявшіеся за дурныя слѣдствія усиленной работы, принудили его отказаться отъ живописи. Онъ умеръ вскорѣ за тѣмъ. (A. L. Wigan, M. D. A. New view of insanity, the duality of the mind, p. 123. London, 1844).

Эта способность вызывать образы, населять ими пространство, можетъ доходить до того, что присутствующіе кажутся привидѣніями.

Гіасинтъ Ланглуа, отличный руанскій артистъ, близко знакомый съ Тальма, рассказывалъ намъ, что послѣдній обладалъ слѣдующею способностью: входя на сцену, онъ могъ убѣдить себя, что вся блестящая и многочисленная его аудиторія потеряла свои наряды и что зрители превратились въ скелеты. Когда его воображеніе наполняло такимъ образомъ залъ упомянутыми странными зрителями, испытываемое имъ при этомъ волненіе сообщало его игрѣ силу, которая часто вела къ самымъ поразительнымъ результатамъ.

Слѣдовательно, видѣнія могутъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ вызываемы по нашему произволу, но обыкновенно они являются сами собой. Хотя особа, подверженная видѣніямъ, сознаетъ, что они только плодъ воображенія, обманъ чувства,

однакожь, если видѣнія часто повторяются, то могутъ имѣть весьма дурныя слѣдствія и не рѣдко самую смерть.

«Я зналъ, говоритъ Уйгенъ (стр. 126), весьма умнаго и любезнаго человѣка, который обладалъ способностью воспроизводить свой образъ предъ собою; онъ часто смѣялся отъ души при видѣ своего двойника (Εἰδωλον), который, повидимому, также смѣялся. Эта иллюзія служила въ теченіе извѣстнаго времени предметомъ развлеченія и шутокъ, но потомъ имѣла весьма дурныя слѣдствія. Мало по малу, упомянутый джентльменъ убѣдилъ себя, что имѣетъ двойника, который упорно спорить съ нимъ, иногда даже беретъ перевѣсъ, что несказанно оскорбляло его. Наконецъ, измученный этою борьбой, онъ рѣшился не начинать новаго года, заплатилъ всѣ долги, завернулъ въ бумагу оставшіяся деньги и съ пистолетомъ въ рукѣ сталъ ждать ночи на 1 января. Едва пробило полночь, какъ онъ размножилъ себѣ голову выстрѣломъ».

Одинъ отличный докторъ, другъ Вальтеръ Скотта, рассказываетъ слѣдующій случай, который, безъ сомнѣнія, можетъ быть самымъ интереснымъ примѣромъ.

Упомянутаго доктора пригласили къ человѣку, который занималъ важное мѣсто. По своему зва-

нію, онъ имѣлъ власть надъ интересами другихъ; поэтому, поведеніе его подвергалось общественному суду. Тѣмъ не менѣе, онъ въ теченіе долгихъ лѣтъ пользовался репутаціей твердаго, честнаго и умнаго человѣка.

Въ то время, когда начались посѣщенія доктора, этотъ человѣкъ не выходилъ изъ комнаты, иногда не вставалъ съ постели, и однакожь продолжалъ отправлять свою должность; умъ его, повидимому, оказывался такъ же здоровымъ и тонкимъ, какъ и прежде. Поверхностный наблюдатель не замѣтилъ бы въ немъ ничего, что могло бы указать на ослабленіе умственныхъ способностей или разстройство разсудка. Внѣшніе признаки не указывали на какую-либо острую или опасную болѣзнь, но медленный пульсъ, недостатокъ аппетита, трудное пищевареніе и постоянная грусть повидимому имѣли своимъ источникомъ какую-либо тайную причину, которую больной рѣшился тщательно скрывать.

Пасмурный видъ несчастнаго, замѣшательство, которое онъ не могъ скрыть отъ доктора, принужденность въ его краткихъ, отрывистыхъ отвѣтахъ, побудили врача обратиться къ семейству больного, которое однакожь не могло дать удовлетворительнаго объясненія.

Тогда докторъ прибѣгнулъ къ аргументамъ, ко-

торые могли бы сдѣлать сильное впечатлѣніе на умъ больного. Онъ указалъ ему на глупость скорѣе обречь себя медленной смерти, нежели разсказать причину печали, которая доведетъ его до гроба. Особенно настаивалъ докторъ на то, что больной самъ навлекаетъ на себя подозрѣніе въ совершеніи какого-либо постыднаго или преступнаго дѣянія, и прибавилъ, что такимъ образомъ онъ оставитъ своему семейству подозрительное и безчестное имя, съ которымъ будетъ связана идея о преступленіи, въ которомъ больной не могъ признаться даже на смертномъ одрѣ. Послѣднія слова произвели на больного поразительное впечатлѣніе; онъ пожелалъ откровенно высказать все доктору. Когда ихъ оставили вдвоемъ и тщательно заперли дверь, больной сказалъ слѣдующее:

«Вы не болѣе моего можете быть убѣждены въ неизбежности грозящей мнѣ смерти, но не понимаете ни природы моей болѣзни, ни ея дѣйствія на меня. Если даже вы поймете это, то я сомнѣваюсь, что ваше рвеніе и таланты могутъ вылечить меня. Мое положеніе не ново; примѣры его встрѣчаются часто. Безъ сомнѣнія, вы помните, отъ какой болѣзни умеръ герцогъ Оливарецъ?—Онъ умеръ отъ идеи, что его преслѣдуетъ привидѣніе, въ существованіе котораго онъ не вѣрилъ сперва.—Ну, любезный докторъ, я точно въ такомъ положеніи; преслѣдующее меня видѣніе такъ тягостно и ужасно, что мой рассу-

докъ не въ силахъ бороться съ нимъ; я чувствую, что умираю жертвою мнимой болѣзни».

Докторъ внимательно выслушалъ разсказъ больного и воздержался отъ опроверженія его идей. Онъ только разспросилъ о подробностяхъ видѣнія.

Больной отвѣчалъ, что видѣніе мало по малу овладѣвало имъ, и что сперва оно не имѣло ничего ужаснаго или непріятнаго. Чтобы доказать это, больной такъ изложилъ развитіе своихъ страданій:

«Мои видѣнія начались два или три года тому назадъ. Меня мучило тогда присутствіе большой кошки, которая, не знаю какъ, являлась и пропадала; я не долго былъ въ заблужденіи и убѣдился, что это домашнее животное было слѣдствіемъ заблужденія чувствъ или плодомъ воображенія. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, кошка исчезла и замѣнилась болѣе страшнымъ видѣніемъ. Меня преслѣдовалъ экзекуторъ палаты, въ своей форменной одеждѣ. Какъ въ моемъ собственномъ домѣ, такъ и въ домахъ моихъ знакомцевъ, онъ шелъ впереди меня по лѣстницѣ. Иногда онъ какъ будто терялся въ обществѣ, хотя очевидно никто не замѣчалъ его присутствія и тѣхъ почестей, которыя онъ отдавалъ мнѣ. Эта прихоть моего воображенія не оказывала очень сильнаго впечатлѣнія на меня; тѣмъ не менѣе заставила

сомнѣваться въ природѣ болѣзни и бояться дурныхъ слѣдствій. Спусти нѣсколько мѣсяцевъ, экзекUTORъ замѣнился скелетомъ. Последній никогда не покидалъ меня. Напрасно я повторялъ себѣ, что это только видѣніе, обманъ чувства, плодъ разстроеннаго воображенія и органа зрѣнія. Но къ чему служить подобныя разсужденія, когда постоянно имѣемъ предъ своими глазами предвѣстника и эмблему смерти?»

Докторъ сожалѣлъ, что видѣніе такъ глубоко укоренилось въ умѣ его больного. Онъ ловко разспросилъ его объ обстоятельствахъ, при которыхъ явился скелетъ, надѣясь найти противорѣчіе въ его словахъ. «Повидимому, сказалъ докторъ, скелетъ постоянно находится предъ вашими глазами?—Я осужденъ вѣчно видѣть его, отвѣчалъ больной.—Слѣдовательно, онъ теперь предъ вами?—Да.—Въ какой части комнаты онъ находится?—Въ ногахъ моей постели; когда занавѣсы нѣсколько раздвинуты, онъ становится между ними и наполняетъ пустое мѣсто. Вы говорите, что вполне понимаете, что это только иллюзія. Есть ли въ васъ довольно твердости убѣдиться въ этомъ положительно. Можете ли вы стать на то мѣсто, которое, какъ вы говорите, занято скелетомъ, и тѣмъ самымъ доказать себѣ, что этотъ скелетъ дѣйствительно настоящая иллюзія?» Бѣдный человекъ вздохнулъ и отрицательно покачалъ головой. «Ну, сказалъ докторъ, мы испытаемъ дру-

гое средство». Онъ сталъ между занавѣсами, на томъ самомъ мѣстѣ, которое будто бы было занято скелетомъ, и спросилъ: видитъ ли больной послѣдній. «Гораздо менѣе, потому что вы стоите между имъ и мною; но я вижу его черепъ надъ вашимъ плечомъ....»

Докторъ прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ; но безуспѣшно. Болѣзнь усиливалась, и больной умеръ отъ мученій, среди которыхъ протекли послѣдніе годы его жизни.

Этотъ примѣръ служить неопровержимымъ доказательствомъ власти воображенія надъ тѣломъ, даже тогда, когда фантастическій страхъ не можетъ разстроить сужденія больного. Послѣдній гибнетъ, въ такомъ случаѣ, жертвою обмана чувствъ. (Walter Scott, *Histoire de la demonologie et de la sorcellerie*, trad. de Defaucgonpret, p. 228).

Во многихъ случаяхъ, видѣнія соединены съ болѣзненнымъ состояніемъ. Въ своемъ *Essai analytique sur l'âme*, Бонне, и въ *Essai philosophique sur les probabilités*, Лапласъ, приводятъ фактъ, относительно предка перваго изъ упомянутыхъ философовъ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ рассказовъ подобнаго рода обнародованъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Николаи, въ Берлинѣ.

«Въ послѣдніе десять мѣсяцевъ 1790 года, говоритъ онъ, меня глубоко поразила печаль. Докторъ Зелль, обыкновенно пускавшій мнѣ кровь два раза въ годъ, счелъ за нужное пустить теперь только одинъ разъ. 24 февраля 1791, вслѣдствіе живаго спора, я замѣтилъ, вдругъ, на разстояніи десяти шаговъ, мертвую фигуру, и спросилъ у жены: видитъ ли она ее; мой вопросъ взволновалъ ее и она немедленно послала за врачомъ; видѣніе продолжалось восемь минутъ. Въ 4 часа по полудни, видѣніе повторилось; изъ своей комнаты я прошелъ къ женѣ, видѣніе не покидало меня. Въ 6 часовъ, я замѣтилъ множество фигуръ, не имѣвшихъ связи съ первою.

«Когда прошло первое удивленіе, я сталъ разсматривать призраки, принимая ихъ за то, чѣмъ они были въ дѣйствительности, т. е., за слѣдствіе нездоровья. Проникнутый этою идеей, я тщательно наблюдаю ихъ, стараясь найти, въ силу какого сцѣпленія идей явились эти формы, однакожъ не могъ отыскать связь между ними и моими занятіями, мыслями, работой. На другой день, мертвая фигура исчезла и замѣнилась множествомъ другихъ фигуръ, представлявшихъ иногда друзей, но обыкновенно незнакомыхъ лицъ. Мои близкіе знакомые не принимали участія въ этихъ видѣніяхъ, которыя почти исключительно состояли изъ лицъ, живущихъ въ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Я старался воспроизвести моихъ знако-

мыхъ, припоминая ихъ образы, но потерпѣлъ неудачу; въ послѣдствіи они сами собою явились.

«Эти видѣнія были равно ясны и опредѣленны въ уединеніи и въ обществѣ, днемъ и ночью, на улицѣ и въ домѣ. Если я закрывалъ глаза, то они пропадали иногда; едва я открывалъ глаза, какъ видѣнія опять являлись. Не рѣдко я видѣлъ людей верхомъ, собакъ, птицъ. Въ нихъ ничего не было особеннаго, они казались только блѣднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности.

«Спустя четыре недѣли, число призраковъ увеличилось; я начиналъ уже слышать ихъ разговоръ; иногда они разговаривали между собой, большею же частью обращались ко мнѣ; ихъ рѣчи были кратки и вообще пріятны. Не рѣдко я принималъ ихъ за нѣжныхъ и чувствительныхъ друзей, которые стараются уладить мою печаль.

«Хотя мой умъ и тѣло были въ эту эпоху совершенно здоровы, и хотя я до того освоился съ этими видѣніями, что они нисколько не беспокоили меня, однакожъ я старался избавиться отъ нихъ приличными средствами: было рѣшено поставить мнѣ пійвки, что и сдѣлано 20 апрѣля 1791, въ 11 часовъ утра. Во время ставки пійвокъ, моя комната наполнилась всевозможными человѣческими фигурами, видѣніе это непрерывно продолжалось до $4\frac{1}{2}$ часовъ. Тогда движенія призраковъ сдѣлались медленнѣе; вскорѣ они стали

блѣднѣть и къ семи часамъ вечера приняли бѣлый цвѣтъ; движенія ихъ были крайне медленны, хотя формы по прежнему были явственны. Мало по малу они стали исчезать, сливаться съ воздухомъ. Въ 8 часовъ, моя комната совершенно освободилась отъ этихъ фантастическихъ посѣтителей.

«Съ тѣхъ поръ, призраки показывались раза два или три, но никогда въ такой степени, какъ въ этотъ разъ». (John Ferriar, An Essay towards a theory of apparitions, p. 40, London, 1813. Memoir on the appearance of spectres or Phantoms occasioned by disease with psychological Remarks. Read by Nicolai to the Royal society of Berlin, on the 28 of february, 1799).

Къ этому факту мы можемъ прибавить наблюдение Бостока. «Страдая, говорить этотъ англійскій физиологъ, лихорадкой, которая повергла меня въ страшную слабость, я страдалъ также жестокою болью въ правомъ вискѣ. Проведя безсонную ночь, я замѣтилъ предъ собою фигуры, которыя показались мнѣ сходными съ фигурами, описанными Николаи. Не будучи въ бреду, я могъ наблюдать ихъ въ теченіе трехъ сутокъ. Два обстоятельства показались мнѣ особенно замѣчательны: призраки всегда слѣдовали за движеніемъ глазъ; лучше другихъ очерченные и долго оставшіеся предо мною предметы никогда не являлись прежде. Въ теченіе почти сутокъ, я посто-

янно видѣлъ человѣческое лицо, черты котораго и одежда были такъ же явственны, какъ у живаго, и которое, по прошествіи многихъ лѣтъ, является мнѣ такъ же ясно, какъ и въ первую минуту. Я никогда не зналъ никого, кто имѣлъ бы хотя малѣйшее сходство съ этимъ фантастическимъ лицомъ.

«Послѣ исчезновенія этого призрака и въ теченіе моей болѣзни я имѣлъ особенную и очень забавную галлюцинацію; мнѣ представлялось множество маленькихъ человѣческихъ фигурокъ, которыя постепенно отдалялись, какъ бы рядъ медальоновъ. Онѣ были всѣ одинаковой величины и, казалось, расположены на равныхъ разстояніяхъ. Каждая изъ этихъ фигуръ, будучи видима въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, слабѣла постепенно и замѣнялась другою, болѣе явственною. Я не помню, чтобы эти фигурки имѣли связь съ видѣнными мною прежде лицами и предметами; это были новыя созданія, первоначальный матеріалъ, которыхъ я не могъ найти». (Bostok, *System of physiology*, vol. III, p. 214).

Эти примѣры, замѣчаетъ докторъ Д. Конолли, заставляютъ насъ предполагать, что сумасшествіе состоитъ въ потерѣ или ослабленіи одной изъ умственныхъ способностей, такъ что умъ не можетъ болѣе сравнивать. (Conolly, *An inquiry concerning the indications of insanity*, p. 122, London, 1830).

Слабость эпоха выздоровленія, синкопъ, предвѣстники асфиксїи, обусловливають иногда явленіе видѣній.

Лере приводитъ слѣдующій съ нимъ случай:

«Я былъ боленъ гриппомъ, и мои собраты рѣшили сдѣлать мнѣ кровопусканіе; крови вышло около трехъ чашекъ. Спустя четверть часа послѣ кровопусканія, я впалъ въ слабость, не потерявъ однакожь совершенно чувствъ; слабость эта продолжалась болѣе восьми часовъ. Въ ту минуту, какъ подавали мнѣ первую помощь, я довольно явственно слышалъ, какъ поставили флаконъ на спальный столикъ, и вскорѣ за тѣмъ различилъ шипѣніе, похожее на шипѣніе кислоты, пролитой на карбонатъ. Я подумалъ, что пролили кислоту на мраморный столъ, и упрекнулъ въ неосторожности окружающихъ меня лицъ. Послѣднія сперва полагали, что я брежу, и старались убѣдить меня, что на столѣ нѣтъ ни флакона, ни разлитой кислоты. Я понялъ, что это былъ обманъ чувствъ, и болѣе повѣрилъ тому, что говорили мнѣ, нежели слышанному прежде. Но шипѣніе было такъ явственно, что, не будучи убѣжденъ примѣрами другихъ подвергавшихся галлюцинаціи, я былъ бы, подобно имъ, обманутъ этимъ феноменомъ». (Leuret, *Fragments psychologiques sur la folie*, p. 135, Paris, 1834).

Не рѣдко случается, что опустивъ на нѣсколь-
ко минутъ голову, чувствуешь вставая головокру-
женіе, видишь предъ глазами блески, искры; въ
ушахъ звенить. У нѣкоторыхъ особъ это поло-
женіе повидимому можетъ произвести обманъ
чувства.

Одна служанка мыла лѣстницу; поднявши го-
лову, она замѣтила ступни, потомъ ноги столь
огромныхъ размѣровъ, что, пораженная страхомъ,
убѣждала, не дождавшись полного развитія видѣ-
нія. Невѣжество этой дѣвушки не дозволило ей
убѣдиться въ ложности видѣнія, что непременно
сдѣлать бы просвѣщенный человѣкъ.

Одинъ очень умный человѣкъ мучился призра-
комъ, который являлся ему, когда тотъ ложился
спать, и по видимому хотѣлъ посягнуть на его
жизнь. Если упомянутый человѣкъ садился, то
призракъ исчезалъ, являясь немедленно, какъ толь-
ко тотъ принималъ горизонтальное положеніе.
(Dendy, The philosophy of mystery, p. 11. Lon-
don 1841, p. 290).

Умственные работы, чрезмѣрно возбуждая мозгъ,
также часто служатъ поводомъ къ появленію ви-
дѣній. Мы знали многихъ лицъ, которыя явствен-
но слышали по ночамъ звавшіе ихъ голоса; мно-
гіе оборачиваются, чтобы отвѣтить, или идутъ от-
переть дверь, полагая, что кто-нибудь звонилъ.

Бень-Джонсонъ, обладавшій огромною памятью и весьма живымъ воображеніемъ, имѣлъ по временамъ ложныя ощущенія. Онъ рассказывалъ Друммонду, что провелъ всю ночь, смотря на большой палецъ, вокругъ котораго являлись и дрались татары, турки, римляне, католики; къ этому онъ прибавилъ, что хорошо зналъ, что эти образы были плодомъ его разгоряченнаго воображенія. Вѣроятно, къ тому же источнику надобно отнести и другое его видѣніе, въ которомъ ему представилось, что сынъ его умеръ въ Лондонѣ отъ чумы (Ferriar, p. 58; Drummond's Works, p. 224).

Въ сочиненіи Аберкромби говорится объ одномъ человѣкѣ, котораго всю жизнь преслѣдовали видѣнія, такъ что встрѣчаясь на улицѣ съ пріятелемъ, онъ не зналъ сперва, видитъ ли дѣйствительно человека или призракъ. Обративъ большее вниманіе, онъ можетъ замѣтить разницу между ними; черты дѣйствительнаго лица болѣе явственны, нежели у призрака; вообще, онъ исправляетъ впечатлѣнія глаза, дотрогиваясь до предмета или прислушиваясь къ шуму шаговъ. Онъ обладаетъ способностью возбуждать по произволу видѣнія, которыя могутъ состоять изъ одного лица, видѣнной или созданной имъ сцены; при этомъ однакожъ онъ не можетъ по произволу прекратить видѣніе; вызвавъ послѣднее, онъ не знаетъ, сколько времени оно продолжится. Этотъ

человѣкъ находится въ цвѣтѣ лѣтъ, пользуется здоровьемъ, полнымъ разсудкомъ и занятъ дѣлами. Другой членъ его семейства имѣетъ такую же способность, но въ меньшей степени. (Abercrombie, *Inquiries concerning the intellectual powers*, p. 380, eleventh edition. London, 1841).

Въ слѣдующихъ двухъ наблюденіяхъ, видѣнія объясняются до нѣкоторой степени симпатическою связью между членами семейства.

Однажды утромъ, въ 1652, Филиппъ, второй Честерфильдскій графъ, замѣтилъ что-то бѣлое въ одномъ метрѣ отъ края своей постели. Онъ хотѣлъ схватить его, но это что-то ускользнуло. Мысли графа перенеслись тогда къ женѣ, которая въ это время жила въ Нетуортѣ, съ своимъ отцемъ, графомъ Нортумберлендъ. Когда онъ прибылъ въ Нетуортъ, его встрѣтилъ слуга и вручилъ пакетъ отъ его жены, которая находилась тогда въ обществѣ своей сестры, леди Эссексъ, и гг. Рамсей. Графа спрашивали о причинѣ его внезапнаго пріѣзда; графъ объяснилъ ее и, прочитывая письма, находившіяся въ упомянутомъ пакетѣ, онъ узналъ, что графиня просила его возвратиться, такъ какъ она замѣтила что-то бѣлое и черную фигуру, рядомъ съ ея постелью. Видѣнія эти представились графу и графинѣ въ одну и ту же минуту, хотя тѣ жили на разстояніи 40 миль. (Dendy, p. 27).

Молодой человѣкъ, 18 лѣтъ, не имѣвшій романтическихъ наклонностей, не энтузіастъ и не суевѣрный, жилъ для своего здоровья въ Рамсгатѣ. Прогуливаясь разъ въ окрестностяхъ, онъ зашелъ въ одно оставленное жилище и былъ пораженъ ужасомъ при видѣ своей матери, умершей нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ отъ хронической болѣзни. Призракъ стоялъ между имъ и стѣною и не двигался долго. Молодой человѣкъ возвратился домой внѣ себя; видѣніе повторилось въ его комнатѣ нѣсколько разъ, такъ что онъ заболѣлъ и уѣхалъ къ отцу въ Парижъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшился не говорить отцу о своемъ видѣніи, боясь усилить его горестъ о потерѣ любимой женщины.

Будучи принужденъ спать въ одной комнатѣ съ отцемъ, онъ удивился, что во всю ночь горѣлъ огонь. Страдая безсонницей, онъ всталъ и потушилъ огонь. Немедленно проснулся отецъ и приказалъ ему зажечь опять огонь; сынъ исполнилъ его приказаніе, удивляясь волненію и ужасу, изобразившемуся на лицѣ отца. На вопросъ о причинѣ этого ужаса, отецъ отвѣчалъ неопредѣленно и обѣщалъ объяснить ее впослѣдствіи.

Прошло не болѣе недѣли, какъ молодой человѣкъ, не будучи въ состояніи спать при огнѣ, рѣшился потушить его во второй разъ. Въ ту же минуту всталъ отецъ, упрекнулъ его въ неповиновеніи и опять зажегъ ночникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ

онъ признался, что едва гасили огонь, какъ являлся призракъ его покойной жены и стоялъ неподвижно, пока не зажгутъ опять огонь.

Этотъ рассказъ поразилъ молодаго. человѣка, который, боясь усилить горестъ отца, умолчалъ о своемъ видѣннн въ Рамсгатѣ и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ за шестьдесятъ миль, чтобъ повидаться съ своимъ братомъ.

Едва онъ вошелъ въ домъ, какъ сынъ хозяина сказалъ ему: «Вашъ братъ вѣроятно помѣшался. Въ одной сорочкѣ онъ вскочилъ съ постели внѣ себя, увѣряя, что видѣлъ призракъ своей матери, и что не возвратится въ свою комнату».

«Еслибъ видѣнн случились въ одно и то же время, прибавляетъ Уйгенъ, то непременно послужили-бъ доказательствомъ для тѣхъ суевѣрныхъ людей, которые полагаютъ, будто мертвые возвращаются на землю». Это доказательство, по нашему мнѣнню, не имѣетъ такой важности, потому что въ предыдущемъ примѣрѣ видѣнн случились одновременно. Что касается послѣдняго, то видѣнне это можно объяснить сильною любовью упомятыхъ трехъ лицъ къ умершей особѣ, нервною впечатлительностью, грустными обстоятельствами ея послѣдней болѣзни и расположенiемъ воспроизводить предметы, закрывши глаза. (Michigan, p. 167).

Обратимъ вниманіе на размышленія, къ которымъ ведутъ вышерассказанные факты. Многими мы обязаны извѣстнымъ лицамъ; мы выбрали преимущественно ихъ, потому что никому не придетъ въ голову считать сумасшедшими тѣхъ лицъ, которыя имѣли упомянутыя видѣнія. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ понимали, что значать ихъ видѣнія, считали ихъ игрою воображенія, слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія тѣла. Мнѣніе наше подтверждается критикомъ, котораго единогласно признаютъ ученымъ, талантливымъ человекомъ и компетентнымъ судьей. «Извѣстно, говоритъ онъ, что необходимо допустить разницу между тѣми нарушеніями мозговой дѣятельности, которыя исключительно поражаютъ чувства, и тѣми, которыя поражаютъ способность понимать. Есть лица, преслѣдуемыя голосами или призраками и между тѣмъ сознающія, что они игрушка своего собственного воображенія. Что происходитъ? Извѣстная доля мозговой работы совершается вдругъ, тогда какъ при нормальныхъ условіяхъ, та же самая работа совершается при соучастіи матеріальнаго ощущенія. Вотъ и все. Остальная часть мозговой работы шла своимъ чередомъ, совершалась нормально. Если смотрѣть на это, какъ на бредъ, то надобно назвать его частнымъ бредомъ, который не лишаетъ всей способности понимать. Этой-то формѣ слѣдовало бы дать названіе *брѣда ощущений*. Другія лица не осмысливаютъ своихъ видѣній; они вѣрятъ въ дѣйствительность получен-

ныхъ впечатлѣній, но въ тоже время объясняютъ ихъ не натуральными причинами. По нашему мнѣнію, нельзя назвать ни тѣхъ, ни другихъ сумасшедшими. Отправляясь отъ различныхъ точекъ зрѣнія, они различно судятъ о полученныхъ впечатлѣніяхъ и выводятъ изъ нихъ различныя слѣдствія; но безпорядокъ не перешелъ за предѣлы способностей чувствъ». (Dechambre, analyse de l'ouvrage de Szafkowski: sur les hallucinations au point de vue de la psychologie, de l'histoire et de la médecine légale; voir Gazette médicale, 6 avril, 1850).

Нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ принять одного человѣка за другаго, одинъ предметъ за другой. Такія заблужденія чувствъ встрѣчаются у многихъ людей, пользующихся вполне здравымъ умомъ; опытъ и размышленія доказываютъ ложность этихъ впечатлѣній.

Однакожъ, при небольшомъ размышленіи можно убѣдиться, что чувства вѣрно передаютъ полученные впечатлѣнія. Они обязаны передавать намъ, что въ предметахъ существуетъ та или другая причина, то или другое качество, которое возбуждаетъ то или то ощущеніе; но чувства не обязаны знакомить насъ съ природою этой причины или качества. Такъ единственный предметъ зрѣнія будетъ—пространство съ его красками. Когда мы судимъ о пространствѣ и формахъ пред-

метовъ, мы составляемъ заключеніе, которое не принадлежитъ свидѣтельству зрѣнія, какъ не принадлежитъ свидѣтельству слуха тѣ сужденія, которыя мы составляемъ о природѣ и разстояніи звучныхъ предметовъ, издавшихъ звуки, которыми поражается наше ухо. Такимъ образомъ, чувства никогда не обманываютъ насъ; мы впадаемъ въ ошибку вслѣдствіе нашего ложнаго сужденія, составленнаго по вѣрному свидѣтельству чувствъ.

Въ своемъ сочиненіи *Mémoire sur les illusions*, Эскироль указываетъ характеристическія черты, которыя отличаютъ иллюзіи отъ галлюцинацій. Одна изъ этихъ чертъ состоитъ въ отсутствіи всякаго внѣшняго тѣла въ галлюцинаціи, тогда какъ въ основаніи иллюзіи всегда лежитъ осязаемый предметъ. Нѣкто увѣряетъ васъ, что вмѣсто лица у васъ кошачья морда, или лице Наполеона, извѣстнаго оратора, и т. д.; онъ видитъ въ облакахъ сражающіяся войска, и проч.: этотъ человѣкъ подверженъ иллюзіи. Но если, среди ночной тишины, онъ слышитъ говорящія съ нимъ голоса; если въ глубокомъ мракѣ онъ видитъ лица, которыхъ не замѣчаетъ никто, — такой человѣкъ подверженъ галлюцинаціямъ. Лишеніе чувствъ, зрѣнія, слуха, не препятствуетъ возникновенію галлюцинаціи, тогда какъ въ иллюзіи оно будетъ непреодолимымъ препятствіемъ.

Обманъ чувствъ, иллюзія, часто замѣчается въ здоровыхъ людяхъ и легко исправляется разсуж-

деніемъ. Мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь столь извѣстные примѣры четвероугольной башни, которая кажется круглою, берега, который какъ будто убѣгаетъ; эти факты давно уже разсмотрѣны. Иѣкоторыя иллюзіи оставались необъяснены до новѣйшаго времени, таковы: гигантъ, Броккена, фата Моргана, миражъ или марево.

Въ извѣстныя эпохи, къ удивленію жителей и путешественниковъ, являлся гигантъ на вершинѣ Броккена. Въ теченіе многихъ лѣтъ, это явленіе служило поводомъ къ самымъ страннымъ рассказамъ, пока Го не вздумалъ изслѣдовать его. Въ то время, какъ Го разсматривалъ гиганта, порывъ вѣтра едва не сорвалъ съ него шляпы; Го быстро поднявъ руку, и гигантъ повторилъ его движеніе; Го поклонился, гигантъ сдѣлалъ тоже самое. Опытъ былъ повторенъ въ присутствіи хозяина гостиницы на Броккенѣ и далъ тѣже результаты. Чудо было объяснено; все дѣло состояло въ томъ, что среди легкихъ облаковъ становилось ярко освѣщенное тѣло, которое, отражаясь на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, казалось въ 5600 фут. вышиной. (*Philosophical Magazine*, vol. I, p. 232).

Подобная иллюзія замѣчалась въ Ултморлендѣ и другихъ гористыхъ странахъ; тамъ видѣли въ воздухѣ отряды конницы и цѣлыя арміи, которыя дѣлали различныя эволюціи, тогда какъ всѣ

эти фигуры были ничто иное, какъ отраженіе лошадей, пасшихся на противоположной горѣ, и мирныхъ путешественниковъ.

Множество различныхъ обстоятельствъ могутъ дать поводъ къ обману чувствъ. Главное условіе—невѣжество; чѣмъ образованнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе подверженъ такому обману. Нѣкоторыя страны, многія Французскія провинціи, деревни, изобилуютъ преданіями о привидѣніяхъ, которыя ничто иное, какъ обманъ чувства.

Глубокое впечатлѣніе, воспоминаніе о поразительномъ событіи могутъ, посредствомъ алоціаціи идей дать поводъ къ обману чувствъ. Примѣромъ можетъ служить фактъ, сообщенный Денди на 56 стр.

Страхъ, угрызеніе совѣсти, мракъ, также благопріятствуютъ обману чувствъ. Этимъ различными причинами надобно приписать видѣнія, тѣсно связанныя съ присутствіемъ какого либо предмета, колебаніемъ драпировки, обоевъ, положеніемъ мебели, на которые вѣется блѣдный, сомнительный свѣтъ.

При такомъ расположеніи духа, самыя обыкновенныя вещи кажутся призраками. Эллисъ рассказываетъ такой анекдотъ, слышанный имъ отъ очевиднаго свидѣтеля, капитана корабля на Тайнѣ.

Вотъ его разсказъ.

Во время переѣзда умеръ корабельный поваръ. Спустя нѣсколько дней, къ капитану прибѣжалъ лейтенантъ и со страхомъ разсказалъ, что поваръ идетъ предъ кораблемъ и что весь экипажъ смотритъ на него съ палубы. Капитанъ, недовольный тѣмъ, что его беспокоили для подобнаго извѣстiя, приказалъ направить корабль къ Ньюкестлю, дабы посмотрѣть, кто прежде достигнетъ гавани, корабль или призракъ. Видѣнiе однакожъ продолжалось. Посмотрѣвъ въ указанную сторону, капитанъ замѣтилъ человѣческую форму, совершенно похожую на умершаго повара. Страхъ обнялъ весь экипажъ, никто не двигался. Приблизясь, послѣ нѣсколькихъ маневровъ, къ призраку, капитанъ узналъ, что причиною всего страха былъ кусокъ мачты, плывшiй впереди корабля. Еслибъ капитанъ не потрудился посмотрѣть поближе на мнимаго духа, то сказка о поварѣ, ходящемъ по морю, долго бы ходила по свѣту и наводила ужасъ на многихъ добрыхъ жителей Ньюкестля. (Hibbert, sketches of the philosophy of apparitions, p. 17).

Подобные факты многочисленны; мы приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. Аяксъ озлобился за то, что оружие Ахиллеса было присуждено Улиссу. Замѣтя стадо поросятъ, онъ обнажаетъ мечъ и наноситъ удары бѣднымъ животнымъ, принявши ихъ

за Грековъ. Потомъ схватываетъ двухъ поросать и сбъчетъ ихъ, осыпая бранью, ибо одного принимаетъ за своего судью Агамемнона, а другого за своего непріятеля Улисса. Опомнившись, онъ до такой степени устыдился своего поступка, что проткнулъ себя мечемъ.

Ослѣпленный ревностью и уступая навѣтамъ своихъ приближенныхъ, Теодорикъ приказалъ умертвить Симмака, одного изъ добродѣтельнѣйшихъ людей своего времени. Едва было исполнено это жестокое приказаніе, какъ Теодорикъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти. Онъ постоянно упрекаетъ себя въ преступленіи. Однажды за обѣдомъ подають новую рыбу. Вдругъ Теодорикъ вскрикиваетъ съ ужасомъ: голова рыбы кажется ему головою несчастнаго Симмака. Это видѣніе наводитъ на него глубокую грусть, которая оканчивается только вмѣстѣ съ его смертію. (Prosopius, *De bello italico*).

Обманъ зрѣнія и слуха часто является въ эпидемической формѣ; историки приводятъ тому много примѣровъ. Преимущественно видятъ арміи, фигуры всякаго рода въ облакахъ. Вѣрованія, оптическія явленія, физическіе неизвѣстные тогда законы, горячки, считавшіяся заразительными, умопомѣшательство, могутъ объяснить эти видѣнія.

Павзаній говоритъ, что 400 лѣтъ послѣ Марафонской битвы слышны были каждую ночь

ржаніе лошадей и стукъ оружія. Всѣ любопытные не замѣчали этого, тогда какъ проходившіе равнину, безъ всякаго предвзятаго намѣренія, ясно слышали упомянутые звуки. (Pausanias, in Attic.—Taillepied, *Traité de l'apparition des esprits*).

Во время платейской битвы, раздается страшный крикъ, который Аѳиняне приписываютъ богу Пану; Персы до того испугались этого крика, что обратились въ бѣгство.

Плиній рассказываетъ, что во время войнъ Римлянъ съ Кимврами, не рѣдко слышались, какъ бы на небѣ, стукъ оружія и трубные звуки. — Аппіанъ говоритъ о крикѣ испуганныхъ людей, стукѣ оружія, топотѣ лошадей.—Плутархъ рассказываетъ, что въ битвѣ съ Тарквиніемъ, видѣли въ первыхъ рядахъ Кастора и Полукса на бѣлыхъ лошадяхъ; они въ одну минуту принесли въ Римъ извѣстіе о побѣдѣ.

Исторія изобилуетъ подобными разсказами. Такъ, во времена Карла великаго, ясно были видны сражавшіяся въ небѣ фаланги колдуновъ; позднѣе, замѣчались фантастическія существа, ревъ въ храмахъ, громкіе голоса, и проч.

Въ царствованіе Карла VI, часто видѣли въ облакахъ какъ бы битвы; вполнѣ вооруженные ры-

цари нападали другъ на друга. Небо имѣло кровавый цвѣтъ (*Chronique des religieux de saint Denis, collection des mémoires relatifs à l'histoire de France*).

Эпоха крестовыхъ походовъ особенно замѣчательна множествомъ видѣній (*Michaud, Histoire des croisades*).

Но, спросить, какъ могутъ значительныя собранія людей быть игрушкою одной и той же иллюзіи? Независимо отъ вышеупомянутыхъ причинъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ невѣжество, страхъ, суевѣріе, болѣзнь, надобно принять еще въ расчетъ заразительное вліяніе примѣра; достаточно одного крика, чтобъ испугать толпу людей. Человѣкъ, которому показалось, будто онъ видѣлъ сверхъестественныя вещи, немедленно сообщалъ свое убѣжденіе другимъ, столь же мало просвѣщеннымъ, какъ онъ самъ. Много разъ приводили анекдотъ о человѣкѣ, который, смотря на статую, вскричалъ: «она нагнула голову». Всѣ присутствовавшіе утверждали, что видѣли, какъ статуя нагнула голову.

Обманъ слуха создалъ тысячи народныхъ разсказовъ. Ропотъ вѣтра становился жалобнымъ голосомъ; гроба, гrotы, пещеры служили мѣстами убѣжища, обитанія духовъ.

Мы нѣсколько подробно говорили объ обманѣ чувствъ, чтобы указать различіе между имъ и

галлюцинаціями; допуская пограничную между ними черту, мы полагали, что вслѣдствіе ихъ частаго соединенія необходимо дать общее о томъ понятіе.

Многіе авторы говорятъ, что нельзя смѣшивать ложныя индукціи съ обманомъ чувствъ. Горячая конценція не есть, дѣйствительно, обманъ чувства. «Подвергаться обману чувства, говоритъ Мишеа, не значитъ составлять ложное сужденіе, получивши правильное впечатлѣніе, но значитъ неправильно понимать ложное впечатлѣніе».

Иногда обманъ чувства является первымъ и уже впослѣдствіи уступаетъ мѣсто галлюцинаціи; онъ можетъ осложнять ее, слѣдовать за ней; можетъ также являться одинъ.

Докторъ Мартинъ сообщилъ Боттену слѣдующій фактъ. Нѣкто 52 лѣтъ, полнокровный, подвергшись болѣзни глазъ, вслѣдствіе которой предметы казались ему то вдвойнѣ, то опрокинутыми, представилъ всѣ симптомы мозговаго воспаленія, которое могло вести къ апоплексіи. Три обильныхъ кровопусканія изъ руки и пьявки излечили воспаленіе, но вслѣдъ за тѣмъ, больной подвергся странной галлюцинаціи, сопровождавшейся ко-соглазіемъ. Вѣки сокращались, и глазное облоко повертывалось справа на лѣво въ болѣе или ме-

нѣе продолжительные промежутки времени; тогда воображеніе представляло ему предметы или лицъ, за которыми, какъ онъ говорилъ, слѣдилъ глазами до столовой и кухни, совершенно отдѣлявшихся отъ его комнаты. Этотъ больной, убѣжденный въ дѣйствительности упомянутого ложнаго впечатлѣнія, умеръ отъ новаго припадка апоплексіи.

Вышеприведенный фактъ указываетъ на переходъ обмана чувствъ въ галлюцинацію.

Многіе сознають, что подвергаются обману чувствъ, но когда болѣзнь достаточно разовьется, обманъ принимается за дѣйствительность.

Въ концѣ 1835 г., Н., прачка, мучимая страшными ревматическими болями, оставила свое ремесло и занялась шитьемъ. Мало искусная въ послѣднемъ, она долго сидѣла по ночамъ, чтобы заработать достаточно для удовлетворенія своимъ нуждамъ; тѣмъ не менѣе, она впала въ бѣдность и заболѣла глазами; болѣзнь эта сдѣлалась хроническою. Продолжая шить, она видѣла разомъ четыре руки, четыре иголки и четыре шва; у нее была двойная диплосія вслѣдствіе легкаго расхожденія зрительныхъ осей. Сперва, Н. отдавала себѣ отчетъ въ этомъ явленіи; но когда, чрезъ нѣсколько дней, болѣзнь усилилась и произвела на ея умъ глубокое впечатлѣніе, она

вообразила, что дѣйствительно дѣлаетъ по четыре шва разомъ. (Hoffbauer, *Médecine légale relative aux aliénés et aux sourds-muets*, trad. de Allem. par Chambeyron, avec notes de M. M. Esquirol et Itard, I vol., in 8°, Paris, 1827, p. 38).

Карданъ (De vita propria) рассказываетъ, что во время его пребыванія въ Парижѣ, онъ, взглянувши нечаянно на свои руки, былъ очень пораженъ, замѣтивъ на перстнѣ красную точку. Вечеромъ онъ получилъ отъ зятя письмо, въ которомъ тотъ говорилъ о взятіи сына Кардана подѣ стражу въ Миланѣ и его желаніи видѣться съ отцомъ. Точка увеличивалась въ теченіи 53 дней; она имѣла тогда цвѣтъ крови. Когда сынъ Кардана былъ казненъ, пятно стало уменьшаться; на другой день оно почти исчезло; а спустя два дня отъ него не оставалось никакихъ слѣдовъ.

Каждое чувство можетъ подвергаться обману. Ненормальное чувство можетъ сдѣлаться источникомъ меланхоліи.

Одна итальянка страдала постояннымъ звономъ въ лѣвомъ ухѣ, звономъ, который повидимому усиливался день отъ дня и былъ похожъ на звонъ колокольчика. Сдѣлавшись задумчива вслѣдствіе этого непріятнаго ощущенія, упомянутая дама отправилась къ флорентинскому дантисту, которому пришла счастливая идея перепробовать

молоточкомъ всѣ зубы. Когда молоточекъ коснулся лѣваго клыка въ верхней челюсти, звонокъ немедленно начинался или усиливался; поэтому, дантистъ, считая упомянутый зубъ гнѣздилищемъ болѣзни, счелъ за лучшее выдернуть его. Едва зубъ былъ вынутъ, какъ звонокъ прекратился. Въ зубѣ оказалась продольная трещина, а внутри—маленькое костистое выпотѣніе, вѣтвящееся на жилкѣ и совершенно похожее на язычекъ колокольчика (*Observat. med. Naples 1 decem. 1833*).

Обманъ чувствъ разнообразится до безконечности. Одинъ артиллерійскій полковникъ, которому казалось, что его преслѣдуютъ враги, вообразилъ, будто печатныя буквы имѣли особенное свойство, ѣздили верхомъ одна на другой и что ихъ нарочно печатали для него. Ничто не могло убѣдить, что книги моей библіотеки не были нарочно подобраны для него. Этотъ обманъ чувства имѣетъ до нѣкоторой степени сходство съ тѣмъ обманомъ, который наблюдалъ Дендри при употребленіи морфина. Въ послѣднемъ случаѣ, слова и буквы какъ будто теряютъ свое истинное значеніе.

Измѣненіе вида предметовъ и фигуръ составляетъ обыкновенную форму обмана чувствъ. Д. видѣла ирландцевъ во всѣхъ лицахъ въ домѣ; въ этой иллюзіи каждый имѣлъ свою роль. Одинъ

былъ ея врагъ, другой ея родственникъ; всё сохраняли свой характеръ, положеніе и дѣйствовали сообразно тому. Этотъ обманъ чувства продолжался очень долго. Нѣкоторыхъ домашнихъ Д. считаетъ своимъ братомъ, умершимъ нѣскольکو лѣтъ тому назадъ.

Обманъ чувства служилъ не рѣдко поводомъ къ спорамъ, дуэлямъ, самоубійствамъ, убійствамъ.

Несовершенно излечившись отъ болѣзни, С. возвращается домой. На другой день онъ отправился въ погребъ; за нимъ пошла его жена. Невѣстка ея, удивленная ихъ долгимъ отсутствіемъ, идетъ въ свою очередь въ погребъ. Продолжительное отсутствіе этихъ трехъ лицъ беспокоитъ служанку; она хочетъ знать причину тому: вдругъ она выбѣгаетъ изъ погреба съ страшными криками. По ея отрывочнымъ словамъ, испуганному виду, заключаютъ, что случилось какое-либо несчастіе. Прибывшая стража отправилась въ указанное мѣсто: на землѣ лежали двѣ женщины, плавая въ крови; въ нѣсколькихъ шагахъ сидитъ С., съ окровавленной бритвой у ногъ. Его допрашиваютъ; онъ отвѣчаетъ только, что видѣлъ дьявола и защищался отъ него. С. посадили въ домъ умалишенныхъ, гдѣ я и видѣлъ его. Повидимому, онъ говорилъ очень разсудительно, и поведеніе его не представляло ничего страннаго; одно только поразило меня: всякій разъ, какъ приходила

прачка и онъ замѣчалъ кровь на женскомъ бѣдѣ, его глазъ принималъ зловѣщее выраженіе. (Brierre de Boismont, *Observat. médico - légal. sur la monomanie homicide*, Paris, 1827).

В., бывшая въ нашемъ заведеніи (Brier. de Boism., *Histoire raisonnée des hallucinat. etc.*, pag. 76), получила воспитаніе, она говорить пріятно и выражается изящно. Два раза обманъ чувствъ увлекъ ее къ двумъ опаснымъ поступкамъ. Въ первый разъ, она схватила сестру за горло, стала душить ее и хотѣла выкинуть въ окно, принявши ее за трупъ. Въ другой разъ, она тихонько постучалась, около полуночи, къ своему мужу, говоря, что чувствуетъ себя не хорошо. Едва открылась дверь, какъ В. наноситъ мужу пять ударовъ желѣзною полосой. Обливаясь кровью, онъ собралъ послѣднія силы, вытолкнулъ ее, заперъ дверь и упалъ въ обморокъ. В. приняла его за дьявола. Впослѣдствіи она поняла свою ошибку, но всегда говорила, что сочла своего мужа за дьявола.

Нѣкоторые тщательно собираютъ песокъ, мелкіе голыши, будучи убѣждены, что это драгоценные камни. Они наполняютъ ими карманы.— В. проводить цѣлый день въ разсматриваніи, чрезъ увеличительное стекло, своихъ мнимыхъ сокровищъ. Онъ возвращается домой, навьюченный своими драгоценностями. Обманъ чувства

осязанія заставляет думать подвергающихся ему, что ихъ бьютъ. Не подлежить сомнѣнію, что ревматическія, нервныя, брюшныя боли, становятся часто источникомъ обмана чувства осязанія.

Обманъ чувства обонянія встрѣчается довольно часто. Л. нюхаетъ самые отвратительные предметы, полагая, что они издають самое тонкое благовоііе. Д. говоритъ, что врачи наполняютъ его пищу, питье, самыми скверными веществами, съ цѣлію уморить его голодомъ.

Большая часть обмановъ чувствъ тѣсно связана съ занятіями, идеями, привычками, страстями. Одна молодая дама сказывала мнѣ, что не можетъ болѣе оставаться въ моемъ заведеніи, потому что окружающія ее лица переодѣты, что это непрерывный карнавалъ. Этотъ обманъ чувства долго былъ необъяснимъ, пока я не узналъ, что событіе, подавшее къ нему поводъ, совершилось въ оперномъ маскарадѣ.

Обманъ вкуса почти ежеминутно представляется для наблюденія; примѣромъ можетъ служить человѣкъ, долго хранившій молчаніе и постоянно лизавшій стѣны своей комнаты; наконецъ онъ сказалъ: «Вы не знаете, чѣмъ я наслаждаюсь! это превосходные апельсины».

Многіе изъ приведенныхъ фактовъ осложнялись галлюцинаціями слуха, зрѣнія, и проч. Слѣдую-

пцій примѣръ можетъ служить доказательствомъ тому.

Р., 49 лѣтъ, маленькая, смуглая, худая, лимфатико-сангвиническаго сложенія, жившая весьма правильно, умѣренно, потерпѣла нѣсколько недѣль тому назадъ значительную денежную потерю. Никогда до этого времени она не представляла даже малѣйшихъ признаковъ помѣшательства, хотя мать ея была сумасшедшею. Почти вслѣдъ за упомянутою потерей, она стала безпокойна, прихотлива. За три или за четыре дня до поступленія въ мое заведеніе, она стала терять рассудокъ; Р. постоянно говорила, что всѣ обкрадываютъ ее, отнимаютъ ея вещи. Она страшно боялась, что ее возьмутъ жандармы. Эта мысль до того мучила ее, что она говорила, что желаетъ лучше умереть, и что, для избѣжанія своей грустной судьбы, она не задумается умертвить себя.

Кромѣ того, Р. думала, что окружена угрожающими лицами; она слышала, что послѣднія говорятъ съ нею, оскорбляютъ ее. Ежеминутно она искала ихъ около себя, за занавѣсами, подъ кроватью, въ шкафахъ. Лица были явственны днемъ и ночью и не покидали ее даже во время разговора.

Кромѣ этихъ созданий воображенія, Р. была убѣждена, что лица, никогда не видѣнные ею,

принадлежали хорошо знакомымъ ей людямъ. Въ теченіе недѣли она бранила мою жену, принимая ее за подругу, которая привезла Р. въ мое заведеніе. Въ это время она издавала ртомъ отвратительный запахъ и отказывалась отъ пищи. По ея мнѣнію, всякое кушанье было отравлено, или имѣло скверный вкусъ. Она жаловалась, что по ночамъ ее били, что прислуга мучила ее. Два раза Р. посягала на самоубійство; послѣдняя попытка имѣла кратко-временные хорошіе результаты, потому что Р., разбитая паденіемъ, говорила разумно о своихъ галлюцинаціяхъ и обманахъ чувствъ.

Обманъ чувствъ можетъ долго длиться. Гисленъ рассказываетъ объ одной женщинѣ, потерявшей рассудокъ вслѣдствіе отъѣзда сына въ армію. Однажды привели идіота въ то заведеніе, въ которомъ она находилась; она приняла его за сына и въ теченіе долгихъ лѣтъ непрерывно оказывала ему самыя нѣжныя заботы.

Изъ всего предыдущаго можно вывести слѣдующее:

Обманъ чувства, подобно галлюцинаціямъ, можетъ существовать при совершенномъ здоровьи. Обманъ чувства нельзя смѣшивать съ галлюцинаціями, ибо первый имѣетъ своимъ основаніемъ вещественный предметъ, тогда какъ вторыя суть чисто мозговые образы.

Какъ тѣ, такъ и другіе, имѣютъ свое пребываніе въ мозгу. У людей съ нерастроеннымъ разумомъ, обманъ чувства исправляется наблюденіемъ, опытомъ и разсужденіемъ, и не имѣетъ, впрочемъ, никакого вліянія на образъ жизни. Главная причина его—певѣжество, и потому обманъ чувства значительно уменьшается вмѣстѣ съ успѣхами образованія. Страхъ, мракъ, извѣстное расположеніе духа, равнымъ образомъ благопріятствуютъ ему. Соединеніе идей играетъ важную роль въ обманѣ чувствъ. Соединенію этихъ обстоятельствъ надобно приписать образы, отдѣляющіеся отъ обонянія, движущіяся статуи, и проч. Обманъ чувства часто является въ эпидемической формѣ, что надобно приписать вѣрованіямъ, незнанію физики, тяжкимъ болѣзнямъ, могуществу примѣра. Обманъ чувства является постепенно, поражаетъ одно или всѣ чувства, и можетъ быть причиною странныхъ поступковъ. Большая часть обмана чувствъ объясняется привычками, склонностями, страстями, сильными впечатлѣніями.

Галлюцинаціи.

Галлюцинація можетъ поражать всѣ чувства. Мы рассмотримъ ихъ по порядку.

Галлюцинація слуха.—Подверженный галлюцинаціи слышитъ голосъ, который шепчетъ ему на ухо самыя странныя слова, самыя причудливыя приказанія. Обыкновенно, такіе голоса слышатся въ ночной тишинѣ, при наступленіи вечера, при пробужденіи, во мракѣ. Неужели нельзя видѣть въ этомъ фактѣ преувеличенія фізіологическаго, столь обыкновеннаго у людей, феномена? Въ эти часы менѣе чувствуются столь разнообразныя оттѣнки неопредѣленнаго безпокойства, страха, противъ которыхъ не можетъ защитить насъ размышленіе. Галлюцинаціи слуха самыя обыкновенныя. Явленіе ихъ Бальярже приписываетъ уменьшенію вниманія, однакожъ нѣкоторыя наблюденія противорѣчатъ этому мнѣнію. Впрочемъ, галлюцинаціи могутъ являться днемъ, и мы сами слышали отъ многихъ, что первыя бываютъ преимущественно въ это время.

Н., 51 года, былъ въ 1812 г. префектомъ большаго нѣмецкаго города, который возсталъ

противъ отступавшей французской арміи. Произшедшій безпорядокъ помрачилъ разсудокъ префекта; онъ считалъ себя обвиненнымъ въ измѣнѣ и, слѣдовательно, обезчещеннымъ. Въ этомъ состояніи онъ перерѣзываетъ себѣ горло; едва онъ пришелъ въ чувство, какъ голоса стали обвинять его и не прекратились даже послѣ излеченія раны. Префектъ убѣждаетъ себя, что окруженъ шпіонами, что враги доносятъ на него. Голоса день и ночь повторяютъ, что онъ не исполнилъ своей обязанности, лишенъ чести, что ему остается только убить себя; голоса поочередно говорятъ на всѣхъ, извѣстныхъ префекту, европейскихъ языкахъ; одинъ только голосъ менѣе внятенъ, именно, говорящій по русски. Въ тоже время, префектъ слышитъ особый голосъ, который приказываетъ ему ободриться.

Не рѣдко N. удаляется отъ всѣхъ, чтобы лучше слышать голоса; онъ спрашиваетъ, отвѣчаетъ, не вѣритъ, сердится, обращаясь къ лицамъ, съ которыми будто бы разговариваетъ; онъ убѣжденъ, что при помощи различныхъ способовъ его враги могутъ знать самыя тайныя его мысли. Впрочемъ, префектъ разсуждаетъ основательно, всѣ его умственныя способности нисколько не страдаютъ.

Возвратясь въ отечество, N. проводитъ лѣто 1812 г. въ замкѣ, гдѣ принимаетъ много гостей. Если

разговоръ интересуется его, онъ не слышитъ голосовъ; если разговоръ скученъ, голоса становятся внятными, и Н. оставляетъ общество, ищетъ уединенія, дѣлается безпокойнымъ и задумчивымъ. Въ слѣдующую осень, онъ прѣзжаетъ въ Парижъ; во всю дорогу и по прибытіи, голоса не оставляютъ его; они постоянно твердятъ ему: убей себя, ты не можешь пережить своего безчестія.... Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчаетъ Н., я окончу жизнь тогда только, когда оправдаюсь; я не оставлю своего имени обезчещеннымъ. Н. отправляется къ министру полиціи, который принимаетъ его ласково и старается успокоить. Но едва Н. вышелъ на улицу, какъ опять слышитъ свои несносные голоса.

Ввѣренный моему попеченію, Н. не выходитъ изъ комнаты и хранить молчаніе. Спустя два мѣсяца, онъ, повидимому, желаетъ, чтобы мои посѣщенія были продолжительнѣе. Я рѣшаюсь назвать его голоса *болтушками*; это слово понравилось ему, такъ что съ этого времени онъ сталъ употреблять его. Я говорю ему о его болѣзни и о ея причинахъ; онъ подробно рассказываетъ свои ощущенія, дѣлается сговорчивѣе, но отвергаетъ мое мнѣніе о причинахъ болѣзни.

— Вы сдѣлали сто лье, стукъ экипажа препятствовалъ вамъ слышать *болтушекъ*....

— Да, конечно, но тѣмъ не менѣе я все-таки слышалъ ихъ.

Политическія новости, приближеніе къ Парижу иностранной арміи, кажутся ему баснями, нарочно придуманными, чтобы опровергнуть его мнѣнія. Спустя нѣсколько времени, совершилось взятіе Парижа; больной однакожъ былъ увѣренъ, что это не сраженіе, но артиллерійское ученіе. Онъ говоритъ, что журналы нарочно для него печатаютъ такія извѣстія. 15 Апрѣля онъ вдругъ говоритъ мнѣ: пойдемъ! Въ ту же минуту мы отправились въ Ботаническій садъ, гдѣ собралось множество солдатъ иностранной арміи. Едва мы сдѣлали сотню шаговъ, какъ Н. крѣпко сжалъ мнѣ руку, говоря: пойдемъ домой, я довольно видѣлъ; вы не обманывали меня, я былъ боленъ, теперь—здоровъ.

Съ этого мгновенія болтушки умолкаютъ или слышатся только по утрамъ. Н. избавляется отъ нихъ разговоромъ, чтеніемъ, прогулкой; онъ смотритъ на нихъ, какъ на нервный припадокъ, и удивляется, что такъ долго былъ въ заблужденіи. Онъ соглашается поставить пивки, взять ножныя ванны, выпить нѣсколько стакановъ минеральной воды. Въ маѣ, Н. отправляется въ деревню, гдѣ пользуется прекраснымъ здоровьемъ, не смотря на множество огорченій и потерю единственной дочери.

Люди, страдающіе печальными галлюцинаціями, думающіе, что ихъ преслѣдуютъ, употребляютъ всѣ усилія, чтобъ убѣдить другихъ въ дѣйствительности своихъ впечатлѣній. Иногда ихъ мнимые враги дѣйствуютъ такъ ловко, что надобно долгое изслѣдованіе, чтобы найти причину зла.

Недостатокъ чувства не можетъ служить препятствіемъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что ощущенія, образы, долго могутъ храниться въ мозгу.

М., 82 лѣтъ, почти совсѣмъ глухая, воображаетъ, что мужъ ея, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прохаживается по крышамъ; она зоветъ его день и ночь и разговариваетъ съ нимъ. Ахъ, Боже мой! онъ говоритъ, что не имѣетъ платья. Скорѣе, скорѣе дайте ему одежду! Онъ жалуется, что ничего не ѣлъ: дайте ему бульону, стаканъ вина! И М. стонетъ, кричитъ, плачетъ, рветъ на себѣ волосы.

Мнимые голоса могутъ быть внѣшніе и внутренніе; они какъ будто слышатся изъ сосѣдняго дома, земли, угловъ комнаты, камина, шкафа, тюфяка, головы, живота, важнаго органа. Здѣсь, говорить намъ одинъ, указывая на желудокъ, происходятъ странныя вещи; я постоянно слышу голосъ, который грозитъ мнѣ, оскорбляетъ меня.

Галлюцинаціи слуха бываютъ иногда однѣ, иногда же сопровождаются галлюцинаціями зрѣнія, другихъ чувствъ.

Галлюцинаціи зрѣнія. Во всѣ времена онѣ играли важную роль въ исторіи народовъ, и имѣло по преимуществу дано названіе *видѣній*. Нѣтъ ни одной націи, ни одного знаменитаго человека, который не подвергался бы ихъ вліянію. Въ древнія времена, въ средніе вѣка, вѣрованіе въ видѣнія было общее. Духи обитали въ замкахъ, кладбищахъ; всякій имѣлъ видѣніе. Въ наше время, сѣверъ Европы, часть французскихъ провинцій, цѣлыя области, вѣрятъ еще въ видѣнія. Авторы изобилуютъ чудесными разказами, которые невѣжественный скептицизмъ XVIII вѣка отнесъ къ числу сказокъ; наука объясняетъ ихъ теперь естественнымъ образомъ.

По своему числу галлюцинаціи зрѣнія занимаютъ второе мѣсто между этими странными заблужденіями человеческого ума.

Н., 45 лѣтъ, испыталъ домашнія непріятности. По примѣру многихъ людей, онъ старался утопить свое горе въ винѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до болѣзни, онъ сталъ безпокойнымъ, страннымъ. 30 Апрѣля 184., выпивши не болѣе обыкновеннаго, №. подвергся горячечному бреду, который излечили пѣвками. Посредствомъ ихъ и другихъ лекарствъ, здоровье возвратилось на нѣсколько времени, но вскорѣ опять показались симптомы раздраженія; Н. сталъ грозить, кричать, ежеминутно требовалъ ножа, чтобы убить злодѣевъ.

Въ такомъ состояніи его привезли въ мое заведеніе.

Я былъ пораженъ его измѣнившимся лицомъ, которое выражало страхъ и гнѣвъ; онъ не переставалъ волноваться, грозить, кричать, будучи увѣренъ, что въ его комнатѣ, подъ кроватью, спрятались злодѣи. Онъ ежеминутно вскрикивалъ: гдѣ они? Въ теченіе шести дней его лечили душами, рвотнымъ, слабительнымъ. По прошествіи этого времени, онъ, повидимому, успокоился и пожелалъ говорить со мной.

Н. разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Я не безъ причины привезенъ въ ваше заведеніе, ибо находился тогда виѣ себя; я говорилъ и дѣлалъ несообразныя вещи; мои рѣчи относительно жены были лишены здраваго смысла. Я сознаюсь, что поведеніе ея безукоризненно и мнѣ не въ чѣмъ упрекать ее; но голова моя была въ безпорядкѣ, и это состояніе было возбуждено слѣдующею сценой:

«Я сидѣлъ въ ваннѣ, когда увидѣлъ, какъ вижу васъ теперь, человѣка въ черномъ платьѣ. Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, сдѣлалъ нѣсколько гримасъ, стараясь оскорбить меня. Разсерженный этимъ, я выраженіемъ лица далъ понять ему, на сколько недоволенъ его поведеніемъ. Тогда онъ приблизился къ каминной трубѣ

и, влѣзши въ нее, вскарабкался на верхъ, гдѣ исчезъ въ отверстіи. Я не пришелъ еще въ себя отъ этого страннаго зрѣлища, какъ замѣтилъ трехъ человѣкъ, вылѣзшихъ изъ-подъ кровати; они подошли ко мнѣ, сдѣлали тѣ же гримасы и жесты, какъ и первый. Я разсердился, сталъ громко кричать и требовать ножъ, чтобъ убить ихъ. Они же вскарабкались въ трубу и исчезли. Прежде я никогда не видѣлъ ихъ, но лица ихъ до того врѣзались въ моей памяти, что я узнаю ихъ вездѣ. До своего ухода они наполнили простыню и одѣяло отвратительными животными всякаго рода. Конечно, я заблуждался, но готовъ своею кровью подтвердить справедливость этихъ фактовъ».

Черезъ мѣсяцъ, Н. совершенно выздоровѣлъ; онъ сознался, что былъ въ заблужденіи и обѣщалъ избѣгать причинъ послѣдняго. Спустя два года, онъ радикально былъ излеченъ.

Галлюцинаціи зрѣнія могутъ измѣняться до безконечности, ибо, будучи обыкновенно только отблескомъ обычныхъ мыслей, онѣ принимаютъ столько формъ, сколько есть индивидуальностей.

Лишеніе зрѣнія не препятствуетъ возникновенію галлюцинаціи. Примѣромъ можетъ служить одна 80-лѣтняя дама, ослѣпшая за нѣсколько лѣтъ. Каждое утро она отворяла двери и окна

въ своей комнатѣ, чтобы облегчить выходъ многочисленныхъ гостей, наполнявшихъ ея жилище. Эта дама страдала гипертрофіей сердца, которая не немѣла вліянія на ея видѣнія.

Галлюцинаціи слуха и зрѣнія часто соединяются вмѣстѣ; вотъ примѣръ тому, заимствованный нами изъ *Revue britannique*.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, жилъ въ Бедламѣ нѣкто Блеккъ, прозванный *Видящимъ* и твердо, глубоко вѣрившій въ дѣйствительность своихъ видѣній. Прошедшее открывало ему свой мракъ, міръ тѣней являлся къ нему. Все великое, дивное, знаменитое, проходило предъ Блеккомъ.

Онъ сдѣлался живописцемъ призраковъ. Предъ нимъ, на столѣ, всегда лежали карандаши и кисти; онъ воспроизводилъ ими физиогноміи и аттитюды своихъ героевъ, которыхъ онъ, какъ говорилъ, не вызывалъ, но которые сами приходили просить его снять съ нихъ портреты. Посѣтители могли видѣть толстые томы, наполненные этими портретами, между которыми отличался портретъ его матери. «Когда я вошелъ къ нему въ комнату, говоритъ авторъ, онъ рисовалъ дѣвушку, призракъ которой, какъ увѣрялъ Блеккъ, только что явился ему».

Самымъ обычнымъ его посѣтителемъ былъ Эдуардъ III. Въ благодарность за эти частые визиты, Блеккъ написалъ его портретъ масляными

красками. Я предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, долженствовавшихъ удивить его и на которые онъ отвѣчалъ наивно и безъ всякаго смущенія.

— Говорятъ ли эти господа, кто они?—Нѣтъ, но я узнаю ихъ, какъ только они явятся. Я не ожидалъ видѣть Марка Антонія вчера вечеромъ, но тотчасъ узналъ римлянина, какъ только онъ вошелъ.

— Въ которомъ часу посѣщаютъ васъ ваши знаменитые мертвецы?—Въ часъ; иногда ихъ визиты продолжительны, иногда коротки. Третьяго дня я видѣлъ бѣднаго I., но онъ пробылъ только двѣ минуты; я едва имѣлъ время набросить очеркъ... Но, тсъ.... вотъ Ричардъ III!

— Гдѣ вы его видите?—Противъ васъ на той сторонѣ стола; это первый его визитъ.—Какъ вы знаете его имя?—Мой умъ узнаетъ его, но какъ, не знаю. Пойдите немного; если вы скажете еще слово, онъ уйдетъ».

Блекъ большого роста, блѣдный, краснорѣчивый, обладающій извѣстнымъ талантомъ живописца и гравера (*Revue britannique*, juillet 1823, p. 184).

Одинъ дворянинъ, 35 лѣтъ, дѣятельный, здоровый, жившій около Лондона, жаловался, въ теченіи пяти недѣль, на легкую головную боль. Страдая незначительною лихорадкой, онъ сталъ

пренебрегать своими дѣлами и семействомъ. Ему поставили сухія банки и давали разныя лекарства, когда пригласили доктора Арнольда. По совѣту послѣдняго, его отвезли въ частное заведеніе умалишенныхъ, гдѣ онъ пробылъ два года, въ теченіе которыхъ постепенно прекратились его горячечныя грезы.

Разсказанныя имъ подробности о своей болѣзни до того показались намъ интересными, что мы, не колеблясь, приводимъ ихъ здѣсь почти буквально. «Однажды, послѣ обѣда, въ маѣ мѣсяцѣ, говоритъ этотъ дворянинъ, чувствуя себя нездоровымъ и мало расположеннымъ къ занятію, я рѣшился прогуляться по городу. Достигнувъ кладбища Св. Павла, я остановился у магазина Керрингтона и Броульса посмотреть картины. Спустя нѣсколько времени, подошелъ маленькій, съ важнымъ лицомъ, старичекъ, одѣтый въ темное платьѣ. Взглянувъ нечаянно на меня, онъ немедленно вступилъ въ разговоръ со мной и очень хвалилъ видъ церкви Св. Павла, рассказавъ нѣсколько анекдотовъ объ архитекторѣ Христофорѣ Уренѣ и спросилъ, бывалъ ли я когда-нибудь на куполѣ?

«Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ спросилъ: обѣдалъ ли я, и предложилъ сходить въ ближайшую таверну, сказавши, что послѣ обѣда поведетъ меня на куполъ Св. Павла; время, при-

бавилъ онъ, превосходно и я на столько знаю мѣсто, что укажу вамъ всѣ достопримѣчательные предметы. Вѣжливость этого старика побудила меня принять его приглашеніе, и мы отправились въ таверну, находившуюся въ мрачной улицѣ, имя которой я теперь не помню.

«Послѣ обѣда, мы взошли на куполь Св. Павла. Мы уже нѣсколько минутъ наслаждались превосходнымъ видомъ, когда старикъ вынулъ изъ кармана инструментъ, похожій на компасъ; на этомъ инструментѣ были начертаны любопытныя фигуры. Старикъ прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ и положилъ инструментъ на куполь.

«Я задрожалъ; испугъ мой усилился отъ его предложенія показать мнѣ, если желаю, друга и что онъ дѣлаетъ въ эту минуту... Мой отецъ давно уже былъ боленъ, я не навѣщалъ его въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; мысль видѣть его взяла перевѣсъ надъ боязнью. Едва я пожелалъ этого, какъ увидѣлъ отца въ зеркалѣ; онъ сидѣлъ въ креслѣ. Такъ какъ я нѣсколько сомнѣвался въ могуществѣ старика, то меня охватилъ страхъ, и, чувствуя себя дурно, я умолялъ его сойти въ ту же минуту. Онъ согласился и, разставаясь со мной, сказалъ: помните, что вы невольникъ челоѣка съ зеркаломъ. Я возвратился вечеромъ домой, безпокойный, печальный, полный мыслей о незнакомцѣ. Въ послѣдніе три

мѣсяца я постоянно чувствую его власть надо мной».

Докторъ Арнольдъ спросилъ больного, какъ человѣкъ съ зеркаломъ оказываетъ на него свое вліяніе? Взглянувъ подозрительно на доктора, онъ взялъ его за руку, повелъ въ дальнія комнаты и наконецъ въ садъ, и вскричалъ: «безполезно, ничто не можетъ скрыть насъ отъ его взоровъ, ибо всѣ мѣста открыты для него; онъ видитъ и слышитъ насъ теперь».

Я просилъ его, продолжаетъ докторъ Арнольдъ, показать мнѣ таинственное лицо, которое видитъ и слышитъ насъ; онъ съ волненіемъ отвѣчалъ мнѣ: «Развѣ я не сказалъ вамъ, что онъ живетъ на куполѣ и сходитъ для того только, чтобы прогуляться по кладбищу и пообѣдать въ тавернѣ?»

«Этотъ некромантъ,—я не могу иначе назвать его,—совершаетъ свое волшебство посредствомъ гіероглифовъ на стѣнахъ и домахъ. Эти гіероглифы суть знаки и символы, которые вы, въ своемъ невѣдѣніи ихъ истиннаго значенія, читаете такъ: *вакса Дей и Мартина, вакса Уаррена*. (Очевидно объявленія). Это огромная ошибка. Эти знаки препятствуютъ его плѣнникамъ бѣжать. Какъ я страдалъ, стараясь избавиться отъ его вліянія! Однажды, я ходилъ трое сутокъ, пока

не упалъ въ изнеможеніи около стѣны, гдѣ и заснулъ. Пробудясь, я опять увидѣлъ роковыя буквы и понялъ, что вполнѣ нахожусь подъ вліяніемъ старика». (A Treatise of insanity and other disorders affecting the mind, by James Cowles Prichard, p. 455, London, 1835).

Едва ли найдется болѣе послѣдовательная галлюцинація, какъ эта. Нѣтъ сомнѣнія, что въ средніе вѣка этого несчастнаго сочли бы одержимымъ. Я увѣренъ, что даже теперь, рассказанная исторія показалась бы многимъ легковѣрнымъ дѣйствительно случившимся событіемъ. Весьма вѣроятно, что упомянутый дворянинъ всходилъ на куполь Св. Павла, но начинавшееся помраченіе разсудка вызвало странныя воспоминанія, сгруппировала ихъ страннымъ образомъ и представила мозгу, который принялъ ихъ за дѣйствительность.

Галлюцинаціи осязанія.—Говорятъ, что ихъ трудно изучить, ибо онѣ соединяются съ невральгіей и другими болѣзнями; не подлежитъ сомнѣнію, что есть такіе люди, которые, прекрасно сознавая свои ощущенія, увѣряютъ, что ихъ щиплютъ, бьютъ. Въстѣ съ Фовиллемъ, Мишонъ и Сегеномъ, мы осматривали молодаго человѣка, который увѣрялъ, что магнетизеры ежеминутно направляютъ ему магнетизмъ на грудь, спину, ноги, и что онъ хорошо чувствуетъ дѣйствіе этого

магнетизма. Онъ не страдалъ никакою нервною болѣзнью.

Кальмель говорить объ одномъ ветеранѣ, который каждую ночь чувствовалъ, что будто бы его кладутъ въ гробъ и подземнымъ ходомъ относятъ на рукахъ изъ Шарантона въ Венсенъ, гдѣ его отпѣвають. Тѣ же невидимыя особы относятъ его назадъ и кладутъ на постель.

Мы лечили одного англичанина, которому казалось, что его похищаютъ по ночамъ и относить въ далекія страны, въ Каиръ, Лондонъ; онъ жаловался, что при этомъ съ нимъ обращаются весьма дурно. По его словамъ, ему сжимали руки, шею, наносили раны. Эта идея дѣлала его очень несчастнымъ.—Д., 60 лѣтъ, очень часто показываетъ мнѣ воображаемые знаки ударовъ, нанесенныхъ ей ночью лицами, желавшими изнасиловать ее; этимъ однакожъ не ограничиваются ихъ злодѣянія. Упомянутые злодѣи всегда молодые люди.

Чувство полета весьма обыкновенно въ галлюцинаціяхъ. Не рѣдко намъ снится, что мы летимъ съ быстротою стрѣлы. Этотъ фактъ мы замѣтили также въ грезахъ одного изъ нашихъ друзей, котораго нерѣдко находили съ пристальнымъ взоромъ и который въ первыя минуты говорилъ намъ: я лечу, не останавливайте меня. При-

шедши въ себя, онъ разсказывалъ намъ испытанныя имъ ощущенія; ему казалось тогда, что онъ дѣйствительно летитъ.

Говоря объ этомъ фактѣ, г-жа Арнимъ, другъ Гете, сказала: я была увѣрена, что летаю и парю. Достаточно было легкаго прыжка, чтобы я была уже на воздухѣ. Молча и съ наслажденіемъ я парила въ 2 или въ 3 футахъ отъ земли; я опускалась и вновь поднималась, летала то въ ту, то въ другую сторону и опять возвращалась... Черезъ нѣсколько дней, я заболѣла лихорадкой, легла въ постель и заснула... Уже двѣ недѣли какъ я лежала. (*Correspond. de Goethe et de Bettina*, t. I, p. 68).

Галлюцинаціи обонянія.—Онѣ никогда почти не бываютъ отдѣльно, но соединяются съ галлюцинаціями слуха, зрѣнія, осязанія, и менѣе часты, нежели другія.

Подверженные этимъ галлюцинаціямъ жалуются на зловонныя испаренія, или же имъ кажется, что они вдыхаютъ самое тонкое благовопіе, а между тѣмъ: около нихъ нѣтъ никакого пахучаго вещества. Одна дама увѣряетъ, что подъ ея жилищемъ есть подземелье, въ которомъ умерщвляютъ множество мужчинъ и женщинъ; ежедневно она чувствуетъ отвратительный запахъ, происходящій отъ гніенія упомянутыхъ труповъ.

—У насъ лечилась одна дама, которая, вслѣдствіе попытки самоубійства, чувствовала вездѣ запахъ угля, она закрывала носъ, нюхала уксусъ, но упомянутый запахъ преслѣдовалъ ее.—Эскироль приводитъ подобный же фактъ.

Галлюцинаціи вкуса.—Онѣ встрѣчаются чаще предыдущихъ. Подверженные имъ увѣряютъ, что они вкусно пообѣдали, хвалятъ блюда, вина, а между тѣмъ они ничего не ѣли и не пили. Одна дама, отличающаяся умомъ, проводитъ цѣлые дни въ наслажденіи воображаемыми блюдами. Иногда ощущенія тягостны. Одинъ утверждаетъ, что жуеетъ сырое мясо, мышьякъ, землю; другой, будто бы ѣстъ сѣру.

Весьма рѣдко случается, чтобы галлюцинаціи не осложнялись одною изъ главныхъ формъ помраченія разсудка, и можно сказать, что съ этой точки зрѣнія онѣ имѣютъ много сходнаго съ чистую монашіей. Дѣйствительно, наблюденіе подтверждаетъ, что почти всегда при этомъ бываетъ извѣстная степень разстройства умственныхъ способностей, склонностей, и проч. Примѣромъ могутъ служить три факта, рассказанные Эскиролемъ. (*Des maladies mentales*).

Конечно, опытъ доказалъ, что галлюцинаціи могутъ случаться у людей, разсудокъ которыхъ никогда не помрачался; но галлюцинаціи соста-

вляють одинъ изъ элементовъ бреда, который замѣчается въ помѣшательствахъ, извѣстныхъ нервныхъ болѣзняхъ, многихъ воспаленіяхъ и тяжкихъ лихорадкахъ.

Обиція галлюцинаціи. Галлюцинаціи всѣхъ чувствъ встрѣчаются гораздо чаще, нежели можно-было предположить; нерѣдко онѣ соединяются съ обманомъ чувствъ осязанія, вкуса, обонянія и общей чувствительности. Фовилль считаетъ ихъ весьма обыкновенными, и многочисленные, собранные нами факты подтверждаютъ его мнѣніе.

Изъ числа любопытныхъ фактовъ подобнаго рода мы приведемъ слѣдующій:

Дѣвица Ц., 40 лѣтъ, очень нервная и потому впечатлительная. Въ молодости, она не могла заняться никакимъ серьезнымъ дѣломъ; поэтому врачи совѣтовали ея родителямъ заставлять дѣвицу Ц. заниматься преимущественно гимнастикой. Состояніе ея прекрасно, родители здоровы; братъ ея представляетъ много сходства съ нею.

Десять лѣтъ тому назадъ, дѣвица Ц. стала чувствовать первые симптомы болѣзни, отъ которой она страдаетъ теперь. Она видѣла людей съ самыми странными формами, тѣмъ не менѣе эти заблужденія зрѣнія не препятствовали ей преда-

ваться своимъ занятіямъ. Регулы были неправильны, другія отправленія совершались хорошо. Полгода тому назадъ, галлюцинаціи, повторявшіяся чрезъ значительные промежутки времени, стали являться чаще; не одно зрѣніе страдало, всѣ другія чувства стали портиться въ свою очередь. Повидимому, болѣе всѣхъ страдалъ слухъ; ежеминутно она слышала голоса, которые будто бы поселились въ ея желудкѣ. Эти голоса составляли ея мученіе; они управляли всѣми ея поступками, говорили, что совершается внутри ея тѣла, что регулы должны показаться въ такой-то день. Голоса давали ей точныя свѣдѣнія о характерѣ, наклонностяхъ извѣстныхъ лицъ, и тогда она могла сказать о послѣднихъ самыя любопытныя подробности. Иногда, дѣвица Ц. выражалась изящнѣе противъ обыкновеннаго; это обиліе, легкость, богатство выраженій, происходили отъ голосовъ, ибо, когда они молчали, дѣвица Ц. не могла будто бы говорить изящнымъ языкомъ. Часто голоса говорили о географіи, грамматикѣ, риторикѣ; они ловили ее въ ошибкахъ противъ закона языка.

Голоса говорили ей самыя странныя вещи. Однажды они убѣдили ее, что она одержимая; это обстоятельство тѣмъ удивительнѣе, что дѣвица Ц. не была воспитана въ суевѣрныхъ идеяхъ. Разъ голоса объявили ей, что она сдѣлается царицей, будетъ играть важную роль въ мірѣ; этой идеи

Ц. никому не сообщила, она ждала исполненія обѣщаннаго; но какъ ничто не осуществилось, то Ц. замѣтила, что голоса обманули ее, какъ и всегда. Обыкновенно, голоса говорятъ ей самыя странныя рѣчи; она не могла бы выдержать этого, если бъ голоса не перемѣнили тона и не стали рассказывать чрезвычайно смѣшныхъ вещей. Они мучать ее, портятъ все, къ чему она прикоснется. Если Ц. хочетъ выпить стаканъ воды съ сахаромъ, то голоса говорятъ ей, что вода отравлена, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ Ц. находится въ ужасномъ состояніи. Каждую минуту голоса побуждаютъ ее утопиться, но что-то препятствуетъ ей исполнить ихъ приказаніе; однакожь Ц. боится, что вскорѣ настанетъ время, когда у нее не будетъ силъ сопротивляться имъ.

Если она, прогуливаясь, встрѣтитъ женщину, голоса кричатъ, что эта женщина несетъ мускусъ; въ ту же минуту Ц. ощущаетъ запахъ мускуса, котораго не можетъ выносить. Если встрѣтится мужчина, то она ощущаетъ табачный запахъ, а между тѣмъ сознаетъ, что эти оба запаха существуютъ только въ ея воображеніи.

Часто она имѣетъ странныя видѣнія: ея комната наполняется личностями; это различныя фигуры, многочисленныя процессіи, проходящія предъ нею; или же она различаетъ только половину лица, профиль, одинъ глазъ; фигуры велики, малы, безобразны, принимаютъ самыя странныя формы.

Употребляемая ею пища имѣеть отвратительный вкусъ; иногда ей кажется, что она глотаетъ уксусъ, Грюйерскій сыръ, который не можетъ терпѣть. Едва она протягиваетъ руку къ блюду, какъ голоса сообщаютъ ему вкусъ, который препятствуетъ Ц. ѣсть его.

Ц. говоритъ, что хорошо понимаетъ причину этихъ голосовъ, но они сильнѣе, нежели ея разсужденіе; они овладѣваютъ ею. Ихъ власть такъ велика, что они могутъ заставить ее идти всюду, куда хотятъ; они-то приказали ей, за нѣсколько мѣсяцевъ, отправиться въ Парижъ къ лучшимъ врачамъ; долго она сопротивлялась, ибо считала эту поѣздку бесполезною, наконецъ рѣшилась ѣхать къ профессору Фукье, который посовѣтовалъ ей мушку и липовый цвѣтъ, но эти средства должны принести ей только величайшее зло. Ей надобны горячія, холодныя ванны, и особенно настоящее Бургонское вино. Вчера еще голоса приказали ей сходить за этимъ виномъ въ Берси; она прошла Парижъ изъ конца въ конецъ, и когда прибыла на указанное мѣсто, голоса стали говорить, что вино ничего не стоитъ.

Голоса побудили ее взять ванну, обѣщая молчать; едва она взошла, какъ голоса подняли такой шумъ, что Ц. должна была немедленно выйти изъ воды. Голоса хотятъ, чтобы она не говорила, они путаютъ ея мысли; она едва можетъ

объясниться. Дѣйствительно, Ц. лепечетъ, повторяетъ одни и тѣ же слова, приискиваетъ что сказать; она чувствуетъ свое положеніе, пристально смотритъ на собесѣдника, чтобы тотъ могъ прочесть въ ея глазахъ то, чего она не можетъ выразить ясно.

Она часто замѣчаетъ, что голоса заставляютъ ее дѣлать безразсудные поступки; она хочетъ сопротивляться, но голоса увлекаютъ ее, заставляютъ повиноваться; они имѣютъ надъ нею непреодолимую власть.

Эта дама, рекомендованная намъ профессоромъ Фуке, желала, чтобы по смерти врачъ вскрылъ ея тѣло. Впрочемъ, она знала, что тамъ было: воздухъ; ея мозгъ также наполненъ воздухомъ. Уже 15 лѣтъ, какъ ея спинной мозгъ высохъ, разрушенъ. Послѣ этихъ словъ она прибавляетъ: я знаю, что это настоящая мономанія, но голоса гораздо сильнѣе моей воли; я убѣждена, что все это кончится дурно, и желала-бы лечиться; я не могу оставаться на одномъ мѣстѣ.

Къ какимъ любопытнымъ размышленіямъ ведетъ этотъ замѣчательный фактъ! Беспорядокъ всѣхъ ощущеній; борьба разсудка съ возбужденными чувствами; минутное сознаніе иллюзій и потомъ торжество послѣднихъ надъ разсудкомъ; увлеченіе воли, которая тщетно борется съ увле-

кающею ее силой. Есть ли болѣе достойное философа зрѣлище, какъ зрѣлище этой женщины, сознающей заблужденіе своихъ чувствъ и не имѣющей возможности избавиться отъ него? Сто разъ обманутая, увѣренная, что всегда будетъ такою, она тѣмъ не менѣе дѣлаетъ, что приказываютъ ей голоса, и идетъ во всѣ указанныя ими мѣста. Въ теченіе десяти лѣтъ, какъ продолжается это болѣзненное состояніе, Ц. занимается своими дѣлами, управляетъ имуществомъ, исполняетъ обязанности общественной жизни, и, хотя въ эти десять лѣтъ ложныя ощущенія не оставляютъ ее ни на минуту, однакожъ ничто не измѣнилось въ ея привычкахъ; одно только, — она инстинктивно угадываетъ, что разсудокъ ея помрачается, и потому ищетъ помощи въ совѣтахъ, которымъ не можетъ слѣдовать.

Галлюцинаціи и иллюзіи въ *delirium tremens*.

Жертвы пьянства, этой ужасной страсти, вообще подвержены самымъ тягостнымъ впечатлѣніямъ чувствъ; они видятъ предметы вдвойнѣ; все вертится вокругъ нихъ; они замѣчаютъ тѣни, призраки, слышатъ голоса, нескладный шумъ; увѣрены, что ихъ пища имѣетъ вкусъ яда; они вдыхаютъ зловонный запахъ.

Въ своей диссертациіи на степень доктора, Марсель также говоритъ, что въ большей части случаевъ слѣдствіемъ этихъ галлюцинацій бываютъ болѣзненные нравственные ощущенія, изъ которыхъ самымъ легкимъ будетъ удивленіе, а самымъ тяжелымъ — сильный страхъ. Многіе изъ такихъ больныхъ дѣйствительно убѣждены, что ихъ преслѣдуютъ; они видятъ людей съ ножами, палками, змѣй, ехиднъ, и проч.; слышатъ грозные голоса; иногда вмѣсто людей являются страшныя фигуры. Галлюцинаціи и иллюзіи зрѣнія и слуха встрѣчаются чаще другихъ. (Marcel, *De la folie causée par l'abus des boissons alcooliques*, thèse. Paris, 1847).

Особенныя, болѣзненныя галлюцинаціи были замѣчены наблюдателями во всѣхъ странахъ. Рѣшъ положительно говорить, что больному кажется, будто его комната, постель, платье, наполнены мухами, птицами, мышами, крысами, или даже воображаемыми животными, которыхъ онъ старается удалить. Въ *American journal of insanity*, издаваемомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, мы читаемъ слѣдующее: «Всякаго рода животныя входятъ въ комнату больного, вспалзываютъ на постель, забираются на одѣяло, дѣлають грозныя жесты или отвратительныя гримасы».

Моррель замѣчаетъ, что при началѣ этой гнусной страсти являются не рѣдко какъ бы свѣтящіяся точки, представляющія самыя фантастическія формы. При дальнѣйшемъ развитіи пьянства показываются другія галлюцинаціи. Больные имѣють страшныя сновидѣнія, видятъ отвратительныя предметы, грозныя фигуры, безчисленныхъ животныхъ всякаго рода, отъ которыхъ стараются избавиться, протягивая, руку, пряча лицо.

Изъ числа многихъ подобныхъ больныхъ, которыхъ приходилось намъ наблюдать, мы выберемъ нѣсколько; остальные имѣють болѣе или менѣе сходства съ ними.

Шарль, 35 лѣтъ, уже давно пріобрѣлъ привычку пить. Онъ ежедневно выпитаеть 12—15 рю-

мокъ абсинта и даже бутылку водки. Уже много разъ омрачался его разсудокъ, но всякій разъ Шарль поправлялся. Это были предвѣстники болѣзни; онъ чувствовалъ это, но страсть оказалась сильнѣе совѣтовъ и его собственныхъ разсужденій. Напиваясь болѣе обыкновеннаго въ теченіи нѣсколькихъ дней сряду, онъ почувствовалъ общее дрожаніе рукъ, членовъ, лица, языка. Въ тоже время оказывается болѣе сильное разстройство умственныхъ способностей, нежели въ предыдущее время. Родственники отправили его въ мое заведеніе. Взглядъ Шарля пристальный, онъ говоритъ заикаясь, отрывисто отвѣчаетъ на вопросы и не можетъ сосредоточить своего вниманія на одномъ предметѣ. Шарль постоянно въ движеніи, но, повидимому, сильно занятъ предметами, которые какъ будто находятся предъ нимъ. Его спрашиваютъ, что это значить, и онъ дрожащимъ голосомъ отвѣчаетъ: «Развѣ вы не видите? вотъ кошки, собаки, мыши, лягушки».

Это зрѣлище приводитъ его въ крайнее волненіе, онъ постоянно просить, чтобы взяли, унесли этихъ животныхъ. Ихъ образъ преслѣдуетъ его день и ночь. Сперва Шарль не можетъ ничего ѣсть и мучится страшною жаждой. Черезъ пять, шесть дней, начинается выздоровленіе, Шарль гораздо покойнѣе. Черезъ мѣсяцъ онъ оставляетъ наше заведеніе, но, предавшись опять

пьянству, заболѣваетъ и оканчиваетъ свои дни ядомъ.

Симптомы, замѣченные у другихъ такихъ же больныхъ, представляютъ равнымъ образомъ животныхъ, не рѣдко вмѣстѣ съ галлюцинаціями, въ которыхъ преобладало чувство ужаса. Такъ, больному казалось, что въ окно влѣзаютъ воры, убійцы и хотятъ умертвить его. Мы лечили одного господина, которому казалось, что его преслѣдуетъ невидимая личность. «Вотъ, говорилъ онъ мнѣ, вынимая свои часы, теперь часъ, она стоитъ около меня и осыпаетъ упреками. Прежде она говорила только ночью, теперь же не умолкаетъ ни днемъ, ни ночью; хотя вы разговариваете со мною въ эту минуту, однакожь я слышу ее очень явственно».

М. заболѣлъ вслѣдствіе злоупотребленія водкой. Онъ утверждаетъ, что стѣны покрыты скелетами, призраками, которые карабкаются по стѣнѣ и исчезаютъ; иногда это явленіе совершается на пространствѣ не болѣе листа бумаги. Вещи принимаютъ самыя странныя формы; горшокъ и колпакъ становятся необыкновенными личностями. Въ своемъ бреду, онъ какъ будто видитъ, что его жена совершаетъ самое ужасное преступленіе, и грозитъ смертью. По ночамъ, онъ часто наклоняется, чтобы схватить множество вы-

ходящихъ изъ полу предметовъ; онъ то кричитъ отъ страха при видѣ ужасающихъ фигуръ, то знаками подзываетъ другихъ лицъ, чтобы поговорить съ ними.

Delirium tremens можетъ создать самыя разнообразныя видѣнія, которыя не иное что, какъ воспоминаніе случившихся событій. Слѣдующій фактъ доказываетъ, что не въ одной Франціи замѣчаются тягостныя впечатлѣнія.

Нѣсколько времени тому назадъ, говоритъ докторъ Ольдерсонъ, меня позвали къ Н., который въ то время держалъ винный погребокъ. Съ самаго перваго шага, я замѣтилъ странное выраженіе его лица. Чего бонтесь? сказалъ я ему. Отчего ваше лицо выражаетъ такой страхъ? Онъ сѣлъ и въ слѣдующихъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію своей болѣзни:

«Дней восемь или десять тому назадъ, я наливалъ водку въ моемъ погребѣ, когда замѣтилъ на полу множество устрицъ, которыя, какъ полагалъ, были разсыпаны одною изъ покупательницъ. Та, сочтя меня за пьянаго, засмѣялась и ушла.

«Я хотѣлъ подобрать устрицы, но, къ великому удивленію, не нашелъ ихъ болѣе. Я выходилъ изъ погреба, когда увидѣлъ въ дверяхъ солдата, старавшагося войти. Я спросилъ, что

ему нужно, но, получивъ въ отвѣтъ только грозный взглядъ, бросился схватить негодяя. Какое же было мое изумленіе! солдатъ былъ только призракъ! Холодный потъ выступилъ у меня на лбу; всѣ члены дрожали. Собравшись съ духомъ, я хотѣлъ лично убѣдиться, что за существо бѣжало, пользуясь темнотою. Я отправился за нимъ, но это существо скрылось и было замѣнено другими фантастическими фигурами, изъ коихъ нѣкоторыя находились вдалекѣ. Я употреблялъ всѣ усилія достигнуть ихъ. Хотя я не робокъ, однакожъ, признаюсь, никогда не испытывалъ такого страха, какъ въ это время. Въ теченіе всей ночи, меня мучили призраки живыхъ друзей и давно умершихъ знакомыхъ. Каждую минуту я хотѣлъ встать съ постели, чтобъ убѣдиться въ дѣйствительности или ложности этихъ видѣній».

Когда я посѣтилъ N., продолжаетъ Ольдерсонъ, его семейство считало N. сумасшедшимъ, хотя признавалось, что во всемъ другомъ онъ былъ очень разсудителенъ.

Нижеслѣдующія подробности укажутъ на ходъ болѣзни. До ея начала, N. поссорился съ пьянымъ солдатомъ, который силою хотѣлъ взойти въ магазинъ не въ указанный часъ. Въ борьбѣ, солдатъ выхватилъ тесакъ, ударилъ имъ купца и разсѣкъ височную артерію. N. потерялъ много

крови до прибытія врача. Едва оправившись отъ этой раны, онъ ударился съ пріятелемъ объ закладъ, что пробѣжитъ извѣстное разстояніе въ опредѣленное время, и, дѣйствительно, пробѣжалъ 42 мили въ девять часовъ. Восхищенный этимъ успѣхомъ, онъ провелъ слѣдующій день въ пьянствѣ, но вскорѣ за тѣмъ почувствовалъ себя до того дурно, что рѣшился не пить болѣе. Болѣзнь наступила въ эпоху воздержанія и быстро усиливалась, не давая ему покоя ни днемъ, ни ночью.

Онъ не могъ избавиться отъ своихъ видѣній, хотя дѣлалъ съ этою цѣлію по нѣскольку миль или посѣщалъ знакомыхъ. Онъ жаловался мнѣ на боль во всемъ тѣлѣ отъ ударовъ, которые наносилъ ему каждую ночь извошникъ; послѣдній исчезалъ, какъ только N. намѣревался отплатить ему тѣмъ же. Пьявки и сильное слабительное излечили его. Призраки перестали показываться сперва днемъ; однажды N. замѣтилъ извошника въ промежутокъ между сномъ и пробужденіемъ. Съ тѣхъ поръ, видѣній не было, и N. хорошо теперь знаетъ, что такое духи (*Edinburgh medical and surgical journal*, vol. VI, pag. 288).

Галлюцинаціи разнообразны до безконечности; впрочемъ, какъ мы замѣтили уже, онѣ суть отраженіе характера и привычекъ больного. Иногда,

однакожь, онѣ зависятъ отъ соединенія идей, рожденныхъ случайнымъ обстоятельствомъ.

Галлюцинаціи пьянства могутъ имѣть весьма дурныя послѣдствія. Р. испытываетъ домашнія огорченія, отъ которыхъ старается избавиться, погружаясь въ непрерывное опьянѣніе. Такое состояніе вскорѣ оказывается гибельнымъ для его умственныхъ способностей. Однажды онѣ замѣчаетъ странную фигуру, которая знаками приглашаетъ его слѣдовать за ней; онѣ встаетъ, бѣжитъ къ ней и падаетъ на улицу въ окно. Его привезли ко мнѣ, оглушеннаго паденіемъ; Р. продолжаетъ еще видѣть призракъ и неопредѣленно отвѣчаетъ на вопросы. Нѣсколько дней уединенія и воздержности излечиваютъ его.

Авторы, писавшіе объ этой болѣзни, приводятъ много примѣровъ подобнаго безпорядка ощущеній. Дѣйствительно, можно понять, что послѣдній способенъ служить поводомъ къ безконечному разнообразію галлюцинацій. Это разнообразіе и сложность можетъ явиться уже съ самаго начала пьянства; послѣднее замѣчаніе весьма важно, потому что, если одинъ бросился въ окно, преслѣдуя странную фигуру, то мы можемъ понять, что другой ударить человѣка, лицо котораго покажется ему чудовищнымъ, враждебнымъ, и проч.

Пробѣгая наши замѣтки, мы увидѣли, что,

находясь подъ вліяніемъ галлюцинацій пьянства, больные старались изуродовать себя, кидались въ окна, душили себя; семеро посягали на самоубійство. Докторъ Рёшъ, приводитъ относительно этого слѣдующія подробности:

Частые случаи добровольной смерти преимущественно зависятъ отъ пьянства. Шлегель сказалъ: пьянство есть главная причина самоубійствъ въ Англіи, Германіи и Россіи. Основываясь на офиціальныхъ документахъ, Касперъ говоритъ, что четверть самоубійцъ въ Берлинѣ, съ 1812 по 1821 г., принадлежала къ числу пьяницъ; въ нашемъ сочиненіи *Du suicide et de la folie suicide*, мы указали, что изъ 4595 случаевъ самоубійства 530 падаетъ на долю пьяницъ.

Призраки животныхъ, пресмыкающихся, и пр., замѣчаются не только въ галлюцинаціяхъ пьяницъ и преимущественно въ *delirium tremens*, но также при отравленіяхъ извѣстными растительными веществами, изъ коихъ надобно упомянуть белладону, дурманъ, бѣлену, и проч. Мы скажемъ сперва нѣсколько словъ о чувственныхъ впечатлѣніяхъ, обусловленныхъ вдыханіемъ недокиси азота, иначе называемой веселящимъ газомъ; мы подробнѣе скажемъ о галлюцинаціяхъ опиума и хашиша, и окончимъ галлюцинаціями извѣстныхъ наркотическихъ, ядовитыхъ веществъ, и проч.

Галлюцинаціи, обусловленные недоокисью азота.—Дѣйствіе этого газа на животную экономію заслуживаетъ особеннаго вниманія. Идеи и ощущенія приобрѣтають огромную живость, умъ постепенно теряетъ всѣ или большую часть дѣйствительныхъ впечатлѣній, особенно тягостныхъ или непріятныхъ, они замѣняются веселыми и смѣющимися образами. Сэръ Гомфри Деви рассказываетъ, что при подобномъ опытѣ онъ потерялъ связь съ внѣшними предметами; ряды видимыхъ, живыхъ образовъ быстро проходили въ его умѣ и были такъ связаны съ словами, что возбуждали совершенно новыя впечатлѣнія. «Я жилъ, говоритъ онъ, въ неизвѣстномъ мірѣ отношеній и идей. Придя въ себя, я вскричалъ: есть только мысли; міръ состоитъ изъ впечатлѣній, идей, удовольствій и скорби». Міръ видѣній, въ который вступилъ англійскій ученый, былъ ничто иное, какъ его олицетворенныя и оживленныя идеи (*).

Въ другой разъ, говоритъ тотъ же ученый, я съ неописаннымъ удовольствіемъ чувствовалъ, какъ возрастаетъ осязаніе въ рукахъ и ногахъ; дивная перспектива очаровала мое зрѣніе. Ясно слышалъ я самые незамѣтные звуки подъ колоколомъ. Вре-

(*) Къ такимъ веществамъ надобно причислять еще свинцовые препараты, углекислый газъ, бѣлую окись мышьяка и проч.

мя не существовало для моей памяти, и самое отдаленное преданіе сразу являлось мнѣ во всемъ своемъ блескѣ. Сэръ Гомфри Деви ни на минуту не потерялъ сознанія своей тождественности. Желая отдать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ чувствовалъ, послѣ того, какъ его воображеніе, подобно *бурному морю*, пришло въ свое нормальное состояніе, Деви сравниваетъ это расположеніе съ чувствомъ человѣка, который *просыпается отъ всхлипательнаго сна* и хочетъ удерживать эти мимолетные образы.

Въ этихъ психологическихъ измѣненіяхъ надобно замѣтить чувство счастья, большую дѣятельность идей, ихъ оживленность, развитіе чувства осязанія, слуха и зрѣнія, отсутствіе продолжительности времени, и чувство тоски, которое замѣчается также въ извѣстномъ настроеніи духа. Эти признаки весьма важны для насъ, ибо мы считаемъ ихъ за начатки, необходимые для творчества духа.

Галлюцинаціи опиума и хашиша. — Возбужденность, счастье и забвеніе, которыхъ безпокойный и подвижной человѣкъ Европы ищетъ въ хмѣльныхъ напиткахъ, лѣнивый и вѣдрящій въ судьбу восточный житель находитъ въ веществахъ, которыя не нарушаютъ его неподвижности, этого отличительнаго характера азіятскихъ племенъ и странъ. Авторъ, лучше другихъ опи-

савшій дѣйствиѣ одного изъ этихъ веществъ, опиума, выслушавъ рассказы ученыхъ путешественниковъ на Востокъ и слова экспериментаторовъ во Франціи, англичанинъ Томъ Куайнси сравниваетъ алкоголь и опиумъ и такъ выражаетъ различіе между ними: удовольствіе, доставляемое виномъ, постепенно слабѣетъ и наконецъ уничтожается; между тѣмъ дѣйствиѣ опиума неизмѣняется въ теченіе 8 - 10 часовъ; но самое большее различіе заключается преимущественно въ томъ, что вино разстроиваетъ умственныя способности, тогда какъ опиумъ вноситъ порядокъ и гармонію. Къ несчастію, это опьяненіе имѣетъ слѣдствіемъ у образованныхъ людей самыя жестокия мученія, а у грубыхъ натуръ—самое глубокое отупѣніе, и смерть въ обоихъ случаяхъ.

Мы обращаемся теперь къ главному предмету-видѣніямъ опиума. Томъ Куайнси, регулируя дозы опиума и принимая ихъ чрезъ нѣсколько дней, испытывалъ въ теченіи долгаго времени только сладостныя ощущенія. Такъ, итальянская музыка, которую онъ слушалъ каждую субботу въ лучшую эпоху Грассини, входила въ его ухо не какъ простая логическая послѣдовательность пріятныхъ звуковъ, но какъ волшебные звуки, которые вызывали въ его умѣ всю его прошлую жизнь; послѣдняя жила для него какъ бы воплощенная въ музыкѣ. Сколько разъ являлись предъ его умственными очами дороги и горы, по которымъ

онъ странствовалъ, его любезные хозяева въ Валлисѣ, мрачныя безконечныя улицы Лондона, прорѣзанныя кое-гдѣ фонарями, его печальная дружба, долгая бѣдность съ надеждою на лучшую будущность. Эти воспоминанія, вызванныя музыкой и опиумомъ, замѣнялись иногда сценами милосердія, возбуждавшими въ немъ радость; или же его ночи проходили въ созерцаніи обширной перспективы моря и громаднаго города.

Восемь лѣтъ протекло въ этомъ очарованіи, которое погружало теріака въ безпредѣльное наслажденіе. Сцена начинаетъ омрачаться. Потребность этихъ грезъ заставила его постепенно довести приѣмъ опиума до 320 гр., т. е. до 18000 капель лавдана. Начался другой періодъ, періодъ *мученій*. Вотъ какъ говоритъ Куайнси о своихъ страданіяхъ:

«Первое, что заставило меня замѣтить значительную перемену въ себѣ, было возвращеніе тѣхъ видѣній, которымъ подвержены только дѣтство или состояніе крайней раздраженности. Ночью, когда я просыпался, вокругъ меня двигались длинныя процессіи съ мрачною торжественностью; я внималъ безконечнымъ исторіямъ, болѣе печальнымъ и торжественнымъ, нежели исторія Пріама и Эдипа. Въ то же время произошла переменна въ моихъ грезахъ; въ моемъ мозгу какъ будто открылся вдругъ театр; я видѣлъ ночные спек-

такли, отличавшіеся не человѣческимъ блескомъ.

Изъ числа фактовъ, надобно замѣтить слѣдующіе четыре, самые замѣчательные.

«Въ ту минуту, какъ увеличивалась творческая способность въ моихъ грезахъ, устанавливался родъ симпатіи между состояніемъ грезъ и моимъ дѣйствительнымъ состояніемъ. Всѣ предметы, которые случалось мнѣ вызывать и очерчивать въ темнотѣ, немедленно превращались въ призраки. Я боялся употреблять въ дѣло эту страшную способность, ибо, едва являлась вещь предъ глазами, едва я вспоминалъ о ней въ темнотѣ, какъ она превращалась въ призракъ и достигала такого невыносимаго блеска, что мое сердце надрывалось.

«Какъ эта, такъ и всѣ другія перемѣны, сопровождались безпокойствомъ и глубокою грустью, которыхъ нельзя выразить. Каждую ночь мнѣ казалось, что я буквально спускался въ подземелья и бездонныя пропасти; я чувствовалъ, что спускаюсь туда и не имѣю надежды когда-либо выйти. Даже проснувшись, я находился еще подъ этимъ впечатлѣніемъ.

«Вслѣдствіе такого расположенія, если греза приносила мнѣ видѣнный когда-либо образъ, то послѣдній, такъ сказать, расширялъ мой тогдашній горизонтъ. Такъ, Малаецъ, когда-то проведеній пѣ-

сколько часовъ у моего огня, вызывалъ весь безграничный и баснословный Востокъ. Подъ вліяніемъ тропическаго жара и вертикальныхъ лучей свѣта, я собиралъ все созданія, птицъ, животныхъ, гадовъ, деревья и растенія, обычаи и зрѣлища, которыя обыкновенно встрѣчаются во всей тропической полосѣ, и переносилъ все это какъ попало, въ Китай или Индустанъ. Въ силу подобнаго же чувства, я овладѣвалъ Египтомъ и подводилъ его подъ тѣ же законы. Обезьяны, попугаи, какаду, пристально смотрѣли на меня, подсмѣивались надо мной, дѣлали мнѣ гримасы, или шептались на мой счетъ. Я спасался въ пагоды и въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ былъ прикованъ къ вершинѣ или запертъ въ секретныхъ комнатахъ. Я былъ идоломъ, жрецомъ; былъ обожаемъ, приносимъ въ жертву. Я бѣжалъ отъ гнѣва Браммы чрезъ лѣса Азіи; Вишну ненавидѣлъ меня; Шива устраивалъ мнѣ засаду. Я вдругъ попадалъ къ Изидѣ и Озирису; я, говорили, сдѣлалъ что-то, совершилъ преступленіе, отъ котораго дрожали ибисы и крокодилы. Цѣлыя тысячелѣтія я былъ погребенъ въ каменныхъ гробницахъ, съ муміями и сфинксами, въ крошечныхъ комнаткахъ внутри вѣчныхъ пирамидъ. Меня цѣловали холодныя уста крокодиловъ; я лежалъ вмѣстѣ съ неописанными веществами, среди грязи и тростниковъ Нила.... Только въ этихъ грезахъ, за однимъ или двумя исключеніями, я чувствовалъ физическій страхъ. Надъ каждымъ существомъ, каждою фор-

мой, каждую угрозой, наказаніемъ, заключеніемъ во мракѣ, парило чувство вѣчности и безконечности, которое доводило меня до тоски и почти до сумасшествія....»

Авторъ представляетъ намъ другой обращикъ своихъ странныхъ и страшныхъ грезъ, показывающій вліяніе воспоминаній и власть ассоціаціи идей. Въ своей юности онъ очень любилъ Тита Ливія и періодъ англійской исторіи, парламентскую войну. Эти событія воскресали въ его сновидѣніяхъ, и слова *Consul Romanus*, столь часто повторяющіяся у Тита Ливія, имѣли огромную власть надъ всѣмъ.

«Часто мнѣ случалось, говорить онъ, видѣть рисующуюся во мракѣ толпу дамъ. Я слышалъ, какъ говорили, или говорилъ самъ себѣ: «это жены и дочери тѣхъ, которые въ мирное время садились за одинъ столъ и были связаны узами брака и крови; и однакожъ съ нѣкотораго дня Августа 1642, онѣ никогда болѣе не улыбаются, встрѣчаясь только на полѣ битвы; при Мерстонѣ Мурѣ, Ньюбюри или при Несби, они разорвали всѣ узы любви и кровью смыли воспоминаніе о прежней дружбѣ. Но вся эта толпа долженствовала вдругъ исчезнуть; вслѣдъ за хлопаньемъ въ ладоши слышались слова: *Consul Romanus*, и немедленно являлся въ великолѣпной тогѣ Павелъ Эмилій или Марій, стирая все предъ собой,

окруженный отрядомъ центуріоновъ и сопровождаемый страшнымъ ура римскихъ легіоновъ.

«Чувство пространства, а потомъ чувство продолжительности, достигли крайнихъ предѣловъ. Зданія, горы, имѣли слишкомъ обширные размѣры, чтобы взглядъ могъ измѣрить ихъ.—Равнина простиралась до бесконечности. Однакожъ это менѣе пугало меня, нежели продолжительность времени: иногда мнѣ казалось, что я проживалъ шестьдесятъ, семьдесятъ, сто лѣтъ въ одну ночь; мнѣ грезилось даже, что я прожилъ тысячу лѣтъ, а иногда, столько времени, что люди не могутъ составить идею о томъ.

«Въ моихъ сновидѣніяхъ часто воскресали самыя мелкія обстоятельства дѣтства, забытыя сцены первыхъ лѣтъ; я не могъ бы вспомнить ихъ, ибо, если мнѣ рассказывали ихъ на другой день, то я напрасно старался припомнить. Но если онѣ являлись въ грезахъ и видѣніяхъ, окруженные всѣми обстоятельствами, то я въ ту же минуту узнавалъ ихъ.

«Вмѣстѣ съ способностью увеличиваться и размножаться, явилась архитектура въ моихъ сновидѣніяхъ. Особенно въ послѣднее время моей болѣзни, я видѣлъ города, дворцы, которыхъ взглядъ не найдетъ на землѣ.—За архитектурой наступили безконечныя водныя пространства.—

Я страшно страдалъ головой въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Воды измѣнили свой характеръ; теперь явились моря и океаны. Наступила болѣе страшная переменѣна, обѣщавшая долгія мученія и окончившаяся, дѣйствительно, не прежде конца моей болѣзни. До сихъ поръ, лице человѣческое являлось въ моихъ грезахъ, нисколько не пугая меня, теперь же начиналось то, что я называю тираніей человѣческаго лица. Она явилась сперва на волнахъ океана; послѣдній былъ какъ бы усыпанъ безчисленными лицами, обращенными къ небу, плачущими, отчаянными, бѣшенными, поднимавшимися на поверхности тысячами, миріадами, поколѣніями, вѣками. Мое волненіе становилось безконечнымъ, мой умъ прыгалъ и катился, какъ волны океана; это было воспоминаіе о моихъ странствованіяхъ въ нѣдрахъ громаднаго Лондона.

«Въ молодости я видѣлъ трупъ на диссекціонномъ столѣ; это старинное впечатлѣніе часто возбуждало во мнѣ слѣдующія грезы.

«Мнѣ казалось, что я сплю и просыпаюсь ночью. Опустивши руку, чтобы поднять подушку, я ощущивалъ нѣчто мягкое: это былъ трупъ, лежавшій рядомъ со мной. Однакожъ я не пугался и не удивлялся. Я бралъ его на руки и относилъ въ сосѣдную комнату, говоря: онъ будетъ лежать тамъ на полу; невозможно, чтобы онъ взошелъ, когда я выну ключъ изъ замка.

«Потомъ я засыпалъ, но, спустя нѣсколько минутъ, опять просыпался: меня будилъ шумъ отворявшейся двери; мысль, что отворяють мою дверь, хотя я вынулъ ключъ, страшно беспокоила меня. Тогда я видѣлъ входящій трупъ, тотъ самый, который я только что положилъ въ другой комнатѣ. Его походка была странная; онъ шелъ, какъ человѣкъ, у котораго вынули всѣ кости, оставя одни мускулы, и который, стараясь удержаться на мягкихъ и сгибающихся членахъ, долженъ упасть на каждомъ шагу. Однакожъ онъ молча подходилъ къ моей постели и ложился на меня; тогда наступало страшное ощущеніе, кошмаръ, съ которымъ ничто не сравнится, ибо, кромѣ тяжести его безобразной и отвратительной массы, я чувствовалъ его зловонные поцѣлун. Иногда, трупъ читалъ чрезъ мое плечо книгу, которую я держалъ въ рукѣ, и его отвратительные волосы касались моей шеи и лица.

«Судите же, каковъ долженъ быть страхъ, внушаемый подобнымъ видѣніемъ: я оставался неподвиженъ, не смѣя перевернуть листа и устремивъ глаза въ зеркало на страшное видѣніе. Холодный потъ выступалъ на всемъ тѣлѣ; потомъ отворялась дверь и я видѣлъ за собой (опять въ зеркало) странную процессію: скелеты, съ головами въ одной рукѣ и съ длинными свѣчами въ другой, которыя бросали блѣдный синеватый свѣтъ. Скелеты обходили мою комнату, которая изъ

теплой становилась ледяною; нѣкоторые подходили и грѣли у чернаго и печальнаго камина свои длинныя, багровыя руки и, обращаясь ко мнѣ, говорили: холодно». (*Confessions of an English opium eater, being an extract from the life of a scholar, and suspiria de profundis, being a sequel to the confessions, by Thomas de Quincey*).

Я нѣсколько распространился объ этомъ предметѣ, потому что классъ теріаковъ значителенъ въ Англіи, и что всякій знаетъ, какъ онъ многочисленъ на Востокѣ.

Въ своихъ *Voyages en Morée* док. Поквиль на-чертилъ ужасную картину дѣйствій опиума на людей, ежедневно предающихся употребленію этого препарата. Ихъ страсть такова, прибавляетъ этотъ врачъ, что ни неизбѣжность смерти, ни предшествующая ей хворость, не могутъ отворотить ихъ отъ этого гибельнаго яда; слѣдующій приводимый имъ фактъ служитъ доказательствомъ тому.

Англійскій посланникъ, недавно отправленный въ Индію, былъ, по своемъ прибытіи, отведенъ во дворецъ; чрезъ множество убранныхъ комнатъ, наполненныхъ богато одѣтыми офицерами, онъ достигъ маленькой комнатки, украшенія и мебель которой превосходили богатствомъ все видѣнное имъ доселѣ.

Его оставили одного. Чрезъ нѣсколько минутъ взошли два человѣка съ представительною наружностью; невольники внесли за ними носилки, покрытыя богатыми шелковыми тканями и драгоценнымъ кашемиромъ. На этихъ носилкахъ лежалъ человѣкъ, котораго можно бы принять за трупъ, еслибъ не качалась голова при каждомъ движеніи носилокъ; двое офицеровъ держали золотые подносы съ чашею и бутылкою, наполненною синеватою жидкостью.

Полагая, что онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ какой-либо похоронной церемоніи, посланникъ хотѣлъ удалиться, но вскорѣ замѣтилъ свою ошибку; офицеры приподняли голову этого трупа, вложили въ ротъ высунувшійся языкъ, и, вливши извѣстное количество черной жидкости, сжали челюсти и стали потихоньку тереть горло.—Когда это было повторено пять или шесть разъ, трупъ открылъ глаза, закрылъ ротъ и самъ проглотилъ огромное количество жидкости. Мнѣе чѣмъ чрезъ часъ, на носилкахъ уже сидѣло живое существо. Оно обратилось къ посланнику на персидскомъ языкѣ и спрашивало о причинѣ его посольства.—Спустя два часа, эта необыкновенная личность уже вполне дѣйствовала и могла заниматься самыми трудными дѣлами. Посланникъ осмѣлился сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ о видѣнной имъ странной сценѣ.

«Я давно уже употребляю опиумъ, отвѣчала упомянутая личность, и постепенно дошелъ до этого грустнаго состоянія. Три четверти дня я провожу въ оцѣпенѣніи, въ которомъ вы застали меня. Не будучи способенъ двигаться или говорить, я однакожъ сохраняю самосознаніе, и время проходитъ для меня въ пріятныхъ видѣніяхъ; но я никогда не проснулся бы, еслибъ не имѣлъ ревностныхъ и преданныхъ слугъ, которые бдительно охраняютъ меня. Какъ только по состоянію моего пульса они замѣтятъ, что біеніе сердца становится медленнѣе, а дыханіе едва замѣтно, они даютъ мнѣ растворъ опиума и оживляютъ меня, какъ вы сами это видѣли. Въ теченіе этихъ четырехъ часовъ я глотаю по нѣскольку унцій опиума, и теперь скоро настанетъ время, когда я впаду въ свое обычное оцѣпенѣніе». (Poqueville, Voyage en Morée, Biblioth. univ. de Genève, 1841.—Neuf années à Constantinople, par Brager, 1836, 2 vol., in—8).

Дѣйствіе опиума на мозгъ было еще замѣчено въ особенныхъ случаяхъ, хотя употребленіе его было непродолжительно.

«Я лечилъ, говоритъ Аберкромби (стр. 388), одного больного, страдавшаго мѣстною болью, которая требовала употребленія значительныхъ дозъ опиатовъ. Послѣдніе не всегда доставляли ему покой. Въ одну бессонную ночь, онъ при-

шелъ въ удивленіе, видя предъ собою длинную процессію лицъ, наружный видъ которыхъ и костюмъ имѣли связь съ происшествіемъ, бывшимъ за нѣсколько предъ тѣмъ временемъ предметомъ общаго разговора во всемъ Эдинбургѣ. Лица слѣдовали другъ за другомъ съ чрезвычайною правильностью и живостью; онъ слышалъ ихъ разговоръ и длинныя рѣчи, произносимыя сообразно обстоятельствамъ. Онъ запомнилъ эти рѣчи и на другой день повторялъ цѣлыя отрывки изъ нихъ. Больной не спалъ и зналъ, что видѣнное имъ только иллюзія. Онъ замѣтилъ, что видѣніе исчезало, когда закрывались глаза, и вновь появлялось, едва больной открывалъ глаза».

Галлюцинации хашиша.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, общее вниманіе было привлечено веществомъ, которое равнымъ образомъ въ сильномъ употребленіи на Востокѣ. Мы говоримъ о *хашишѣ*. Это вещество, добываемое изъ особой породы конопли, повидимому играло огромную роль въ средніе вѣка. Дѣйствительно, почти достоверно, что *Старецъ Горы*, называемый княземъ ассасиновъ, употреблялъ упомянутое вещество, чтобы погрузить своихъ сеидовъ въ море наслажденія.

Это мнѣніе подтверждается фактами, замѣченными въ Египтѣ и Франціи. Въ 1840 г., я присутствовалъ съ нѣсколькими врачами при опытѣ,

котораго результаты были описаны въ *Gazette médicale*. Для меня было очевидно, что хашишъ составлялъ главный элементъ жидкости, данной подвергавшимся опыту, если только это не былъ самъ хашишъ; съ тѣхъ поръ, я не имѣю болѣе никакого сомнѣнія относительно этого предмета.

Вышеупомянутый опытъ былъ уже давно забытъ, когда я получилъ отъ Ажассона де Грансанъ приглашеніе присутствовать при опытахъ надъ веществомъ, которое, говорили, возбуждало тѣ же явленія, какія замѣчались у адептовъ Старца Горы.

Общество состояло почти изъ 30 особъ, изъ коихъ я упомяну Эскироля, Феррюса, Коттеро, профессора Бюсси, генерала Ремона, Детурбе. Другіе были литераторы, ученые, художники. Слѣдовательно, были всѣ элементы для хорошаго наблюденія и представлялась надежда, что опытъ будетъ дѣйствителенъ.

Въ 11 часовъ трое приняли жидкость: А. К., знаменитый романистъ, очень крѣпкаго сложенія; Д., адвокатъ, одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ университета, и Б., живописецъ и музыкантъ. Прошло два часа, а между тѣмъ не замѣчалось ни одного симптома. Данъ новый приемъ. Черезъ полчаса мы замѣтили слѣдующія явленія у двоихъ: А. К. сопротивлялся дѣйствию

препарата и, какъ говорилъ, чувствовалъ только легкое сжатіе въ головѣ и подъ ложечкой; быть можетъ, завтракъ совсѣмъ нейтрализовалъ вещество.

Состояніе пульса не было замѣчено при началѣ опыта; его возвышеніе потомъ и расширеніе зрачка достаточно показали, какъ дѣйствуетъ препаратъ.

Б., на котораго прежде всѣхъ подѣйствовало вещество, жаловался на сухость горла и судороги въ ногахъ; пульсъ бился 96 разъ въ минуту; лицо налилось кровью. Вскорѣ Б. закрылъ глаза; ему казалось, что его мысли развиваются крайне быстро. На одну минуту въ немъ замѣчено странное явленіе: онъ слышалъ музыку съ одной стороны и разговоры съ другой. Музыка, повидимому, не имѣла особеннаго вліянія на подвергавшихся опыту. Зрачки были расширены. Спрошенный о томъ, что онъ чувствовалъ, Б. говорилъ, что полонъ сладостными ощущеніями. Онъ становился очень веселъ, хотѣлъ бы быть одинъ въ темномъ мѣстѣ; имѣлъ непреодолимое отвращеніе говорить, дѣлать что-нибудь; всѣ лица казались ему смѣшными.

До сихъ поръ Б. разговаривалъ, ходилъ, иногда смѣялся, но его поступки были похожи на поступки человѣка, сильно возбужденнаго спирт-

нымъ напиткомъ. Вдругъ онъ бросается на канapé, не хочетъ болѣе отвѣчать, умоляетъ, чтобы его оставили въ покоѣ; онъ желаетъ, чтобы не нарушали его дивныхъ ощущеній; его члены, грудобрюшная преграда, подвергаются спазмамъ; онъ вздыхаетъ, стонетъ, плачетъ и смѣется попеременно. Пульсъ бьется въ минуту 120 разъ; лицо красно. Въ присутствующихъ обнаруживается безпокойство, но оно исчезаетъ, когда Б. нѣсколько разъ повторяетъ, что онъ очень счастливъ, что онъ не страдаетъ. Докторъ Коттеротщательно слѣдитъ за развитіемъ симптомовъ; повидимому, Б. имѣетъ только пріятныя ощущенія. Всѣ представляемыя имъ явленія похожи на явленія экстаза; въ его чертахъ выражается огромное счастье; онъ не можетъ прибрать словъ для выраженія своихъ чувствъ; онъ не желалъ бы выйти изъ этого состоянія, онъ такъ счастливъ! Какъ благодаренъ я тому, кто далъ мнѣ это дивное питье! — Разскажите мнѣ, что вы чувствуете, говоритъ одинъ изъ присутствующихъ. — Я не могу выразить того. Въ этомъ опытѣ обнаруживается темпераментъ Б.; онъ преимущественно склоненъ къ чувствительности. Но когда говорятъ ему о смѣшныхъ вещахъ, показываютъ смѣющіеся и пріятные образы, его идеи тотчасъ начинаютъ гармонировать съ этими предметами; онъ хохочетъ. Въ этомъ случаѣ, очевидно, Б. подвергается вліянію собесѣдника, который можетъ дать ему, какое хочетъ, направленіе. Слухъ

Б. приобретает удивительную тонкость; онъ слышитъ все сказанное шепотомъ въ самомъ дальнемъ углу. Между тѣмъ, Б. сознаетъ какъ лица, такъ и предметы; онъ правильно отвѣчаетъ на всѣ предложенные ему вопросы, знаетъ, кто окружаетъ его, но говоритъ, очевидно, съ трудомъ; онъ былъ бы счастливѣе, еслибъ его оставили въ покоѣ. Въ половинѣ пятаго, пульсъ бьется 90 разъ; грезы продолжаются; у Б. нѣтъ болѣ тѣла, его духъ совершенно свободенъ, а между тѣмъ Б. имѣетъ восхитительныя ощущенія. Де Грансанъ говоритъ, что дастъ Б. противоядіе, которое вскорѣ приведетъ его въ нормальное состояніе, въ противномъ случаѣ, упомянутое чувство счастія продолжится день или два. Всѣ лица, подвергавшіяся опыту, увѣряли меня, что въ слѣдующіе дни не чувствовали никакого нездоровья и что вышесказанное чувство счастія продолжалось 2—3 дни.

Д., также подвергавшійся опыту, прибылъ съ полною увѣренностью, что препаратъ не окажетъ никакого вліянія на него; Д., кромѣ того, намѣревался не поддаваться его дѣйствію. Въ теченіе $2\frac{1}{2}$ часовъ не замѣчено ни одного симптома. Лице Д. очень важно. Онъ серьезнаго характера, рѣдко смѣется и обыкновенно занятъ метафизикой.

Къ двумъ часамъ, пульсъ бьется чаще (сто разъ); біеніе сердца ускоряется. Доселѣ спокой-

ный и говорившій съ присутствующими о различныхъ предметахъ, Д. вдругъ вскрикиваетъ, что онъ въ бреду. Онъ начинаетъ пѣть, беретъ карандашъ и старается выразить свои ощущенія. Вотъ что онъ написалъ: *однакожь это смѣшно; мои ощущенія очень живы; меня заставило выпить этого дивнаго напитка убѣжденіе, что я могу быть полезенъ; я страненъ. Вотъ, они смѣются надо мной, я отказываюсь писать.* Д. бросаетъ бумагу. Начинается бредъ. Черты Д. становятся очень подвижными; онъ злобно смѣется; глазъ оживленъ, лицо красно, пульсъ бьется 120 разъ, зрачекъ расширенъ. Подобно Б., онъ доволенъ: смѣется, поетъ, говоритъ. Мысли быстро слѣдуютъ одна за другою. Но среди обилія, непостоянства идей, замѣтно однакожь преобладаніе его обычныхъ идей. Эти серьезныя идеи перемѣшаны съ шутками, бонмо, каламбурами. Языкъ сухъ; Д. часто плюетъ; нижнія конечности находятся въ судорожномъ состояніи. Подобно Б., онъ обладаетъ удивительною тонкостью слуха и зрѣнія, не имѣетъ понятія о времени и пространствѣ, но узнаетъ всѣхъ присутствующихъ, и нерѣдко отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ, на предложенные вопросы. Онъ вынимаетъ часы и чрезвычайно покойно говоритъ: «Столько-то часовъ». Множество идей приходитъ ему въ голову, но онъ не находитъ словъ выразить ихъ. «Я хотѣлъ бы, говорить онъ, чтобъ вы отняли

у меня одно ухо или глазъ и дали бы другой языкъ для выраженія того, что я чувствую».

Пульсъ слабѣетъ и бьется только 90 разъ въ минуту. Бредъ продолжается; ему даютъ воды; онъ вскрикиваетъ: «Отъ этого явятся лягушки, которыя проглотятъ жидкость». Несвязныя фразы слѣдуютъ одна за другой съ непостижимою быстротой.

Форма бреда измѣняется; Д. садится въ уголь, закрываетъ глаза и говоритъ самъ съ собой. Мы окружаемъ его; онъ говоритъ о наукахъ, произноситъ нѣсколько отрывочныхъ словъ и, наконецъ, читаетъ около двадцати прекрасныхъ стиховъ. Его лицо выражаетъ радость, удовольствіе; кожа очень блѣдна; пульсъ бьется 100 разъ; глаза закрыты; по просьбѣ своего брата онъ открываетъ ихъ: зрачекъ менѣе расширенъ.

Оставя импровизацію, Д. говоритъ о чужихъ краяхъ. Насъ увѣряли, что у подвергающихся опыту развиваются феномены двойнаго зрѣнія. Д. описываетъ посѣщенныя имъ города и страны, припоминаетъ замѣченныя имъ особенности и поэтически описываетъ мѣстоположенія и деревни, поразившія его вниманіе; но, несмотря на всѣ наши вопросы, онъ не можетъ описать мѣста, которыхъ не знаетъ. Д. замѣчаетъ предметы, которые не существуютъ. Его братъ спра-

шиваетъ: видитъ ли онъ что либо въ мозгу? «Нѣтъ, онъ пусть», потомъ прибавляетъ: «Какъ хочешь, чтобъ я видѣлъ въ твоёмъ мозгу, когда между имъ и мною есть преграда». Потомъ онъ встаетъ, говоря: «Все это грезы; это состояніе дало толчекъ моимъ идеямъ, но ничего не прибавило къ моимъ свѣдѣніямъ». Бредъ становится опять общимъ. Д. поетъ, смѣется, говоритъ чрезвычайно быстро; онъ нисколько не страдаетъ, говоритъ, что очень счастливъ. Это состояніе продолжалось до половины пятаго, когда я оставилъ его; пульсъ бился 90 разъ. Д. чувствовалъ жажду. Собесѣдникъ могъ заставить его говорить и дѣйствовать, но Д. оказывалъ болѣе сопротивленія, нежели Б. (*Gazette médicale*. 2 mai, 1840).

Разсказанный опытъ представилъ рядъ явленій, на которыя мы должны обратить вниманіе. Люди, принимавшіе хашишъ, чувствовали себя счастливыми, поздравляли, что приняли этого превосходнаго питья. Сперва они искали уединенія, чтобы насладиться своимъ счастіемъ, но, по мѣрѣ дѣйствія хашиша, становились болѣе возбужденными, ихъ мысли развивались быстрѣе, сильнѣе. Музыкантъ увѣрялъ, что у него нѣтъ болѣе тѣла, что его духъ совершенно свободенъ; такое же расположеніе мы видѣли у Гомфри Деви, идеи котораго какъ будто отрѣшались отъ своей земной оболочки и парили въ воздухѣ. У теріака творческая способность принимала положитель-

ные размѣры; такъ, воспоминаніе о Малайцѣ, котораго онъ видѣлъ только нѣсколько часовъ, вызывало предъ нимъ край, материкъ, со всѣми ихъ произведеніями, мѣстоположеніями, свѣтомъ, теплотой. Та же способность воскрешала особъ, исчезнувшихъ двѣсти лѣтъ тому назадъ, и хотя теріакъ признавалъ ихъ смерть, однакожь тѣни производили на него такое же впечатлѣніе, какъ живые. Много разъ въ его грезахъ являлась женщина, когда-то встрѣченная имъ на Лондонскихъ улицахъ и уже давно потерянная для него.

Мы должны еще замѣтить, что во внѣшнихъ проявленіяхъ организація принимала огромное участіе. Нервный, впечатлительный человѣкъ легко приходилъ въ сообщеніе съ вопрошающимъ лицомъ, даже легко подчинялся его вліянію, тогда какъ холодный человѣкъ, владѣвшій собою, повидимому былъ остороженъ.

Понятіе о времени и пространствѣ были смутны, неопредѣленны, какъ въ сновидѣніяхъ. Предметы представлялись уму и глазамъ со всѣмъ ихъ колоритомъ. Такъ, Д. самымъ живописнымъ образомъ описывалъ мѣстоположенія и деревни, обратившія на себя его вниманіе. Чувства слуха и зрѣнія пріобрѣли чрезвычайную тонкость; его воспоминанія становились столь живыми, какъ будто видѣнные имъ когда-то предметы находи-

лись предъ его глазами. Иногда, мебель и зрители принимали смѣшной видъ, странныя позы.

Въ дополненіе къ сказанному о хашишѣ, я приведу одно наблюденіе, заимствованное у Моро. Опыту подвергалась одна дама, которая и описала дѣйствіе хашиша на нее.

«Я приняла хашишъ. Я знала его дѣйствіе не по опыту, но по разсказу лица, бывшаго на Востокѣ, и спокойно ждала бреда. Я сѣла за столъ, не скажу, какъ говорятъ многіе, *полакомившись этимъ дивнымъ тѣстомъ*, потому что оно показалось мнѣ отвратительнымъ, но проглотя его съ усиліемъ. Когда я ѣла устрицы, со мною случился припадокъ смѣха, который впрочемъ прекратился, когда я взглянула на двухъ другихъ особъ, желавшихъ отвѣдать хашиша и уже видѣвшихъ львиную голову на своихъ тарелкахъ. Я оставалась покойна до конца обѣда; тогда я взяла ложку и приготовилась сражаться съ компотомъ, который вызвала на дуэль, и ушла изъ столовой, заливаясь смѣхомъ. Вскорѣ во мнѣ явилось желаніе слушать музыку, я сѣла за фортепіано и стала играть арію изъ *Чернаго Доминго*, но чрезъ нѣсколько тактовъ остановилась, потому что предъ моими глазами явилось истинно дьявольское зрѣлище: мнѣ казалось, что портретъ моего брата, висѣвшій надъ фортепіано, оживаетъ и показываетъ мнѣ черный трехконеч-

ный хвостъ, на каждомъ изъ упомянутыхъ концовъ висѣло по фонарю: красный, зеленый и бѣлый. Это видѣніе часто представлялось мнѣ въ теченіе вечера. Я сидѣла на канapé. «Зачѣмъ, вскричала я вдругъ, вы оцѣпняете мои члены? Я чувствую, что становлюсь свинцовой. Ахъ, какъ я тяжела!» Меня взяли за руки, чтобы поднять; я тяжело упала на землю и распростерлась какъ мусульмане. Меня подняли, и во мнѣ произошла внезапная перемѣна. Схвативши жаровню, я пустилась танцовать польку и жестами и голосомъ приглашала къ тому же нѣсколькихъ актеровъ, въ томъ числѣ Равеля и Грассо, которыхъ видѣла нѣсколько дней тому назадъ въ Etouffean. Изъ театра мысль перенесла меня на балъ въ оперу; гости, шумъ, свѣтъ, экзальтировали меня въ высшей степени; послѣ тысячи безсвязныхъ рѣчей, жестовъ, криковъ, въ которыхъ старалась подражать будто бы видимымъ мною маскамъ, я вошла въ сосѣднюю, неосвѣщенную комнату.

«Тогда произошло во мнѣ нѣчто ужасное: я задышалась, падала въ огромный, безконечный колодезь. Какъ утопающій хватается за былинку, которая не можетъ спасти его, такъ точно я хотѣла схватиться за камни въ стѣнкахъ колодезя, но камни падали вмѣстѣ со мной въ бездонную пропасть. Это ощущеніе было тягостно, но непродолжительно, потому что я закричала: «Падаю въ колодезь», и меня привели въ освѣщен-

ную комнату. Первымъ моимъ словомъ было: «я съума сошла! я на балѣ, въ оперѣ, а думаю, что въ колодцѣ». Я зацѣпилась за табуретъ; мнѣ показалось, что эта маска, которая, лежа на полу, неприлично танцуетъ, и я просила полицейскаго вывести ее. Я потребовала пить; послали за лимономъ для лимонада, и я совѣтовала нянѣкѣ не брать такого желтаго лимона, какъ ея лицо, которое казалось мнѣ оранжевымъ.

«Вдругъ я провела руками по волосамъ; я чувствовала, что миллионы насѣкомыхъ гложутъ мою голову; я послала за своимъ акушеромъ, чтобы онъ помогъ одной изъ самокъ упомянутыхъ насѣкомыхъ, которая собралась произвести на свѣтъ дѣтеныша на третьемъ волосѣ съ лѣвой стороны моего лба; послѣ многихъ страданій, животное разрѣшилось семью дѣтенышами. Я говорила о лицахъ, которыхъ не видѣла уже много лѣтъ, вспомнила обѣдъ, на которомъ присутствовала, пять лѣтъ тому назадъ, въ Шампани; я видѣла лица; генералъ Г. подавалъ рыбу въ цвѣтахъ; на лѣво отъ него сидѣлъ К.; они были предо мной, и, неслыханная вещь, я чувствовала, что была дома, что видимое мной случилось давно, а между тѣмъ все это стояло предъ моими глазами.

«Я перенеслась въ страну фонарей, гдѣ люди, дома, деревья, улицы были фонари, чрезвычай-

но похожіе на зеленые стаканчики, освѣщавшіе Елисейскія поля 29 іюля. Это напомнило мнѣ также балетъ Хао-Кангъ, видѣнный мною еще въ дѣтствѣ. Упомянутые фонари ходили, танцовали, постоянно двигались, и среди ихъ являлись три самыхъ яркихъ фонаря, которыми оканчивался мнимый хвостъ моего брата; меня особенно поражалъ одинъ фонарь, безъ умолку прыгавшій предо мной (Это горѣлъ каменный уголь въ каминѣ). Пламя прикрыли золой. «О, сказала я, вы хотите потушить мой фонарь, но онъ опять загорится. Дѣйствительно, пламя запылало вновь, и фонарь опять заплясалъ, но изъ бѣлаго сдѣлался зеленымъ.

«Я выпила стаканъ лимонада, и воображеніе, моя граціозная волшебница, перенесло меня на Сену. Я хотѣла плавать и чувствовала, что утопаю; чѣмъ болѣе я хотѣла кричать, тѣмъ болѣе глотала воды; наконецъ, дружеская рука подняла меня на поверхность.

«Двадцать разъ я хотѣла сдѣлаться болтливой, но останавливала себя.—Я не могу описать тысячи фантастическихъ идей, приходившихъ мнѣ въ голову въ теченіе трехъ часовъ, которые я провела подъ вліяніемъ хашиша; эти идеи покажутся очень странными; присутствовавшія особы сомнѣвались иногда и спрашивали меня, не смѣюсь ли я надъ ними. Мое пѣніе и крики разбудили мо-

его ребенка, спавшаго на колѣняхъ бабушки. Его голосъ привелъ меня нѣсколько въ себя; я подошла къ ребенку и поцѣловала его, какъ будто находилась въ нормальномъ состояніи. Боясь какого-нибудь кризиса, его удалили отъ меня, и тогда я стала говорить, что это не мой ребенокъ, а одной знакомой и бездѣтной дамы, которая заводитъ мнѣ, что у меня есть дѣти. Потомъ я отправилась съ визитами; разговаривала, спрашивала и отвѣчала; ходила въ кафе, спросила мороженаго, нашла мальчиковъ очень глупыми, и проч. Послѣ прогулки, въ которой я встрѣтила того-то съ огромнымъ носомъ, я возвратилась домой, говоря: «Посмотрите, какая огромная крыса бѣгаетъ по головѣ Б. Въ ту же минуту крыса стала расти и сдѣлалась такою же громадною, какъ и крыса, являющаяся въ пьесѣ *Sept châteaux du Diable*». (Moreau de Tours, *Du hachisch et de l'aliénation mentale*, p. 14—20).

Употребленіе хашиша не безопасно. Вѣроятно, восточныя правительства нашли въ немъ огромный вредъ, ибо запретили его. Не забудемъ, что Мадденъ и Деженеттъ видѣли въ каирскомъ госпиталѣ множество сумасшедшихъ, потерявшихъ рассудокъ единственно отъ употребленія хашиша (*).

(1) *Influence de la civilisation sur le développement de la folie*, par Brierre de Boismont, An. d'hyd. et de méd. légale, 1839.

Недавно еще, журналы указывали на многочисленность сумасшедшихъ вслѣдствіе хашиша (*). Въ одномъ изъ журналовъ былъ напечатанъ слѣдующій рассказъ:

«30 мая происходила ужасная сцена на пакетботѣ австрійскаго Ллойда, шедшемъ изъ Требизонда въ Константинополь. Число пассажировъ превышало 200, и двѣ трети были турки и персіане. Между ними было двое афганскихъ дервишей изъ Кандагара. Въ три часа пополудни, совершивъ свою молитву, упомянутые дервиши впади въ бѣшенство, имѣвшее гибельныя послѣдствія. Въ одинъ мигъ они застрѣлили молодаго грека, закололи кинжаломъ армянина и агента, котораго имѣетъ Ллойдъ въ Требизондѣ; шесть пассажировъ были тяжело ранены; наконецъ, по приказанію капитана, матросы убили обоихъ дервишей штыками. Этимъ бѣшенымъ сумасшедшимъ было 40—45 лѣтъ, они принадлежали къ сектѣ шиитовъ. Убіенство началось безъ всякаго повода. По словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, упомянутые дервиши кажется наѣлись хашишу. Бывшіе на кораблѣ персіане и турки повидимому хотѣли взять сторону дервишей, и, безъ энергіи капитана, легко могла бы произойти схватка между ними и нѣмецкими матросами». (Presse,

(*) De l'abus du hachisch, An. méd. — psych. Janvier 1852, p. 155.

22 juin, 1845). Съ тѣхъ поръ случалось много подобныхъ событій.

Галлюцинаціи отъ дурмана, белладонны, и проч.—Дѣйствіе вышеназванныхъ веществъ было извѣстно древнимъ, какъ мы это увидимъ впоследствии. Дурманъ производитъ галлюцинаціи и, въ силу этого самаго качества, славился въ наше время, какъ средство отъ галлюцинацій, подобно тому, какъ оружіе излечиваетъ нанесенныя имъ же раны.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ композиторъ, мучимый домашними огорченіями, захотѣлъ прекратить свои дни. Съ этою цѣлію, онъ принялъ огромную дозу дурмана. Ядъ произвелъ головокруженіе и вскорѣ за тѣмъ какъ бы припадки опьяненія. Композиторуказалось, что предъ нимъ несутся вихремъ толпы людей, которые стараются увлечь его съ собой. Ему явились всѣ дѣйствующія лица балета *Густавъ*, который онъ видѣлъ въ тотъ вечеръ, дѣлали ему гримасы и всячески мучили его. Опъ безъ чувствъ упалъ на полъ; его огнесли въ кордегардію, гдѣ онъ сталъ драться, воображая, что окруженъ убійцами, ворами, негодяями, посягающими на его жизнь. Эти лица являлись тысячами; выраженіе ихъ было отвратительно.

Когда, на другой день, его привели ко мнѣ,

возбужденіе, хотя и значительное еще, уменьшилось однакожь. Зрачки были еще нѣсколько расширены. Ему казалось, что онъ видитъ необыкновенныя фигуры. Это явленіе вскорѣ прекратилось, и чрезъ три дня композиторъ былъ уже совершенно здоровъ.

23 ноября 1843, трое дѣтей съѣли извѣстное количество зеренъ дурмана. Вскорѣ обнаружались симптомы отравленія упомянутымъ веществомъ. Къ нимъ присоединились многочисленныя и непрерывныя галлюцинаціи зрѣнія у двухъ первыхъ больныхъ. На другой день, припадки значительно ослабѣли у всѣхъ троихъ; самый младшій жаловался на значительную слабость въ ногахъ. На третій день, все исчезло какъ по волшебству. (Examinat. med., 15 mai, 1843).

Многіе изъ больныхъ, которыхъ по методѣ доктора Моро лечили дурманомъ, видѣли преимущественно ночью множество животныхъ на своей постели.

Ягоды белладоны также производятъ галлюцинаціи или обманъ чувствъ. Въ *Grand Dictionnaire des sciences médicales* говорится, что отрядъ солдатъ, нечаянно наѣвшихъ упомянутыхъ ягодъ, подвергся многочисленнымъ обманамъ чувствъ.

Въ своихъ клиническихъ лекціяхъ въ Сальпет-

рієрѣ, Бальярже приводитъ множество подобныхъ фактовъ: одна кухарка, принявши во время регулъ настойку белладоны, впала въ бредъ; она видѣла на полу ходившихъ животныхъ, которыя буквально окружали ее. Животныя имѣли различный цвѣтъ и величину. Кухарка хотѣла поймать ихъ, но, вмѣсто животнаго, схватывала только листъ.

Мы могли бы привести еще наблюденія надъ галлюцинаціями отъ бѣлены и аконита, но подробности эти ничего не прибавятъ къ извѣстному уже намъ. Мы окончимъ эту главу нѣсколькими словами о веществахъ, употреблявшихся при посвященіи въ таинства у древнихъ.

Вещества, употреблявшіяся при посвященіи въ таинства у древнихъ и для волшебныхъ мазей. Употребленіе наркотическихъ напитковъ, ядовитыхъ веществъ, чтобъ приготовить къ посвященію въ таинства, и проч., восходитъ къ самой отдаленной древности.

Египтяне употребляли множество одуряющихъ напитковъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали какъ сумасшедшіе. Желая оправдаться въ какомъ-либо дурномъ поступкѣ, они говорили, что наѣлись травы. (Prosper Alpin, De medicina Aegyptiorum, lib. IV, cap. I, p. 118—122).

Кемпферъ говоритъ объ одномъ препаратѣ, который, кажется, былъ ничто иное, какъ индѣйская конопля. Принявши съ товарищами электуаріумъ, поданный имъ на одномъ индѣйскомъ пирѣ, Кемпферъ и его товарищи почувствовали себя столь счастливыми, что свое удовольствіе могли выразить только смѣхомъ, крикомъ и взаимными объятіями. Сѣвши вечеромъ на лошадей, они думали, что Пегасъ несетъ ихъ чрезъ облака. На другой день, они были совершенно здоровы тѣломъ и духомъ. (*Sauvages, Nosol., meth., class. VIII, Gen. XVII, lib III, part. I, p. 371.—Friedreich, Allgemein. Diagnostik der psychischen Krankheiten. Wurzburg, 1832*).

Мухоморъ есть грибъ, очень обыкновенный въ Камчаткѣ и Сибири. Бенковскій рассказываетъ, что одинъ шаманъ, выпивши настоя мухомора, погрузился сперва въ бредъ, а потомъ въ глубокій сонъ. Если грибъ ѣдятъ сухой или пьютъ настой изъ него, то мухоморъ производитъ иногда отравленіе, и всегда бредъ, то веселый, то печальный и полный страха.—Употребившему вышесказанный грибъ кажется, что онъ находится подъ неодолимымъ вліяніемъ духа, живущаго въ грибѣ. Въ припадкѣ такого опьянѣнія, одинъ казакъ вообразилъ, что духъ приказываетъ ему покаяться въ своихъ грѣхахъ; дѣйствительно, казакъ рассказалъ свои грѣхи предъ всѣми. (Крашенинниковъ. Описаніе Камчатки, ч. I, гл. IV).

Порта и Карданъ приводятъ два рецепта волшебной помады; основаніе одного — снотворный препаратъ; въ другомъ преобладаютъ бѣлена и опиумъ. Умный Гассенди хотѣлъ угадать секретъ такъ называемыхъ колдуновъ. Составя мазь съ опиумомъ, онъ натиралъ ею крестьянъ, увѣряя ихъ, что они попадутъ на шабашъ. Крестьяне проснулись отъ долгаго сна, вполне убѣжденные, что упомянутая мазь имѣла свое дѣйствіе; они подробно рассказывали, что видѣли на шабашѣ и какія удовольствія вкусили; въ ихъ рассказѣ очевидно было дѣйствіе опиума.

Въ 1545 г., нашли у одного колдуна мазь изъ усыпительныхъ веществъ. Медикъ папы Юлія III, Андрей Лагуна, намазалъ ею женщину, страдавшую сумасшествіемъ и бессонницею. Она проспала 36 часовъ сряду, и когда ее разбудили, она жаловалась, что ее вырвали изъ объятій милаго молодого человѣка. (Llorente, Hist. de l'Inq. I. III, p. 428).

Съ этою галлюцинаціей сходны галлюцинаціи женщинъ, преданныхъ культу матери боговъ; слыша звуки флейтъ и тамбуриновъ, онѣ видѣли веселую пляску фавновъ и сатировъ и вкушали неописанные удовольствія.

Искавшіе посвященія и лица, требовавшіе пророческихъ сновъ, ѣли, послѣ болѣе или менѣе

долгаго голодація, нарочно приготовленную пищу и особенно пили таинственное питье, напр., воду Леты.

Снотворныя вещества, производившія самыя важныя слѣдствія, были самыя простыя и обыкновенныя. — Плутархъ сохранилъ намъ описаніе таинствъ Трофоніуса, описаніе, составленное челоуѣкомъ, который провелъ въ пещерѣ двѣ ночи и день; оно скорѣе относится къ сновидѣнію челоуѣка, употребившаго сильное наркотическое вещество, нежели къ дѣйствительному зрѣлищу. Тимархъ, — такъ называется посвященный, — имѣлъ сильную головную боль, когда начались видѣнія, или, — что все равно, — когда питье стало дѣйствовать на чувства; та же боль чувствовалась, когда прекратились видѣнія, т. е., когда онъ очнулся отъ своего сна.

Тимархъ умеръ чрезъ три мѣсяца потомъ; жрецы вѣроятно употребили слишкомъ сильныя препараты (*De daimonio Socratis*).

Мы умолчимъ о чарахъ Цирцей, такъ какъ подлинность ихъ сомнительна, но тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что въ самыя древнія времена были извѣстны свойства нѣкоторыхъ ядовитыхъ веществъ. Въ своихъ комментаріяхъ къ Діоскориду, Лагуна упоминаетъ объ одномъ пасленѣ, котораго корень, будучи принятъ въ винѣ, въ

количеством одной драхмы, наполняетъ воображеніе самыми восхитительными видѣніями. (Dioscoride, lib. LXXVI, cap. IV, cité par Llorente, Histoire de l'inquisition, p. 457).

Галлюцинаціи въ нервныхъ болѣзняхъ.

Каталепсія.—Древніе писатели, изучавшіе каталепсію, приводятъ наблюденія, которыя какъ бы подтверждаютъ, что это нервное состояніе осложняется галлюцинаціями. Фридрихъ Гоффманъ говоритъ: *Narrant mira gaudia, aut phantasma tragica, visiones divinas, consortium angelorum, quin et futura praenuntiari videntur, ac vatidicos se simulant.* Но, прочитавъ два наблюденія этого автора, сейчасъ видимъ, что они относятся къ каталептической изступленности.

Галлюцинаціи потому рѣдко замѣчаются въ каталепсіи, что послѣдняя зависитъ отъ измѣненія умственныхъ способностей въ этомъ странномъ состояніи. Дѣйствительно, умственные способности почти всегда прекращаются болѣе или менѣе. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (*Catalepsie, Encyclop. cathol.*), я сказалъ, что во время припадка, чувства почти совсѣмъ замираютъ, а умственные способности цѣпенѣютъ. Однакожъ наблюденіе надъ нѣкоторыми больными и чтеніе другихъ авторовъ, убѣдили меня, что у нѣкото-

рыхъ каталептиковъ бываютъ грезы или видѣнія, имѣющія связь съ предметами, которые особенно сильно поразили больныхъ. Въ одномъ наблюдѣніи, упомянутомъ въ запискахъ королевской академіи наукъ, каталепсія была причинена сомнѣніемъ въ исходѣ значительной тяжбы, и во время припадковъ больная вполне сознавала положеніе своего дѣла. Гамильтонъ (Reverend William Hamilton) начертилъ исторію одной молодой особы, которая въ припадкѣ слышала все, что говорили около нее.

Кромѣ того, наблюдение говоритъ намъ, что эта болѣзнь можетъ предшествовать или послѣдовать припадку истерики, мономаніи, сомнамбулизма, осложнять каждую изъ этихъ болѣзней до такой степени, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ становится почти невозможно отличить главную болѣзнь отъ второстепенныхъ, случайныхъ явленій. Итакъ, хотя мы допускаемъ, что галлюцинаціи должны быть крайне рѣдки въ каталепсіи, потому что мысль почти не дѣйствуетъ въ послѣдней, однакожь полагаемъ, что галлюцинація иногда можетъ быть въ упомянутой болѣзни. Записка Пюэля о каталепсіи, увѣнчанная медицинскою академіей, не содержитъ ни одного случая галлюцинаціи, а между тѣмъ авторъ признаетъ, что иногда сохраняется нормальное состояніе чувствъ.

Эпилепсія.—Многіе эпилептики, о которыхъ говорить Эскироль, имѣли галлюцинаціи до своего безчувственнаго состоянія; они видѣли свѣтлыя тѣла и боялись, что тѣ зажгутъ ихъ. Имъ казалось, что они различаютъ черныя тѣла, которыя увеличиваются, становятся громадны и грозятъ захватить ихъ; они слышатъ громъ, барабанный бой, стукъ оружія, шумъ битвы; чувствуютъ самый зловонный запахъ; имъ кажется, что ихъ бьютъ. Всѣ эти галлюцинаціи внушаютъ имъ страхъ. Быть можетъ, это самое чувство и придаетъ чертамъ эпилептиковъ выраженіе ужаса, которое замѣчается у больныхъ во время припадка.

Эти замѣчанія не ускользнули отъ Гибберта и Петерсона, которые обратили особенное вниманіе на галлюцинаціи въ эпилепсіи.

Докторъ Грегори упоминаетъ объ одномъ индивидуумѣ, подверженномъ эпилептическимъ припадкамъ; у этого больного, параксизму обыкновенно предшествовало видѣніе старухи въ красномъ плащѣ, съ злыми чертами, съ отвратительнымъ лицомъ, которая подходила къ нему и ударила его палкой по головѣ. Едва больной почувствовалъ ударъ, какъ падалъ безъ чувствъ, одержимый судорогами.

Изъ числа многихъ моихъ больныхъ, нѣкото-

рые имѣли предъ припадкомъ видѣніе, у другихъ же видѣніе наступало послѣ припадка.

Л., уже десять лѣтъ одержимъ мономаніей и говорить, что его преслѣдуютъ ожесточенные враги. Иногда послѣдніе говорятъ ему глупыя рѣчи, мѣшаютъ ему спать. Съ самаго дѣтства, этотъ больной подверженъ, кромѣ того, неправильнымъ припадкамъ эпилепсiи, которымъ часто предшествуетъ галлюцинація, быстрая какъ молнія. Въ минуту, предшествующую потери чувствъ, онъ видитъ фигуру, которая подходитъ къ нему, какъ тѣнь фантазмагерiи, и больной съ крикомъ падаетъ на землю.

Иногда фантастическія фигуры говорятъ съ больнымъ, ругаютъ его и приказываютъ сдѣлать то и то.

Жанъ Мунэнъ, говоритъ Бернъ, подверженъ эпилептическимъ припадкамъ, за которыми наступаетъ необыкновенное волненіе. Однажды, послѣ припадка, онъ бѣжитъ, какъ бѣшеный, за городъ и убиваетъ трехъ людей. Схваченный и связаный жителями, Жанъ отведенъ въ тюрьму. На распросы, онъ отвѣчалъ, что хорошо помнить, какъ убилъ троихъ, и особенно сожалѣть объ одномъ изъ нихъ, своемъ родственникѣ. Онъ говорилъ, что въ припадкахъ бѣшенства вездѣ видитъ пламя, и что цвѣтъ крови доставляетъ ему

удовольствіе. (Brierre de Boismont, Observations médico-légales sur la Monomanie homicide, p. 24, Paris, 1827).

Въ своихъ Considerations sur la symptomatologie de l'épilepsie (Annales médico—psycholog., nov. 1843, p. 384), Бильо говорить объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который за три дня до припадка видитъ и слышитъ свою мать и сестру, съ которыми онъ разговариваетъ.

«Пароксизмамъ эпилепсiи, говоритъ Коиолли, часто предшествуетъ видѣніе призраковъ, привидѣній. Такъ какъ состояніе мозга, необходимое для подобной галлюцинаціи, можетъ быть и въ другихъ случаяхъ, за которыми не слѣдуетъ пароксизмовъ, то понятно, что это обстоятельство можетъ дать поводъ къ вѣрованію въ сверхъестественныя видѣнія.—Одинъ изъ моихъ больныхъ, теряя чувства, видитъ предъ собою красивые пейзажи».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ мое заведеніе пришелъ сельскій житель съ атлетическими формами; онъ желалъ лечиться отъ припадковъ эпилепсiи, повторявшихся каждый мѣсяць. Въ одинъ изъ такихъ припадковъ, застигшихъ его за жатвою, онъ схватилъ косу и, побѣжавъ чрезъ поля, сталъ косить все, что попадалось ему навстрѣчу; дѣйствовать такъ его

побуждалъ какой-то голосъ. Пробѣжавъ много полей, онъ остановился у стѣны и, потерявъ силы, заснулъ.

Въ своемъ *Traité sur l'épilepsie*, Деласіовъ указываетъ на существованіе ложныхъ впечатлѣній чувствъ. Описывая манію, наступающую за эпилепсіей, обыкновенно бывающей у дѣтей, онъ говоритъ, что послѣднія какъ бы дѣлаются добычей внутренняго видѣнія (р. 150). Онъ указываетъ на родъ оупѣнія, въ которомъ больной почти не имѣетъ сознанія, до того ложныя впечатлѣнія обуреваютъ его сужденіе и противодѣйствуютъ истиннымъ впечатлѣніямъ. Эти фантастическія явленія большею частію странны. Больной чаще всего видитъ призраки, убійцъ, воровъ, отвратительныя и возмутительныя сцены, которыя приводятъ его въ ужасъ, раздраженіе, гнѣвъ; въ своемъ испугѣ, онъ кричитъ, борется, хочетъ бѣжать и даже нападаетъ на окружающихъ. Волненіе прекращается вмѣстѣ съ галлюцинаціями (р. 155).

Истерика.—«Когда нравственный безпорядокъ, говоритъ Кабанисъ, произведенъ нервными болѣзнями половыхъ органовъ, т. е., истерическими болѣзнями, то онъ сопровождается феноменами, странность которыхъ, кажется, заставляла, во времена невѣжества, предполагать вмѣшательство какого-либо сверхъестественнаго существа. Ката-

лепсія, экстазь и всѣ припадки экзальтаціи, которые характеризуются идеями и краснорѣчіемъ, несвойственными ни воспитанію, ни привычкамъ больного, зависятъ большею частию отъ спазмъ въ половыхъ органахъ». (Cabanis, *Influence des maladies sur les idées*).

Нѣтъ ни одного нервнаго состоянія, которое представляло бы столь много и столь разнообразныя явленія, какъ истерика. Одинъ практическій врачъ, Оноре, показывая на женщинъ въ своемъ залѣ, говорилъ намъ: почти у всѣхъ этихъ больныхъ есть истерика.

Слушая монологъ истерическихъ, посреди безсвязныхъ фразъ, вырывааемыхъ страданіями, нерѣдко можно замѣтить, что больные говорятъ или отвѣчаютъ невидимымъ существамъ, или жалуются на зловонный запахъ, отвратительный вкусъ во рту.

Замѣчаемыя въ истерикѣ галлюцинаціи можно раздѣлить на двѣ категоріи, смотря потому, являются ли онѣ при здоровомъ разсудкѣ или осложняются помѣшательствомъ.

Ц. уже много лѣтъ подвержена припадкамъ истерики; при ихъ наступленіи, она становится робкою, боязливою, пугливой; ея страхъ постепенно доходитъ до того, что Ц. вездѣ ищетъ по-

мощи. Упомянутый страхъ возбуждается въ ней злобными лицами, которыя показываются во время припадка, дѣлають ей гримасы, оскорбляютъ, грозятъ прибить.

Докторъ Ландуци замѣчаетъ, что галлюцинаціи, обманъ и извращеніе чувствъ встрѣчаются у истерическихъ особъ во множествѣ припадковъ. Однѣ постоянно видятъ во время пароксизма предметъ, впервые возбудившій въ нихъ страхъ, въ другихъ замѣчаются необыкновенныя ощущенія, онѣ жалуются на веревки, стягивающія ихъ члены, на животныхъ, которыя гложутъ ихъ кости, и проч. (Landouzy, *Traité complet de l'hystérie*, Paris. 1846, p. 84).

Брике доказываетъ, что бредъ истерическихъ всегда касается предметовъ, особенно ихъ поразившихъ (p. 429). Въ одномъ изъ кризисовъ, истерическая женщина сказала окружающимъ ее лицамъ, что мужъ, бывшій давно въ отлучкѣ, сейчасъ возвратится домой. Дѣйствительно, мужъ явился вскорѣ за тѣмъ. Впослѣдствіи, упомянутая больная призналась, что узнала мужа по шагамъ, когда тотъ входилъ въ ворота. (Briquet, *Traité clinique et thérapeutique de l'hystérie*, Paris, 1859, p. 247).

Въ своемъ сочиненіи о галлюцинаціяхъ, Гиббертъ замѣчаетъ, что у истерическихъ женщинъ,

когда возбужденіе достигнетъ высшей степени, могутъ возникнуть такія же явленія, какія замѣчаются при вдыханіи недокиси азота, которой приписываютъ необыкновенное вліяніе на кровь. Гиббертъ говоритъ объ одной женщинѣ, у которой предъ истерическимъ припадкомъ являлся всегда предвѣстникъ. Соважъ увѣряетъ, что больные видятъ во время припадка страшные призраки.

Истерика можетъ быть вмѣстѣ съ помѣшательствомъ, и такіе случаи весьма обыкновенны; тогда надобно изслѣдовать, происходятъ ли галлюцинаціи отъ той или другой болѣзни. Когда онѣ являются въ продромѣ припадка или въ теченіе послѣдняго, то безошибочно можно считать ихъ осложненіемъ истерики.

С., 42 лѣтъ, думаетъ, что всѣ несчастія въ мірѣ происходятъ отъ нее. По словамъ ея, она имѣетъ всѣ пороки. Это помѣшательство, сперва печальное, характеризуется теперь пѣніемъ, разсказами, монологами. С. чувствуетъ, какъ все это глупо, но повинуется непреодолимой силѣ; ничто не можетъ воспрепятствовать ей излиться въ словахъ. За этими припадками наступаютъ сильныя истерическіе кризисы, больная становится добычею очень сильныхъ и продолжительныхъ конвульсій. Исходная точка спазмъ есть матка; если положить руку на эту область,

то движенія больной измѣняются въ своихъ свойствахъ, и больная говоритъ, что все это происходитъ въ ея животѣ. Во время припадковъ лица присутствующихъ измѣняются; она видитъ отвратительныя фигуры, кричитъ, молить, чтобы избавили ее отъ этихъ видѣній, хохочетъ, плачетъ; чрезъ нѣсколько времени, больная приходитъ въ себя.

У многихъ истерическихъ женщинъ, потерявшихъ рассудокъ, галлюцинаціи бываютъ, такъ сказать, отраженіемъ любовныхъ идей. Макаріо приводитъ много интересныхъ тому примѣровъ (*Paralysie hystérique, Annal. méd.—psych., janvier 1844, t. III, p. 68, 72, 77*).

Галлюцинаціи въ истерикѣ преимущественно являются въ эпоху продромовъ; онѣ замѣчаются также во время припадка, когда способности сохранены отчасти; могутъ бывать и въ концѣ припадка. Болѣе другихъ встрѣчаются галлюцинаціи слуха и зрѣнія, но могутъ быть и галлюцинаціи другихъ чувствъ; тоже самое надобно сказать объ иллюзіяхъ.

Ипохондрія.—По своему моральному состоянію ипохондрикъ уже предрасположенъ къ галлюцинаціямъ и иллюзіямъ. Непрерывное изслѣдованіе больного я весьма способствуетъ тому. Поэтому, нерѣдко приходится выслушивать жа-

лобы больных на взрывы, свистъ, звуки, необыкновенные голоса, которые раздаются въ ихъ мозгу. «Ипохондрики, говоритъ Дюбуа, утверждаютъ, что ихъ мозгъ кипитъ, высохъ, окостенѣлъ, такъ что они почти лишены зрѣнія, слуха, и проч.»

Многимъ кажется, что по ихъ тѣлу движется змѣя, рыба. Одна дама, упоминаемая Фальре, утверждала, что ея кожа покрыта рыбьею чешуей; она видѣла и осязала послѣднюю. Нѣкоторые чувствуютъ поочередно холодъ и жаръ въ различныхъ частяхъ своего тѣла.

Галлюцинаціи могутъ являться въ ипохондріи безъ умопомѣшательства, но видя, что меланхолія и помраченіе разсудка часто соединяются съ ипохондріей, нельзя не сказать, что между этими различными болѣзнями существуетъ родъ сродства.

Циммерманъ впадаетъ въ ипохондрію и постоянно жалуется на дурное состояніе пищеварительнаго аппарата. Его сочиненіе объ уединеніи постоянно возбуждаетъ въ немъ грустныя мысли, которыя особенно развиваются во время французской революціи. Вскорѣ появляется частая бессонница, обманъ зрѣнія, призраки. Къ этимъ симптомамъ присоединилась недѣятельность желудка, дрожаніе, головокруженіе и недостатокъ

довѣрія къ совѣтамъ, которыхъ онъ требовалъ ежеминутно, легкая и скоропроходящая безсвязность идей, паническій страхъ и малодушіе, которое противорѣчило его твердому характеру.

Среди этихъ многочисленныхъ явленій, замѣчаешь склонность къ меланхоліи въ любви къ уединенію, склонность, которая въ послѣдствіи принимаетъ характеръ бреда, *постояннаго страха, что взойдетъ врагъ и опустошитъ весь домъ*. (Loyer-Villermay, *Traité des maladies nerveuses et en particulier de l'hystérie et de l'hypochondrie*, t. I, p 420).

Жорже говоритъ, что нѣкоторые изъ его больныхъ теряли наконецъ разсудокъ, но что такой исходъ бываетъ рѣдко; мы не раздѣляемъ этого мнѣнія и полагаемъ, что переходъ ипохондріи въ сумасшествіе встрѣчается чаще.

Уже двадцать лѣтъ Л. мучится идеей, что она тяжело больна желудкомъ и внутренностями, что однакожъ не препятствуетъ ей съ большимъ аппетитомъ кушать все, что подадутъ. Въ лѣвой сторонѣ она ощущаетъ даже опухоль, которую врачи не могли открыть. Два года тому назадъ, ей стало казаться, что она окружена врагами, что всѣ смотря на нее искоса, дѣлаютъ ей гримасы. Воображая себя оскорбленною, она мно-

го разъ обижала невинныхъ, которые даже и не смотрѣли на нее.

Графиня М., находясь въ критической эпохѣ, вообразила, что у нее ущемленіе матки. Нѣсколько морщинъ и сѣдыхъ волосъ вѣроятно были основаніемъ этого несчастнаго предположенія. Я говорю несчастнаго, потому, что одинъ врачъ утвердилъ ее въ этомъ мнѣніи. Начиная съ этой минуты, упомянутая дама съ весьма пылкимъ воображеніемъ не имѣла болѣе ни минуты покоя. Она искала только лекарствъ, говорила только о лекарствахъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она стала жаловаться на шумъ въ лѣвой сторонѣ головы, который дѣлался иногда до того невыносимъ, что больная приходила въ страшное волненіе. Эта несчастная дама уморила себя голодомъ. Итаръ приводитъ много подобныхъ фактовъ (Itard, *Traité des maladies de l'oreille* 2 édition, revue par Bousquet, 1842, 2 vol.)

Ж., 32 лѣтъ, профессоръ нѣмецкаго языка, страдалъ много лѣтъ болями внутренностей, болями, которыя сильно беспокоили его. Физическое страданіе, вмѣстѣ съ нравственнымъ, повело къ разстройству умственныхъ способностей. Его привели ко мнѣ.

Онъ сказалъ мнѣ, что брюшныя боли вѣроят-

но были причиною ипохондріи, которой онъ часто подвергался; постепенно усиливаясь, ипохондрія стала оказывать вліяніе на его мозгъ, зарождать нелѣпыя идеи и побуждать его къ безцѣльнымъ поступкамъ. Постоянною его идеей было, что друзья дѣлаютъ ему зло, подвергаютъ магнетическому вліянію и наконецъ, посадили магнетизера въ его животѣ. Онъ старался объяснить мнѣ, какія операціи дѣлаеть магнетизеръ внутри его тѣла. Ж. разговаривалъ съ магнетизеромъ, но не могъ заставить его уйдти.

Одинъ ипохондрикъ утверждаетъ, что аптекарь, его сосѣдъ, ежеминутно давалъ ему всякими путями жестокой ядъ, который потрясалъ его здоровье, причинялъ сильныя внутреннія боли и уничтожалъ волосы и зубы. Многіе утверждаютъ, что у нихъ постоянная діаррея, что тѣло ихъ становится пустымъ, что вдоль ногъ и тѣла поднимается вѣтерокъ; чтобы избавиться отъ этого непріятнаго ощущенія, они, лежа съ спать, окутывались подушками, одѣялами.

Галлюцинаціи въ лихорадочныхъ, воспалительныхъ, и острыхъ хроническихъ и другихъ болѣзняхъ.

Сочиненія по части внутренней патологіи заключаютъ множество наблюденій, которыя не-

сомнѣнно доказываютъ существованіе галлюцинацій въ легкихъ, тяжелыхъ лихорадкахъ, воспаленияхъ органовъ, самыхъ различныхъ болѣзняхъ, въ эпоху выздоровленія, во время долгаго голоданія, и проч. Мы не предполагаемъ разсматривать всѣ эти болѣзни и ограничимся только указаніемъ галлюцинацій, которыми осложняются упомянутыя болѣзни.

Полнокровіе сопровождается иногда галлюцинаціями. Бруссе рассказываетъ объ одной 19-ти лѣтней женщинѣ, которая во время беременности имѣла головокруженіе и будто бы *видала пламя, гробъ, большую черную собаку*, которая хотѣла разстерзать ее. Эта женщина представляла всѣ симптомы полнокровія; поставленныя пиявки избавили больную отъ ея припадковъ и видѣній. (Phlegm. chron., t. II, p. 421, 422).

Одинъ человекъ въ полномъ разсудкѣ, сидѣлъ вечеромъ въ своей комнатѣ. Къ его великому удивленію дверь отворилась и на порогѣ показался его другъ; обойдя комнату нѣсколько разъ, этотъ другъ сѣлъ предъ нимъ и началъ пристально смотрѣть на него. Больной всталъ; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ другъ исчезъ; тогда больной понялъ, что это было видѣніе. Вскорѣ за тѣмъ другъ явился опять; съ нимъ вмѣстѣ пришли многіе знакомцы, которые, усѣвшись вокругъ хозяина, начали пристально

смотря на него. Въ теченіе четверти часа, это собраніе сдѣлалось до того многочисленно, что едва помѣщалось въ комнатѣ. Призраки послѣдовали за больнымъ въ его спальню и сѣли вокругъ постели; поэтому, онъ едва могъ проспать нѣсколько часовъ спокойно. При его пробужденіи, призраки немедленно явились и опять въ такомъ же множествѣ, какъ наканунѣ.

Больной обратился къ врачу, который припомнилъ, что годъ тому назадъ онъ пускалъ кровь отъ прилива крови къ мозгу. Много разъ упомянутый больной страдалъ также отъ геморроя. Поставлены пиявки, и въ слѣдующій день призраки значительно уменьшились. Вечеромъ они совершенно исчезли. (Hibbert).

Воспаленіе мозговыхъ оболочекъ также обусловливаетъ галлюцинаціи. Факты этому приведены у Мартине и Паранъ-Дюшателе. Бульо рассказываетъ нѣсколько галлюцинацій обонянія и плюзіи зрѣнія и осязанія. (Encéphalite, par Bouillaud, p. 8, 66 и 86.)

Моргагній говоритъ объ одномъ человѣкѣ, который однажды ночью имѣлъ галлюцинацію; ему явился призракъ, покрытый чѣмъ-то бѣлымъ. Упомянутый человѣкъ умеръ скоропостижно. По вскрытіи его тѣла оказалось, что сосуды пере

полнены кровью, а мозгъ размягченъ. (Epist. 62, —5).

Въ эпидемическомъ воспаленіи тонкой оболоч-
ки спинно головнаго мозга, галлюцинаціи очень
многочисленны. Турдесъ, рассказывающій исто-
рію одной изъ этихъ эпидемій, приводитъ мно-
жество примѣровъ галлюцинацій. (*Histoire de
l'Épid. de mènég cégrbro—spinale, Strasbourg,
1843.*)

Докторъ Ольдерсонъ рассказываетъ интересный
случай галлюцинаціи, соединенной съ жестокою,
сильною болью и воспаленіемъ покрововъ.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, говоритъ
этотъ авторъ, я лечилъ Р., который, на пути изъ
Америки заболѣлъ сильною головою болью. Об-
легченіе доставлено образованіемъ нарыва подъ
черепными покровами; дыханіе нѣсколько затруд-
нялась опухолью, которыя развились въ горлѣ.
Онъ жаловался мнѣ на тягостныя грезы, кото-
рыя не оставляли его даже въ то время, когда
онъ не спалъ. Вскорѣ потомъ, ему показалось,
что онъ видитъ жену и семейство, хотя былъ
убѣжденъ, что они находятся въ Америкѣ. Впе-
чатлѣніе было такъ сильно, и разговоръ съ сы-
номъ такъ важенъ и обстоятеленъ, что Р. не
могъ не рассказать всѣхъ подробностей своимъ
друзьямъ. Онъ хотѣлъ также знать, не пріѣха-

ли-ль изъ Америки его жена и семейство, и не находятся ли они въ одномъ съ нимъ домѣ.

«За мною послали во второй разъ; Р. легко замѣтилъ, что всѣ считаютъ его помѣшаннымъ.

«Онъ съ живостью обратился ко мнѣ и спросилъ: можетъ ли его болѣзнь заставить воображеніе вѣрить въ призраки, привидѣнія. До сихъ поръ, прибавилъ онъ, я нисколько не вѣрилъ въ духовъ и въ подобныя исторіи. Онъ чувствовалъ, что находится въ здоровомъ умѣ; тоже подтвердили и друзья его.

«Объяснивъ ему натуру и причины его видѣній, я сказалъ, что послѣднія прекратятся вмѣстѣ съ тѣлесными страданіями. Это успокоило какъ его, такъ и присутствующихъ. Но съ теченіемъ времени призраки стали мучительнѣе, такъ что онъ не рѣшался спать; ибо его немедленно окружали души умершихъ или посѣщали непріятныя личности. Когда онъ перешелъ спать въ другую комнату, видѣнія прекратились на нѣсколько времени; но вскорѣ Р. замѣтилъ въ замочной скважинѣ своихъ друзей другаго міра. Когда онъ не смотрѣлъ на упомянутую скважину, тогда разумно говорилъ о разныхъ предметахъ. Р. опять перемѣнилъ квартиру, и когда показался гной, въ состояніи больного произошло замѣтное улучшеніе. Теперь онъ выздоравливаетъ

и совершенно освободился отъ видѣній». (Edinburgh Medical and surgical Journal, vol. VI, p. 291).

Горячка играетъ важную роль въ образованіи галлюцинацій. Обыкновенно она сопровождается бессонницею. Больной засыпаетъ наконецъ, но вскорѣ просыпается отъ тягостныхъ видѣній, которыя принимаютъ характеръ дѣйствительности. Различное направленіе лучей свѣта, тѣнь, колебаніе драпировки, все это вмѣстѣ можетъ родить въ смущенномъ воображеніи мнимыя формы, которыя вскорѣ становятся какъ бы дѣйствительными.

Я лечилъ, говоритъ Аберкромби, весьма умнаго человѣка, давно страдавшаго легкою горячкою. Хотя онъ сохранилъ память, однакожь былъ подверженъ частой галлюцинаціи, состоявшей въ появленіи сѣдаго старика съ весьма добрымъ лицомъ. Видѣніе всегда являлось одинаково. Призракъ входилъ въ дверь налѣво отъ кровати, обходилъ вокругъ и садился на стулъ съ правой стороны. Онъ смотрѣлъ на больного съ участіемъ и сожалѣніемъ, но никогда не говорилъ. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ призракъ исчезалъ.

Одна дама, говоритъ тотъ же авторъ, равнымъ образомъ страдавшая легкою горячкою, ясно ви-

дѣла въ своей комнатѣ множество мужчинъ и женщинъ; собраніе это расположилось по стульямъ, и слуга подносилъ имъ прохладительные напитки. Галлюцинація продолжалась нѣсколько дней, чередуясь съ видѣніями замковъ, красивыхъ церквей, какъ будто сдѣланныхъ изъ хрусталя. Сперва упомянутая дама была увѣрена, что это только обманъ зрѣнія вслѣдствіе горячки, и описывала своимъ друзьямъ различные предметы, которые являлись ея глазамъ.

Конолли тщательно изучившій дѣйствіе горячки на воображеніе, дѣлитъ на три категоріи впечатлѣнія больныхъ.

Къ первой категоріи относятся больные, которымъ кажется, что ихъ постель окружена пламенемъ, что они слышатъ голоса, чувствуютъ запахъ кушанья. Ежеминутно они видятъ фантастическія фигуры, которыя также быстро исчезаютъ какъ явились.

Многіе изъ такихъ больныхъ спокойно говорятъ, что имѣютъ упомянутыя видѣнія; другіе, напротивъ, кажутся смущенными, протираютъ глаза, прислушиваются, прежде чѣмъ скажутъ, что они чувствуютъ; очевидно, они стараются избавиться отъ несносной идеи. Нѣкоторые наконецъ, вѣрятъ во всѣ эти ощущенія, какъ въ дѣйствительность. Изъ этихъ трехъ категорій, по-

слѣдняя уже стала добычей бреда, вторая становится, а первая еще сохраняетъ разсудокъ.

Первые сравниваютъ полученныя впечатлѣнія съ окружающими предметами, прибѣгая къ чувствамъ, еще не нарушеннымъ. Они узнаютъ свою комнату, семейство, доктора. Что касается другихъ фигуръ, которыя несутся предъ ихъ глазами, то они сознаютъ, что эти фигуры не могутъ находиться въ комнатѣ. Они помнятъ, что заболѣли нѣсколько дней тому назадъ и что у нихъ горячка. Сравнивая наличные предметы, сохранившіяся воспоминанія, съ послѣдовательною проносящихся предъ ними фигуръ или съ являющимися звуками, они приходятъ къ убѣжденію, что всѣ эти ощущенія только плодъ ихъ больного воображенія.

Вторые больные ближе къ бреду; пробуждаясь, они видятъ постельные занавѣсы въ пламени и пугаются; больные схватываютъ ихъ и со страхомъ смотрятъ вокругъ; но чувства осязанія и спокойствіе окружающихъ лицъ заставляютъ ихъ вѣрить, что упомянутое явленіе есть симптомъ болѣзни. Если вы начнете говорить съ ними въ моментъ ихъ пробужденія, то вашъ голосъ сперва смѣшивается съ образами грезъ, но вотъ больные открываютъ глаза, смотрятъ на васъ, берутъ вашу руку и, сравнивая впечатлѣнія наличныхъ предметовъ съ впечатлѣніями тѣхъ, которые они

видѣли въ своихъ грезахъ, больные немедленно приходятъ въ себя.

Этотъ родъ бреда продолжается обыкновенно нѣсколько часовъ или дней. Если онъ увеличивается, то предметы принимаютъ болѣе опредѣленную, болѣе стойкую форму, и слѣдствіемъ его можетъ быть настоящій бредъ. Одна бѣдная женщина съ разстроеннымъ здоровьемъ обыкновенно жаловалась на то, что постоянно видитъ лица и половину предметовъ. Иногда эти видѣнія являлись во множествѣ и походили на головы, толпившіяся у дверей или окна.

Больные третьей категоріи видятъ множество тягостныхъ для нихъ образовъ; они не могутъ сосредоточить вниманіе на впечатлѣніяхъ отъ дѣйствительно существующихъ предметовъ или же получаемыя ими впечатлѣнія ложны; они разговариваютъ съ присутствующими будто особами и не узнаютъ голоса своихъ друзей; глаза ихъ, правда, устремлены на послѣднихъ, но видятъ другія формы и другія лица; они осматриваются вокругъ и полагаютъ, что находятся въ чужой комнатѣ. Въ такомъ состояніи, имъ невозможно сравнивать истинныя, чуждыя для нихъ, впечатлѣнія, съ получаемыми ложными. Они не могутъ различить видимое отъ того, что они забыли въ своемъ лихорадочномъ состояніи, и необходимымъ

слѣдствіемъ этого недостатка будетъ бредъ или настоящіе сумасшествіе.

Я видѣлъ, говоритъ Конолли, какъ въ горячкахъ, упомянутыя три категоріи переходили одна въ другую, по мѣрѣ развитія болѣзни и потери правильности чувствъ; напротивъ, какъ только болѣзнь слабѣла, паціентъ опять пріобрѣталъ власть надъ своими ощущеніями, и, въ этомъ случаѣ, достаточно самаго легкаго усилія, чтобы онъ сосредоточилъ свое вниманіе.

— Намъ случалось много разъ замѣтить видѣнія у больныхъ тифомъ, какъ въ началѣ, такъ и въ теченіи болѣзни, а равно въ эпоху выздоровленія.

Аберкромби говоритъ, что одинъ фермеръ, возвращаясь съ рынка, былъ очень удивленъ необыкновенно яркимъ свѣтомъ на дорогѣ. Онъ прищипорилъ лошадь, примчался домой и весь вечеръ былъ въ волненіи. Вскорѣ обнаружились у него признаки тифа, свирѣпствовавшего въ окрестностяхъ, и фермеръ умеръ чрезъ десять дней. Извѣстно, что утромъ того дня, какъ имѣлъ видѣніе, этотъ фермеръ, выѣзжая изъ дому, жаловался на сильную головную боль и страшное истомленіе; не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что галлюцинація имѣла связь съ болѣзнію.

Тотъ же авторъ говоритъ, что одинъ изъ его друзей, выздоравливая отъ тифа, вообразилъ будто имѣеть 10 фут. вышины. Кровать, какъ ему казалось, возвышалась надъ поломъ на 6—7 фут., такъ что онъ боялся сойти съ нее. Устье камина было величиною съ арку у моста. Замѣчательно что окружавшія его лица казались ему естественной величины.

Явленіе призраковъ въ тяжкихъ горячкахъ, эпидеміяхъ, извѣстныхъ прилипчивыхъ болѣзняхъ, было замѣчено древними. Объ этомъ говорить Гиппократъ.

Моро рассказываетъ, что онъ лечилъ 12—13 лѣтняго ребенка, который, едва зная первыя основанія латинскаго языка, сдѣлался, въ припадкѣ атаксической лихорадки, способнымъ говорить очень чисто на упомянутомъ языкѣ. Тотъ же ребенокъ умѣлъ выражать свою благодарность окружающимъ лицамъ, въ такихъ словахъ, которыя были выше его возраста. Спустя нѣсколько дней, ребенокъ умеръ. (Moreau de la Sarthe, *Méd. mentale, dans l'Encyclopédie méthodique*).

Рейеръ рассказывалъ намъ, что онъ лечилъ брата одного изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей, заболѣвшаго тифомъ. Въ теченіи семи или восьми дней, больной видѣлъ въ ногахъ своей постели человѣка, котораго старался, про-

гнать. Упомянутый человекъ не имѣлъ ничего отталкивающаго и только тяготилъ своимъ присутствіемъ. Въстѣ съ выздоровленіемъ, видѣніе исчезло совершенно.—Докторъ Мароттъ разсказывалъ намъ подобный же фактъ.

Англійскіе авторы, писавшіе о горячкѣ въ Кадиксѣ и Малагѣ, говорятъ, что больные становятся нечувствительны къ внѣшнимъ дѣятелямъ, которые замѣняются новымъ міромъ самыхъ страшныхъ идей. Пациентамъ являются ужасающіе призраки и служатъ какъ бы предвѣстниками коматознаго состоянія и смерти.

Галлюцинаціи замѣчались въ лазаретномъ тифѣ, заразныхъ горячкахъ и во многихъ средневѣковыхъ эпидеміяхъ, которыя повидимому развивались подъ вліяніемъ болотныхъ и органическихъ міазмъ.

Фукидидъ разсказываетъ, что во время аѳинской чумы призраки пугали жителей. Въ теченіе эпидеміи, опустошившей Ново-Кесарію, жителямъ казалось, что призраки входили въ ихъ дома. Когда началась чума въ Египтѣ, въ царствованіе императора Юстиніана, замѣтили на морѣ мѣдныя суда, которыми управляли черные люди безъ головы. Во время эпидеміи, свирѣпствовавшей въ Константинополѣ, жителямъ казалось, что демо-

ны расхаживали изъ одного дома въ другой и приносили съ собою смерть.

Одинъ изъ учениковъ знаменитаго врача Гильдебранда, заболѣвши тифомъ, вообразилъ, что долженъ исполнять роль человѣка, пожирающаго змѣй. Онъ волновался и приходилъ въ ужасъ всякій разъ, когда ему приходилось схватить и проглотить змѣю. (*Hildebrand du typhus contagieux, p. 70 et suiv.*).

Въ новѣйшихъ описаніяхъ лазаретнаго тифа, замѣчаются также галлюцинаціи зрѣнія. Послѣднія сопровождаютъ иногда перемежающуюся лихорадку. Николай, страдая въ 1778 г. вышеупомянутою лихорадкой, видѣлъ, какъ предъ его глазами движутся цвѣтныя фигуры или пейзажи. Если онъ закрывалъ глаза, воображаемые предметы исчезали; какъ только глаза открывались, видѣнія опять показывались. (*Th. Sébastian, Remarques sur la mélancolie et la manie suite de fièvres intermittentes, journal d'Hufeland, 1821; An. médico-psycholog., septem. 1844, p. 221.*).

— Дурное состояніе пищеварительныхъ органовъ, рефлекторно дѣйствуя на мозгъ и его оболочки, нерѣдко служитъ причиною галлюцинацій. Тоже самое надобно сказать о приливахъ крови, воспаленіяхъ органовъ. Впрочемъ, понятно, что обстоятельства, возбуждающія *delirium*, могутъ

въ иныхъ случаяхъ быть причиною ложныхъ ощущеній.

Докторъ Гонгерфордъ Сили составилъ записку о желчной болѣзни жаркихъ странъ, характеризующейся постоянною раздражительностью, экзальтаціею ума и напряженностью мускуловъ; она поражаетъ преимущественно тѣхъ, которые прожили въ странѣ два или три года и начинаютъ чувствовать тоску по родинѣ.—Являются видѣнія; слишкомъ возбужденное воображеніе едва повинуется разсудку, который сохраняетъ тогда надъ нимъ нѣкоторую власть.

Изъ числа приведенныхъ Сили примѣровъ, мы расскажемъ объ англиканскомъ священникѣ въ Мессинѣ. Прибывши къ нему, Сили замѣтилъ разстроенныя черты, блуждающіе почти желтые глаза; кожа была суха, похожа на пергамень, желта; языкъ одеревенѣлъ, красенъ по краямъ, покрытъ въ срединѣ и сзади коричневымъ налетомъ; пульсъ малъ и частъ; разсудокъ здоровъ; болѣзнь уже продолжалась три недѣли. Гонгерфордъ Сили далъ сильное слабительное, поставилъ пѣвки къ шеѣ и горчичники къ ногамъ; вскорѣ больному сдѣлалось гораздо лучше.

Во время развитія болѣзни, галлюцинаціи имѣли большое сходство съ магнетическимъ ясновидѣніемъ и отличались ужасомъ. Больной стре-

мился уничтожать все вокруг себя, кричать, цѣть, браниться. Ему казалось, что члены отдѣляются отъ его тѣла; онъ былъ увѣренъ въ ложности своихъ видѣній и приписывалъ ихъ разстроенному воображенію. Однакожъ, галлюцинаціи имѣли такой характеръ очевидности, что больной съ трудомъ охранялъ себя отъ заблужденія. (Observations on a peculiar nervous affection incident to travellers in Sicily and southern Italy, by J. Hungerford Sealy, Medico-chirurg. Rewiew, July 1844).

Въ пятнадцатомъ томѣ *философическаго журнала Уильсона* находится весьма интересный случай галлюцинацій во время пневмоніи.

«Около двѣнадцати лѣтъ тому назадъ, говоритъ авторъ, со мною былъ припадокъ лихорадки вслѣдствіе сильной простуды лѣвой стороны груди. Пульсъ бился 110 разъ въ минуту, и болѣзнь, продолжавшаяся нѣсколько недѣль, сопровождалась безпорядочными впечатлѣніями во все свое теченіе. Въ первую послѣ припадка ночь я имѣлъ тягостное сновидѣніе: мнѣ казалось, что нахожусь среди огромной системы машинъ, всѣ части которыхъ вертѣлись съ громомъ и чрезвычайною скоростью; въ тоже время, я сознавалъ, что цѣлю этой операціи была излеченіе моей болѣзни.

«Когда волненіе достигло извѣстной степени, я проснулся вдругъ и почти тотчасъ впалъ въ дремоту, въ которой повторилось вышеописанное сновидѣніе. Такъ повторялось нѣсколько разъ, и я думалъ, что если бы мнѣ можно было измѣнить настоящее впечатлѣніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилась бы и форма сновидѣнія. Лучшимъ для того средствомъ казалось мнѣ припомнить нѣсколько видимыхъ предметовъ, относящихся къ идеи леченія. Попытка увѣчилась успѣхомъ, потому что въ слѣдующемъ припадкѣ сама собою явилась идея о бутылкѣ, на которую я предъ этимъ обратилъ особенное вниманіе; мои видѣнія, хотя и нарушаемыя мимолетными идеями, были разнообразнѣе и менѣе тягостны.

«Слѣдующая ночь была безпокойна; дремота прерывалась странными и непостоянными видѣніями, которыя однакожъ не безпокоили меня такъ, какъ видѣнія въ предыдущую ночь. Утромъ ощущенія значительно измѣнились; дѣйствительныя впечатлѣнія окружающихъ предметовъ взяли перевѣсъ надъ призраками болѣзни. Совершенно проснувшись, очень покойный, въ полномъ умѣ и памяти, различая внѣшніе предметы, я былъ восхищенъ рядомъ фигуръ, которыя то являлись, то исчезали, и на которыя моя воля не оказывала никакого вліянія.

«Иногда эти фигуры являлись вдругъ, но обык-

новенно становились ясны не сразу, а были какъ будто прикрыты облакомъ. Каждая фигура была видима пять или шесть секундъ, потомъ исчезала, постепенно слабѣя, пока оставался только непрозрачный паръ, среди котораго почти тотчасъ же рисовалась другая фигура; онѣ чрезвычайно интересовали меня красотою формъ и разнообразіемъ восхитительнаго выраженія. Хотя вниманіе ихъ было обращено на меня, и хотя ни одна изъ нихъ не говорила со мной, однакожъ мнѣ казалось, что я читаю въ ихъ сердцахъ. Удивленіе, радость и чувство благополучія, которыя я испытывалъ, созерцая каждую изъ упомянутыхъ фигуръ, сожалѣніе, когда онѣ исчезали, приводили мой умъ въ сильное напряженіе. Это состояніе прекращалось на время тогда только, когда я разговаривалъ съ бывшими въ комнатѣ лицами.

«Упомянутыя видѣнія мгновенно прекращались, какъ только я принималъ лекарство. На сколько времени онѣ прекращались, — этого я не могу опредѣлить; фигуры являлись въ формѣ книгъ пергаменовъ, печатной бумаги. Помнится, что буквы были неудобочитаемы и что эти предметы являлись на одно мгновеніе.

«Всѣ эти иллюзіи принадлежатъ зрѣнію; однакожъ я слышалъ разъ нѣсколько музыкальных нотъ. Когда я заснулъ потомъ, мнѣ пригрезил-

лось, что на мою спину вспрыгнуло животное, съ такими острыми и пронзительными криками, что я проснулся.» (Paterson).

Галлюцинаціи сопровождаютъ иногда прекраще-
ніе геморроидальнаго кровотечения. Вотъ что гово-
рится въ Archives générales de médecine.

Одинъ дворянинъ изъ Карлсруэ, въ Силезіи, 40 лѣтъ, обладавшій твердымъ умомъ, здравымъ сужденіемъ и далекій отъ всякой суевѣрной идеи, пользовался обыкновенно прекраснымъ здоровь-
емъ, за исключеніемъ геморроидальныхъ¹ коликъ и кровотечения; кромѣ того, на одномъ глазѣ былъ катарактъ, а зрѣніе другаго слабо. Однажды онъ испугался пожара въ сосѣднемъ домѣ. Вечеромъ того же дня, жена упомянутаго дворянина замѣ-
тила, что онъ безпокоенъ и предлагаетъ странные вопросы. Около шести часовъ вечера, когда зажгли огонь, онъ очень серьезно утверждалъ, что въ комнату вошла мать жены, взяла его за руку, но исчезла, какъ только онъ всталъ. Кромѣ того, дво-
рянинъ этотъ говорилъ, что вмѣстѣ съ нею при-
ходилъ тестъ и еще трое неизвѣстныхъ ему особъ. Во время ужина, его не оставляло это ви-
дѣніе; лежа спать, дворянинъ укуталъ голову одѣяломъ и спокойно заснулъ. На другой день явилась новая иллюзія: всѣ стѣны казались ему покрытыми черными и бѣлыми квадратиками иллюзія до того была сильна, что онъ испортилъ

нѣсколько гравюръ, висѣвшихъ на стѣнѣ. Такое состояніе продолжалось два дня, по истеченіи которыхъ зрѣніе стало нормальнымъ. Дворянинъ сталъ жаловаться тогда на слабость и головокруженіе. Впрочемъ, его сонъ, пульсъ и аппетитъ были очень хороши. Приличныя лекарства возбудили геморроидальное кровотеченіе и вполне излечили дворянина отъ его видѣній, (*Archives générales de médecine*, 1829, t. XIX, p. 262.—*Hufeland's Journal*, sept. 1824; *Edind. med. and surg. Journ.*, avril, 1828).

При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя часто бываетъ невозможно опредѣлить, самыя различныя болѣзни сопровождаются галлюцинаціями. Слѣдующій фактъ, заимствованный нами у доктора Ольдерсона, доказываетъ существованіе галлюцинацій въ подагрѣ.

«Меня пригласили, говорить докторъ Ольдерсонъ, къ мистрисъ Б., 80 лѣтъ, которую я часто лечилъ отъ подагры. Она жаловалась на глухоту, слабость пищеварительныхъ органовъ, и ожидала припадка. Несмотря на преклонныя лѣта, мистрисъ Б. сохранила порядочное здоровье. Она рассказала мнѣ, что уже давно мучится видѣніями. Въ первый разъ, ей казалось, что она принимаетъ многихъ своихъ друзей, которыхъ однакожь не приглашала. Когда миновалось ея удивленіе, она стала сожалѣть, что не можетъ гово-

рить съ ними, и хотѣла приказать принести карточные столы. Съ этимъ намѣреніемъ она позволила. Едва возшелъ слуга, какъ исчезли всѣ друзья. Мистрисъ Б. не могла выразить своего удивленія ихъ внезапному уходу. Слуга едва могъ убѣдить ее, что въ комнатѣ не было никакого посторонняго.

«Мистрисъ Б. такъ стыдилась этой иллюзіи, что въ теченіе нѣсколькихъ дней и ночей безмолвно терпѣла явленіе множества призраковъ, изъ коихъ нѣкоторые напоминали ей давно утраченныхъ друзей и оживляли почти изгладившіяся воспоминанія. Приходъ слуги обыкновенно избавлялъ ее отъ этихъ призраковъ.

«Она не считала себя помѣшанною, равно какъ и знакомые ея, которые никогда не могли найти въ ея разговорѣ или поведеніи что-либо могущее дать поводъ заподозрить помраченіе разсудка мистрисъ Б. Призраки прекратились вмѣстѣ съ наступленіемъ легкаго припадка подагры. Съ тѣхъ поръ, здоровье и разсудокъ мистрисъ Б. не подвергались разстройству».(Edinb. medical and surgical journal, vol. VI, p. 291).

Нѣтъ врача, который не замѣтилъ бы безпокойства, меланхоліи, ужаса, при *болѣзняхъ сердца*. Больные вдругъ просыпаются, будучи преслѣдуемы страшными видѣніями, отвратительны-

ми призраками. Весьма часто такое расположе-
 ніе ума бываетъ днемъ. Мы собрали много слу-
 чаевъ галлюцинацій, совпадающихъ съ легкимъ
 органическимъ порокомъ сердца. Подобные фак-
 ды замѣчены Сосероттомъ. Между прочимъ онъ
 говоритъ объ одномъ офицерѣ, страдавшемъ ги-
 пертрофіей лѣваго желудочка и видѣвшемъ бѣ-
 лые призраки съ фантастическими и неописан-
 ными формами, которыя становились предъ нимъ
 съ грознымъ видомъ. Стыдясь своего страха,
 сознавая, что онъ игрушка своего воображенія и
 особенно боясь насмѣшекъ своихъ товарищей,
 упомянутый офицеръ не смѣлъ во все время своей
 службы сознаться, что его мучили вышеописан-
 ные призраки. (Saucerotte, de l'influence des
 maladies du coeur sur les facultés intellectuelles
 et morales de l'homme; An. méd.-psych., t. IV,
 sept. 1844, p. 177).

Хлоротическія женщины часто подвергаются
 глубокой меланхоліи. Онѣ ищутъ уединенія, из-
 бѣгаютъ движенія и погружаются въ печальныя
 мысли; поэтому, многія представляютъ признаки
 delirium. Онѣ окружены фантастическими форма-
 ми, видятъ отталкивающія лица, отвратительные
 предметы. Если продолжается это состояніе, уси-
 ливается, то можетъ возникнуть припадокъ умопо-
 мѣшательства, при которомъ упомянутыя фигуры
 дѣлаются постоянными, тогда какъ было бы доста-
 точно легкаго усилія разсудка, чтобы разсѣять ихъ.

Муратори приводитъ любопытный примѣръ видѣній въ *синкопѣ*, при полупотерѣ сознанія. Одна молодая дѣвушка впала въ бѣшеный бредъ вслѣдствіе горячки. По окончаніи бреда, она была безъ движенія, пульсъ не бился; естественная теплота до того уменьшилась, что упомянутую особу приняли за мертвую. Уже приготовились хоронить ее, когда она вдохнула. Немедленно стали тереть ее спиртомъ, согрѣли, привели въ чувство.

Но, далеко не будучи благодарна за оказанную ей помощь, она горько жаловалась на то, что вывели ее изъ невыразимаго спокойствія и счастья, съ которыми нельзя сравнить самыя лучшія наслажденія здѣшней жизни. Она прибавила, что слышала плачъ и стоны своего отца, разговоръ о похоронахъ, но что все это нисколько не нарушало ея блаженства, которое до того было велико, что она не думала о земныхъ вещахъ и даже не заботилась сохранить свое тѣло. (Muratori, della forza della fantasia, с. 9).

Нельзя отвергать, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ крайне развивается чувствительность, вслѣдствіе чего чувства пріобрѣтають удивительную тонкость и остроту. Такъ, нѣкоторые замѣчаютъ запахъ на огромномъ разстояніи; другіе предвѣщаютъ о прибытіи людей, хотя присутствующіе не слышатъ ни малѣйшаго шума.

Въ нѣкоторыхъ экстатическихъ и конвульсивныхъ болѣзняхъ, говоритъ Кабанисъ, органы чувствъ воспринимаютъ впечатлѣнія, неосязаемыя ими въ нормальномъ состояніи, или же такія, которыя несвойственны человѣческой природѣ. Я нѣсколько разъ замѣчалъ у нервныхъ женщинъ самыя странныя послѣдствія упомянутыхъ измѣненій.

Вѣроятно по этой же причинѣ являются иногда галлюцинаціи въ періодъ *выздоровленія*.

Послѣ воспалительной болѣзни, которая очень ослабила его, генераль Тіебо, отличавшійся умомъ и военными талантами, подвергся видѣніямъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что разсудокъ его нисколько не помрачился; ни одно изъ его чувствъ не страдало, а между тѣмъ фантастическіе предметы поражали его зрѣніе такъ сильно, что онъ легко могъ исчислить и описать ихъ, какъ будто они дѣйствительно существовали. (D. Thiébault, Souvenirs d'un séjour à Berlin, t. V, 5-e édit.).

Миссъ N. выздоравливала отъ продолжительной лихорадки, которая довела ее до крайней слабости. Все ея семейство находилось въ церкви, когда разразилась сильная гроза; миссъ N. сѣла подъ окно, чтобы посмотреть на грозу. Вдругъ она вспомнила о своемъ отцѣ, и эта мысль стала сильно беспокоить ее. Вскорѣ воображеніе заставило

ее считать отца погибшимъ отъ грозы. Чтобы успокоить себя, она прошла въ дальнюю комнату, гдѣ онъ обыкновенно сидѣлъ въ большомъ креслѣ у огня. Войдя въ комнату, миссъ N. очень удивилась, видя отца на обычномъ мѣстѣ. Она подошла къ нему, чтобы спросить, какъ онъ возвратился, и съ словами: *батьюшка*, хотѣла положить руку ему на плечо, но рука встрѣтила только пустоту. Миссъ N. удалилась въ сильномъ страхѣ, и, выходя изъ комнаты, обернулась: отецъ сидѣлъ опять въ креслѣ. Прошло болѣе получаса отъ начала видѣнія до его конца. Въ теченіе этого времени, миссъ N., убѣжденная въ иллюзіи, много разъ входила и выходила и тщательно разсматривала положеніе предметовъ и кресла. (Raterson).

Атмосферныя измѣненія повидимому участвуютъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, въ образованіи галлюцинацій. Зимой 1829—1830 г., я имѣлъ случай, говоритъ Конолли, наблюдать галлюцинаціи въ теченіе многихъ различныхъ болѣзней.

Прюсъ замѣчаетъ, что крайній холодъ можетъ произвести галлюцинаціи, и что онъ самъ испыталъ его вліяніе въ 1814, когда ѣхалъ изъ арміи для свиданія съ семействомъ. «Едва я сдѣлалъ лье въ сильную стужу, какъ замѣтилъ, что не нахожусь въ нормальномъ состояніи. Я шелъ болѣе

по привычѣ, нежели по желанію; все тѣло казалось мнѣ чрезвычайно легкимъ. Зная причину и опасность такого состоянія, я хотѣлъ идти скорѣе, но попытка моя была безуспѣшна; особенно сильно беспокоило меня то, что мои глаза ежеминутно закрывались. Меня окружило тогда множество граціозныхъ образовъ; мнѣ казалось, что я перенесся въ восхитительные сады; въ мысляхъ я видѣлъ деревья, луга, ручьи».

Галлюцинаціи предшествуютъ иногда болѣзнямъ. Плутархъ говоритъ, что Корнелій Сила былъ предувѣдомленъ о лихорадочномъ припадкѣ явленіемъ призрака, который назвалъ его по имени. Будучи увѣренъ въ близости своей смерти, онъ приготовился къ ней и умеръ въ слѣдующую ночь.

Не нужно прибѣгать къ чудесному, чтобы объяснить эту смерть. Вѣроятно, Сила достигъ послѣдняго періода органической болѣзни, и видѣніе только увеличило опасность его положенія. Быть можетъ, оно даже ускорило его смерть нѣсколькими днями, но очевидно не было предвѣстникомъ послѣдней. Такимъ-то причинамъ, могуществу вѣрованій, незнанію научныхъ фактовъ, вліянію воображенія, надобно приписать предсказанія смерти, которыя во множествѣ встрѣчаются у авторовъ. Напряженность нервной системы, ея крайняя впечатлительность, могутъ въ подобныхъ случаяхъ вести къ гибельному событію.

Одна дама, говорить Аберкромби, которую я лечилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ воспаленія въ груди, разбудила своего мужа, при началѣ своей болѣзни, и просила его немедленно встать. Она увѣряла, что явственно видѣла, какъ чело-вѣкъ взошелъ въ комнату, миновалъ постель и вступилъ въ кабинетъ. Она не спала и такъ была увѣрена въ дѣйствительности видѣнія, что когда осмотрѣли кабинетъ, не было возможности убѣдить ее въ ошибкѣ. Авторы приводятъ много подобныхъ фактовъ.

Одинъ знаменитый врачъ сообщилъ мнѣ такой же фактъ, подробности котораго еще поразительнѣе; дѣло идетъ объ одной изъ его близкихъ родственницъ, имѣвшей около 50 лѣтъ отъ роду. Возвратясь домой однажды вечеромъ, она взошла въ темную комнату, чтобы положить тамъ платье; едва она вступила въ эту комнату, какъ увидѣла предъ собой скелетъ съ приподнятою рукой, которая держала кинжалъ. Въ ту же ночь она заболѣла лихорадкой, съ признаками воспаленія въ лѣвомъ боку. Болѣзнь была очень опасна. Впечатлѣнiе на ея умъ такъ было сильно, что выздоровѣвши она не могла переступить чрезъ порогъ упомянутой комнаты, чтобы не задрожать и замѣтить, что именно здѣсь она получила свою болѣзнь. (Abercrombie).

Многіе авторы, между прочимъ Гиббертъ, до-

казали, что въ послѣдній періодъ гектическихъ болѣзней и многихъ хроническихъ страданій, нерѣдко замѣчаются у больныхъ галлюцинаціи весьма пріятной натуры. Быть можетъ, это явленіе надобно приписать слабости и чувству благополучія, которое испытываютъ больные, особенно чахоточные, въ минуты смерти, и которое побуждаетъ ихъ составлять самые разнообразныя и прекраснѣйшія проэкты. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что потеря сознанія, синкопъ, асфиксія, благопріятствуетъ образованію галлюцинацій.

Изъ числа галлюцинацій, замѣченныхъ въ послѣдній періодъ болѣзни, я расскажу одну, которая никогда не изгладится изъ моей памяти.

1 іюня 1842 г., я получилъ печальное извѣстіе, что моя мать, много лѣтъ страдавшая серьезною болѣзнію матки, подверглась, два дня тому назадъ, припадкамъ въ родѣ эпилепсіи, съ потерей сознанія; припадки были до того сильны, что отчаявались въ ея жизни и боялись, что она умретъ до моего пріѣзда, если припадки возобновятся. Въ письмѣ говорилось, что послѣдніе мгновенно прекратились и мѣсто ихъ заступилъ спокойный бредъ, въ которомъ моя мать видѣла тѣни, лица, постороннихъ особъ, говорила о разныхъ предметахъ, не имѣвшихъ отношенія къ ея положенію; она не узнавала болѣе окружающихъ лицъ, воображала, что они дурно обходятся

съ нею, хотѣла избавиться отъ нихъ; даже къ моей сестрѣ, которая никогда не разставалась съ нею, она сдѣлалась равнодушна. Среди безсвязныхъ словъ, можно было замѣтить одну преобладающую мысль, мысль о томъ, что она никогда болѣе не увидитъ меня; она ежеминутно звала меня.

Въ ночь я проѣхалъ раздѣлявшее насъ пространство. Войдя въ комнату матери, около часу утра, я нашелъ ее въ постели, съ пристальнымъ взглядомъ, съ тѣми словами бреда на устахъ, которыя съ того времени болѣзненно раздаются въ моихъ ушахъ; она просила избавить ее отъ лицъ и купцовъ, которые будто бы вошли въ ея комнату, особенно отъ злой женщины, неперестававшей мучить ее. Она пыталась сама удалить ихъ рукой: *Но уведите же ихъ!* повторяла она, *развѣ вы не слышите, какъ они шумятъ!* Въ комнатѣ царствовало тогда глубочайшее молчаніе. *Они препятствуютъ мнѣ видѣть моего сына. Блѣдный сынъ! онъ не пріѣдетъ; меня уже не будетъ на свѣтъ, когда онъ пріѣдетъ.* Бредъ ея продолжался уже сутки.

При этомъ зрѣлищѣ я заплакалъ и, взявши ее за руку, вскричалъ: *Успокойся, добрая матушка, я около тебя, я болѣе не разстанусь съ тобой.* Въ тоже время я прижалъ ее къ сердцу. Едва я окончилъ эти слова, какъ моя мать

замолчала, какъ будто собиралась съ мыслями, и, придя въ себя, сказала: *Отвѣчай, ты ли это, мой сынъ? Ахъ, я узнаю твой голосъ. Гдѣ ты? я не вижу тебя!* Наконецъ она замѣтила меня; въ ея взглядахъ выражалась радость. *Вотъ и ты,* прибавила она, *я умираю спокойно!* Бредъ прекратился, произошла чудесная перемѣна: разсудокъ нашелъ въ материнской любви силу побороть призраки. Въ теченіе пяти прожитыхъ еще ею дней я имѣлъ счастье слышать ее и видѣть въ полномъ разсудкѣ. 5-го, въ день ея смерти, живописецъ снималъ портретъ съ нея; было 11 часовъ утра, когда художникъ, замѣтивъ ея блѣдность, сказалъ: отложимъ сеансъ до другаго времени. *Продолжайте,* отвѣчала она, *въ другое время будетъ слишкомъ поздно!* Она умерла въ три часа.

Причины галлюспнацій.

Уже изъ предыдущаго можно замѣтить множество вліяній, благопріятствующихъ образованію галлюспнаціи. Такъ, энтузіазмъ, вѣрованія, сосредоточеніе мысли, продолжительное размышленіе объ одномъ и томъ же предметѣ, стремленіе духа къ идеалу, производятъ галлюспнацію у множества знаменитыхъ лицъ, что однакожь нисколько не значитъ, чтобы мы ограничивали это явленіе упомянутою категоріей людей.

Съ другой стороны, разсматривая теорію Бальярже, мы не колеблемся сказать, что эта теорія вполне объясняетъ, по нашему мнѣнію, галлюцинаціи, которыя замѣчаются въ извѣстныхъ грѣзахъ, въ переходномъ состояніи отъ сна къ бодрствованію и на оборотъ. Наконецъ, мы видѣли, что нарушеніе мозговой дѣятельности нѣкоторыми веществами, лихорадкой, многими болѣзнями, было довольно обыкновенною причиною галлюцинацій. Изъ всего этого ясно, что къ цѣлому ряду фактовъ, повидимому тождественныхъ, нельзя прилагать одного и того же объясненія.

Въ нашихъ этиологическихъ изслѣдованіяхъ, мы обращаемъ все вниманіе на второстепенныя, единственно доступныя, причины; дѣйствительно, не можетъ придти на умъ проникнуть глубже въ процессъ образованія галлюцинацій, точно такъ же, какъ невозможно проникнуть въ процессъ образованія мысли; это убѣжденіе можно выразить такъ: «Первая причина галлюцинацій всегда будетъ недоступна намъ, какъ первая причина всѣхъ вещей въ этомъ мірѣ. Это предѣль, отдѣляющій конечное отъ безконечнаго, къ которому мы всѣ стремимся часто вопреки желанія, и чрезъ который никогда не переступитъ здѣсь наша пылкая любознательность.»

Прежде всего мы видимъ, что ощущеніе, начало галлюцинаціи, имѣетъ двѣ природы: физи-

ческую вслѣдствіе впечатлѣнія, и умственную вслѣдствіе своего преобразованія въ мысль; удалиться отъ этого положенія, для того, чтобы взять въ расчетъ одинъ изъ двухъ упомянутыхъ элементовъ, значить вдаваться или въ чистый спиритуализмъ или въ чистый матеріализмъ, которые оба не могутъ привести насъ на истинную дорогу.

Но самое ощущеніе значительно измѣняется отъ воспріимчивости органа, впечатлительности субъекта. Въ этихъ степеняхъ чувствительности уже начинаютъ рисоваться первые очерки иллюзій и галлюцинацій. Дѣйствительно, находящіе не выносимымъ звукъ, очень обыкновенный для другихъ, чувствующие запахъ, едва замѣтный для ихъ сосѣдей, находятся въ совершенно особыхъ условіяхъ, чтобы воспринимать ощущенія и объяснять ихъ.

Если эта чрезмѣрная чувствительность развивается въ больномъ органѣ, то образуетъ здѣсь первое зерно иллюзіи. Такъ, при извѣстныхъ патологическихъ условіяхъ радужной оболочки, больной видитъ несуществующіе предметы и лица. Равнымъ образомъ, подъ вліяніемъ болѣзненности слуховаго органа, воображаютъ, что слышатъ звонъ колоколовъ, всякаго рода звуки.

Разборъ ощущеній ипохондрика помогаетъ намъ

глубже проникнуть въ феноменъ иллюзіи и галлюцинаціи. Его страданія суть самая близкая ступень къ иллюзіи. Когда онъ жалуется на палящій его жаръ, на судороги, препятствующія ему ѣсть, на страданія брюха, остается только одинъ шагъ, чтобы сказать: въ тѣлѣ находится ядъ, желудокъ закрыть, животныя положить внутренности. Это истолкованіе болѣзненныхъ ощущеній имѣетъ сходство съ толкованіемъ, которое мы замѣчаемъ у большей части помѣшанныхъ, подверженныхъ галлюцинаціи.

Несмотря на неправильное толкованіе нарушеній внутренней чувствительности, эти несчастные могутъ еще правильно разсуждать о предметахъ не относящихся къ ихъ болѣзни, и даже исполнять важныя работы. «Среди жестокой ипохондріи, говоритъ Кабанисъ, Сваммердамъ дѣлалъ свои самыя блестящія изслѣдованія. Но, убѣдивъ себя, что Творецъ оскорбится столь подробнымъ разсматриваніемъ Его созданій, онъ отказался сперва продолжать опыты надъ вспрыскиваніемъ, и, въ жестокомъ припадкѣ, сжегъ наконецъ большую часть своихъ рукописей». Это не единственный примѣръ.

Въ этотъ періодъ, подверженный иллюзіи превращаетъ свои дѣйствительныя ощущенія въ ложныя, обыкновенно имѣющія связь съ его неправильнымъ мышленіемъ: незнакомый становится

другомъ или врагомъ; напитки издають зловонный запахъ; ревматическія боли превращаются въ контузіи, удары, и проч. Если его уколетъ соломенка, онъ принимаетъ ее за ранившій его кинжалъ; онъ старается отнять его и кричить, чтобъ прогнать страшныхъ преслѣдователей. Болѣзненное истолкованіе указываетъ здѣсь на преобладаніе иллюзіи надъ умомъ, и на то, что осязательность, память и воображеніе содѣйствуютъ, каждая съ своей стороны, образованію ложныхъ идей. Всѣ чувства находятся, въ подобныхъ случаяхъ, въ патогеническихъ условіяхъ, но преимущественно въ липеманіи и мономаніи можно наблюдать зарожденіе феноменовъ, предшествующихъ болѣзни или послѣдующихъ за нею. Въ этомъ легко убѣдиться, обративъ вниманіе на распространеніе галлюцинаціи на другія чувства, галлюцинаціи, которая сначала поражаетъ обыкновенно только одно чувство.

Если разсматривать этотъ начальный періодъ иллюзіи и галлюцинаціи, въ липеманіи напримѣръ, то прежде всего замѣчаешь чрезмѣрную чувствительность, большую тонкость чувствъ, болѣзненную натуру впечатлѣній; находясь въ подобныхъ условіяхъ, больной увлекается въ новый порядокъ идей, а какъ такъ послѣднія претерпѣваютъ вліяніе упомянутого болѣзненного состоянія, то представляютъ только печальные образы; все измѣнилось вокругъ больного, потому что его

ощущенія уже не тѣ. Это же самое мы замѣчаемъ почти на каждомъ шагу въ жизни; смотря по расположенію духа, все кажется намъ въ розовомъ или черномъ свѣтѣ. Такая впечатлительность центра побужденій можетъ произвести глубокія переменны въ идеяхъ, привычкахъ, убѣжденіяхъ человѣка, смотря по его характеру и праву.

Подобныя переменны совершаются большею частію постепенно, но можетъ случиться, что иллюзія и галлюцинація обнаружатся вдругъ, какъ это замѣчается не рѣдко у людей съ здоровымъ разсудкомъ, которые вслѣдствіе сильнаго впечатлѣнія теряютъ разсудокъ въ одну ночь. Тоже самое бываетъ вслѣдствіе дурнаго пищеваренія, лихорадки, переменны положенія, и проч.

Не подлежитъ сомнѣнію, съ медицинской точки зрѣнія, что нервный и кровяной элементы играютъ важную роль въ галлюцинаціяхъ; но какъ они дѣйствуютъ? Въ этомъ и заключается вся трудность. Мы совершенно не знаемъ образа ихъ дѣйствія въ нормальныхъ сочетаніяхъ мысли. Патологическая анатомія могла бы только открыть намъ, что извѣстныя измѣненія мозга болѣе содѣйствуютъ ихъ проявленію, что однакожь далеко не доказано. Мы знаемъ только, что многія возбуждательныя вещества, такъ сказать, придаютъ больше блеска, живости, яркости идеямъ

поэтому, можно вообще сказать, что большее возбужденіе нервной системы, болѣе сильный приливъ крови къ мозгу, содѣйствуютъ развитію галлюцинацій, равно какъ и совершенно противоположныя измѣненія ведутъ къ тѣмъ же результатамъ. Но какой двигатель дѣйствуетъ въ этихъ обоихъ, столь различныхъ состояніяхъ? Какъ измѣняетъ онъ кровь и нервы? гдѣ находится? На эти вопросы нѣтъ отвѣта. Не слѣдуетъ ли еще допустить расположенія, которое мы вездѣ находимъ? Какъ объяснить безъ него апоплексію у однихъ, мозговое воспаление у другихъ; здѣсь размягченіе, тамъ манію?

Итакъ, короче сказать, подъ вліяніемъ нравственной или физической причины, является болѣе сильная возбужденность нервной и кровеносной системы, а потомъ образованіе галлюцинацій. Мы рассмотримъ вліяніе нравственныхъ и физическихъ причинъ на образованіе галлюцинацій.

Нравственныя причины. Двойственное дѣйствіе, нравственное и физическое, показываетъ, что галлюцинаціи подлежатъ общему закону, но, судя по мѣсту ихъ явленія, ихъ природѣ, можно предвидѣть преобладаніе того или другаго вліянія; поэтому, начиная наши изслѣдованія, мы замѣтили, что глубокое занятіе, продолжительное сосредоточеніе мыслей на одномъ предметѣ, чрезвычайно

благопріятствуютъ образованію галлюцинацій. Это доказывается примѣрами философовъ, поэтовъ и проч.

Галлюцинаціямъ подвержены также люди, которые, вслѣдствіе дурно направленнаго воспитанія, постоянно находятся въ чрезмѣрномъ возбужденіи, которыхъ организація стала слишкомъ впечатлительною, у которыхъ воображеніе представлено самому себѣ, всей своей пылкости. Извѣстный родъ воображенія, говоритъ одинъ новѣйшій писатель, необходимо суевѣренъ; это обыкновенно самое богатое и восторженное воображеніе; оно охотнѣе допускаетъ сказку, нежели дѣйствительность; находитъ природу слишкомъ обыкновенною, будучи увлекаемо инстинктами къ невозможному, или по крайней мѣрѣ къ идеальному. Потому-то люди съ такимъ воображеніемъ любятъ мрачный лѣсъ, ибо его тѣнистые своды должны быть населены призраками или духами.

Эта потребность баюкать себя химерами кажется намъ обильнымъ источникомъ галлюцинацій. Когда пройдетъ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ жизни въ грезахъ, тогда достаточно малѣйшаго обстоятельства, чтобы колорить сталь темнѣе, чтобы панорама остановилась на любимомъ предметѣ, на томъ, который болѣе другихъ производитъ впечатлѣніе. Мы не обращаемъ достаточно вниманія на эту туманную фантазмагорію,

среди которой живемъ. Эти неопредѣленные формы, то приближающіяся, то удаляющіяся, кидающія намъ заманчивыя улыбки, пройдя чрезъ нашъ мозгъ, теряютъ свою неопредѣленность, рисуются яснѣй и яснѣй; и если къ этому присоединится еще нравственное или физическое побужденіе, то является вдругъ мысль, яркая, образная, является галлюцинація.

Чудесныя исторіи, страшные рассказы, угрозы, бывшіе столь долго удѣломъ дѣтства, должны были расположить естественно-впечатлительные умы къ допущенію всѣхъ фантастическихъ созданій вѣка. Теперь, скажутъ, система совершенно измѣнилась, теперь пріучаютъ дѣтей смѣяться надъ этими старинными вѣрованіями. Это доказательство неопровержимо, когда говорятъ о школахъ, пансіонахъ; но годится ли оно, когда коснется дѣло нянекъ, которымъ ввѣряются первыя дѣтскія лѣта? вотъ вѣчный питомникъ глупостей, страха, ужасныхъ рассказовъ, среди которыхъ растутъ дѣти. Я приведу только одинъ примѣръ, знаменитаго англійскаго поэта, Роберта Борнса. «Я многимъ обязанъ въ дѣтствѣ, говоритъ онъ, жившей съ нами старухѣ, отличавшейся замѣчательнымъ невѣжествомъ, легко вѣріемъ и суевѣріемъ. Никто въ околоткѣ не обладалъ богатѣйшимъ запасомъ рассказовъ и пѣсенъ о чертахъ, волшебницахъ, духахъ, колдуньяхъ, волшебникахъ, блуждающихъ огонькахъ

оборотняхъ, призракахъ, привидѣніяхъ, чарахъ, гигантахъ, драконахъ, и проч. Эти рассказы не только возрастили во мнѣ зародышъ поэзіи, но имѣли такое вліяніе на мое воображеніе, что даже теперь, въ ночныхъ путешествіяхъ, я невольно смотрю на нѣкоторыя подозрительныя мѣста, и хотя никто болѣе не сомнѣвается въ подобныхъ вещахъ, однакожъ мнѣ нужно бываетъ иногда употребить всѣ усилія, чтобы избавиться отъ напраснаго страха....» (*Poésies complètes de Robert Burns, trad. de l'angl. par Wailly; Notice sur Burns. Paris, 1843*).

Мракъ, темнота, ночная тишина и уединеніе, много содѣйствуютъ развитію чувства страха, столь неосторожно брошеннаго въ душу ребенка. Ихъ глазъ немедленно видитъ странныя лица, которыя грозно смотрятъ на нихъ; ихъ комната наполняется убійцами, ворами, чудовищами всякаго рода.

Продолжительное заключеніе и полное уединеніе также принадлежать къ числу обстоятельствъ благопріятствующихъ развитію галлюцинацій. Леонъ Фоше говорятъ, что одинъ заключенный рассказывалъ Болюну и Токвиллю, что въ первые мѣсяцы уединенія онъ часто подвергался страннымъ видѣніямъ; по цѣлымъ ночамъ ему казалось, что въ ногахъ его постели сидитъ орелъ.

—Въ 1840, насчитывали въ пенитенціарной филадельфійской тюрьмѣ 10—12 случаевъ галлюцинаціи, а съ 1837 по 1841 годъ 86 заключенныхъ потеряли разсудокъ. (*Dela réformе des prisons, Revue des Deux-mondes, fevrier 1841*).

Вотъ что рассказываетъ Сильвіо Пеллико, заключенный въ Шпильбергъ:

«Въ теченіе этихъ ужасныхъ ночей, мое воображеніе до того волновалось, что мнѣ слышались то стоны, то заглушенный смѣхъ. Въ дѣтствѣ, я никогда не вѣрилъ въ колдуновъ и духовъ, но теперь, меня пугаютъ этотъ смѣхъ и стоны. Я не зналъ, какъ объяснить это, и спрашивалъ себя, не игрушка ли я какого нибудь таинственнаго и злаго существа.

«Много разъ я бралъ свѣчу дрожащею рукой и смотрѣлъ, не спрятался ли кто подъ кровать, чтобъ посмѣяться надо мной..... Когда я сидѣлъ за столомъ, мнѣ казалось, что кто-то тянетъ за платье, что невидимая рука толкнула мою книгу, которая упала на землю, что кто-то дуетъ на свѣчу, стараясь потушить ее. Я вскакивалъ, осматривался, недовѣрчиво обходилъ вокругъ комнаты и спрашивалъ себя, не сошелъ ли я съ ума.

«Призраки исчезали съ наступленіемъ утра, и,

пока было свѣтло, я чувствовалъ себя на столько твердымъ, что мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы призраки опять преслѣдовали меня. Но едва наступалъ вечеръ, какъ я начиналъ дрожать, и каждая ночь приводила съ собою странныя видѣнія предыдущихъ ночей.

«Эти ночные призраки, которые днемъ я называлъ глупыми иллюзіями, вечеромъ становились для меня ужасною дѣйствительностью!» (Silvio Pellico, *Mes prisons*, p. 127).

Нѣкоторые товарищи несчастнаго Сильвіо Пеллико имѣли тѣ же ощущенія. Гонимые болѣе всего страшился потерять рассудокъ, который, какъ онъ говоритъ, *всегда былъ готовъ исчезнуть.*

Когда умъ подготовленъ такимъ образомъ къ иллюзіямъ, достаточно случайнаго обстоятельства, напр., непривычнаго звука, особеннаго расположенія свѣта, тѣни, колебанія драпировки, чтобы придать имъ наружность дѣйствительности; большая часть любопытныхъ фактовъ не имѣетъ другой причины. Вальтеръ Скоттъ, сильно разстроенный рассказомъ о смерти Байрона, увидѣлъ, входя въ столовую, образъ своего друга. Пораженный тщательностью, съ какою воображеніе воспроизвело особенности одежды, поз у великаго поэта, онъ остановился на нѣсколько минутъ; подойдя

ближе, Вальтеръ Скоттъ увидѣлъ, что причиною этого видѣнія было расположеніе ковра, брошеннаго на экранъ.

Ферриеръ рассказываетъ, что путешествовавшій дворянинъ заблудился въ Шотландіи и просилъ гостепріимства на ночь въ бѣдной уединенной хижинѣ. Провожая его въ комнату, хозяйка съ худо скрытымъ затрудненіемъ замѣтила, что окно плохо. Осматривая его, дворянинъ увидѣлъ, что часть стѣны разобрана, съ цѣлію увеличить отверстіе. На вопросъ его объ этомъ, хозяйка отвѣчала, что жившій здѣсь нѣсколько времени тому назадъ разнощикъ повѣсилъ на двери. По мѣстному обычаю, тѣло выносятъ не въ дверь, а въ окно, и потому нашли необходимымъ расширить послѣднее, разобравъ часть стѣны. Хозяйка прибавила еще, что съ тѣхъ поръ душа бѣдняги посѣщаетъ эту комнату.

Дворянинъ приготовилъ оружіе, положилъ его около себя и легъ спать, нѣсколько взволнованный. Онъ видѣлъ страшный сонъ и, проснувшись полумертвый отъ страха, замѣтилъ, что сидитъ на постели съ пистолетомъ въ правой рукѣ. Взглянувъ вокругъ, онъ увидѣлъ при лунномъ свѣтѣ трупъ въ саванѣ у самой стѣны около окна. Послѣ долгаго колебанія, онъ рѣшился приблизиться къ этому предмету, котораго черты и всѣ части одежды онъ различалъ. Дво-

рянинъ провель рукою, но ничего не нашель и бросилъ въ постель. Спустя нѣсколько времени онъ принялся вновь за свое изслѣдованіе и тогда только узналъ, что предметъ его страха былъ ничто иное, какъ длинный лучъ мѣсяца, который его испуганное воображеніе превратило въ трупъ (Ferriar, p. 24).

Воспитаніе, всемогущее дѣйствіе котораго на зарожденіе тягостныхъ идей мы указали уже, воспитаніе, этотъ обильный источникъ нравственныхъ и физическихъ золъ, можетъ, по мнѣнію Сериза, развитъ странныя, ложныя идеи; въ этомъ случаѣ явится заблужденіе, невѣжество, предразсудокъ, но никакъ не болѣзненное состояніе. Такъ, идея женской головы, соединяясь съ чувственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ луною; идея исполинской гробницы, соединяясь съ чувственнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ горою, обуславливають болѣе или менѣе поэтическія вѣрованія, безопасныя для тѣхъ, кто допускаетъ ихъ. Совсѣмъ другое мы видимъ, когда совокупность идеи и ощущенія простирается на движенія внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ, когда напр., идея ужаснаго призрака соединена, съ самаго дѣтства, съ идеей камня или березы, какъ это часто случается въ нашихъ деревняхъ. (Serise, Des fonctions et des maladies nerveuses, Paris, 1842, p. 463). Эти ложныя идеи служатъ причиною безпокойства, страха, мученій.

Ложныя идеи въ соединеніи съ движеніемъ виѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ имѣли самое плачевное вліяніе на галлюцинаціи во всѣ времена. Упомянемъ суевѣрныя вѣрованія, остатки древнихъ культовъ, проведеншіе глубокіе слѣды въ народныхъ преданіяхъ. Когда вспомнимъ длинный родъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ поочередно владычествовала магія, астрологія, колдовство, чары, предсказанія, заклинанія, авгуры, аруспиціи, некромантія, кабала, оракулы, снотолкованіе, пѣіи, сивиллы, маны, лары, талисманы, домовые, вампиризмъ, одержимые, ликантропія, выходцы съ того свѣта, тѣни, призраки, привидѣнія, оборотни, сильфиды, феи, блуждающіе огоньки, сглазы, и проч., нельзя не вздохнуть о той легкости, съ какою заблуждается человѣкъ.

Разсмотрѣть всѣ причины, значило бы далеко выйти за предѣлы нашего труда; поэтому, мы ограничимся тѣми только, которыя имѣли большее вліянія на европейскіе народы. Таковы, вѣрованія въ могущество и тѣлесность духовъ, колдовство, магію, ликантропію, мертвецовъ, вампировъ, и проч.

Религія древнихъ, населявшая всѣ части природы божествами, геніями (подъ общимъ именемъ *демоновъ*) и проч., естественно долженствовала вести къ допущенію власти и тѣлесности въ духахъ. Вліяніе доктрины Платона, вѣроятно займ-

ствованное у Зороастра, было громадно. Изучая греческое общество, его идеи, его нравы, замѣчаешь, что философія Платона было великимъ закономъ александрійской школы. Прежде всего старались быть платониками. Отсюда столько метафическихъ и отвлеченныхъ преній, столько ошибокъ и заблужденій знаменитыхъ людей. Но всѣ эти пренія происходили въ изящномъ обществѣ. Ученые спорили за противъ, прославляясь въ школахъ или намѣстничествахъ; невѣжественный, низшій классъ шелъ въ другомъ направленіи, и какъ онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, то его умъ былъ пораженъ только матеріальною стороною культа. Онъ остановился, такъ сказать, на границѣ. Не будучи въ состояніи ни отличать въ преніяхъ, ни отвѣчать язычникамъ, ни наставлять неопитовъ, онъ понималъ въ культѣ только то, что относилось къ матеріальной его сторонѣ, и понималъ это строго буквально; такъ, злое начало вскорѣ пріобрѣло болѣе или менѣе страшныя формы. Подверженныхъ галлюцинаціямъ преслѣдовали тогда черные духи съ рогами, копытами и длиннымъ хвостомъ.

Исторіи о духахъ, распространенныя невѣжествомъ, любовью къ чудесному, страхомъ, допущенныя легковѣріемъ, покорили умы подъ власть ужаса, увеличенію котораго содѣйствовало все: каждому казалось, что онъ видѣлъ, слышалъ, касался духа.

Таково происхожденіе галлюцинацій, которыя повсемѣстно царствовали нѣсколько вѣковъ, которыя еще нынѣ встрѣчаются въ Лапландіи, сѣверной Европѣ, и проч. Самые знаменитые люди заплатили дань доктринамъ своей эпохи, но ихъ галлюцинаціи не имѣли никакого вліянія на разумъ, поведеніе, поступки; совершенное ими было результатомъ ихъ воспитанія и нисколько не запечатлѣно сумасшествіемъ.

Допускать тѣлесность духовъ, значило допускать договоры, сношенія съ ними, другими словами, колдовство, одержимость, ликантропію. Это обстоятельство было источникомъ огромныхъ безпорядковъ, которые только усиливались отъ костровъ и эшафотовъ.

Мужчины, женщины, дѣти, убѣждали себя, что они присутствовали на шабашѣ, видѣли тамъ своихъ товарищей, знакомыхъ. Вѣря подобнымъ вымысламъ, судьи приговаривали къ казни тысячи жертвъ.

Это прямое сношеніе съ духами, признанное и допущенное, необходимо долженствовало вести ко всякаго рода глупостямъ и сумасбродствамъ. Каждый смотрѣлъ на это, сообразно съ складомъ своего ума, и вскорѣ безсмысленныя фантазіи умовъ, ослабленныхъ болѣзнію или несчастіемъ, повторявшіяся со всѣхъ сторонъ, образовали родъ

системы вѣрованій, которая, проникая во все головы съ первыми основаніями воспитанія, подчинила своему вліянію самые могучіе умы.

Важная роль магіи въ исторіи начинается не прежде 1484. Булла Иннокентія VIII зажгла дремавшіе костры.

Въ 1651, англичанинъ Пореджъ выдаетъ за дѣйствительность свои видѣнія, порожденныя крайнимъ возбужденіемъ мозга. Онъ и его ученики, Лидъ Т. Бромлей, Гукеръ, Сабертонъ и другіе, имѣли, въ первое собраніе, неописанно великолѣпное видѣніе. Закрывали ль они или нѣтъ глаза, упомянутыя лица видѣли совершенно ясно свое видѣніе.

~~Въ~~ концѣ XVI вѣка, докторъ Ди говоритъ, по видимому, съ искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ имѣетъ сношенія съ сверхъестественными силами. Товарищъ его, докторъ Ричардъ Непиръ, родственникъ знаменитаго изобрѣтателя логариѣмъ, былъ убѣжденъ, что невидимая сила подсказываетъ ему, какіе писать рецепты.

Нѣкоторыя особенныя причины увеличили въ Англіи меланхолическое расположеніе умовъ и развили ужасъ, неизвѣстный въ другіе періоды ея исторіи. Этими причинами авторы считаютъ мрачный характеръ строгихъ пуританъ той эпо-

хи, перемѣны въ жилищахъ благородныхъ фамилій, конфискованныхъ пуританами въ свою пользу, и рассказы, распространяемые прежними владѣльцами.

Одинъ изъ рассказовъ, помѣщенный въ *Монстрелетской хроники* (t. III, fol. 24, Paris, 1572) можетъ дать понятіе о вѣрованіяхъ того времени.

Исторія луденскихъ демоновъ слишкомъ извѣстна, чтобы рассказывать ее; мы замѣтимъ только, что въ описаніи одного явленія видны всѣ признаки галлюцинаціи. Одна изъ сестеръ видѣла ночью призракъ, окруженный красноватымъ свѣтомъ. Она подошла къ нему и узнала тѣнь умершаго знакомаго. Тѣнь разговаривала съ нею и потомъ исчезла, обѣщая явиться на слѣдующую ночь. Дѣйствительно, призракъ сдержалъ свое слово. Они долго разговаривали. Вдругъ призракъ измѣнился; онъ сталъ похожъ на Грандье и началъ говорить о любви. Понятно, что такой рассказъ долженъ былъ имѣть вліяніе на впечатлительное воображеніе женщинъ, и что немедленно обнаружился видѣнія у другихъ сестеръ.

Въ исторіи Маріи Саянсъ находимъ совокупное вліяніе вѣрованій, эпохи и пола (Jules Garnet, *Histoire de la magie en Trance*, p. 198.

Paris, 1816). Нѣтъ нужды говорить, что все, въ чемъ обвиняли Саинсъ, были только иллюзіи.

Начало ликантропіи относится къ самой древней эпохѣ язычества. Въ этой иллюзіи, несчастные считали себя превращенными въ оборотней. Иногда, мнимое превращеніе совершалось при помощи ядовитаго питья, мази. Геродотъ говоритъ, что подобныя превращенія очень обыкновенны. Одинъ писатель увѣряетъ, что извѣстныя женщины въ Италіи превращаются въ лошадей посредствомъ нѣкотораго яда. Но преимущественно въ XIV и XV вѣкахъ распространилась въ Европѣ эта странная иллюзія. Цинантропы и ликантропы бѣжали изъ своихъ жилищъ въ лѣса, отращивая когти, волосы, бороду, и доводя жестокость до того, что уродовали, иногда убивали и пожирали несчастныхъ дѣтей (Jules Garinet, p. 118).

Віеріусъ рассказываетъ о странномъ процессѣ въ Безансонѣ въ 1521. Это былъ случай ликантропіи, недопускающій никакого сомнѣнія въ сумасшествіи однихъ и невѣжествѣ другихъ.

Инквизиторъ изслѣдовалъ дѣло и приказалъ привести трехъ обвиненныхъ, которые назывались Петръ Бюрго, Мишель Вердёнъ и Петръ Толстякъ.—Всѣ трое признались, что, намазавшись жиромъ, они имѣли связь съ волчицами съ такимъ же удовольствіемъ, какъ съ женщинами

когда были людьми. Бюрго признался, что лапами и зубами онъ убилъ мальчика и съѣлъ бы его, еслибъ не прогнали крестьяне. Мишель Вердёнъ сказалъ, что убилъ дѣвочку, собиравшую горохъ въ саду, и что вмѣстѣ съ Бюрго убилъ и съѣлъ четырехъ другихъ дѣвочекъ.—Онъ разсказалъ время, мѣсто и лѣта дѣтей, прибавя, что онъ и его товарищи употребляли порошокъ, отъ котораго гибли люди. Эти убійства существовали только въ воображеніи обвиненныхъ.

Всѣ трое сожжены живые (Böttiger älteste Spuren der Wolfswuth in der griechischen Mythologie, nebst Zusätzen von Spenkel, in dessen Beiträgen zur Gesch. der Med.—Friedreich Literaturgesch., p. 27—28).

Осенью XII года, одинъ каменщикъ впалъ, безъ видимой причины, въ мрачную меланхолію. Ночью онъ имѣлъ фантастическія видѣнія, а утромъ бѣжалъ въ уединенныя мѣста. На второй день своей болѣзни онъ отказался отъ пищи, но, спустя два дня, съ жадностью бросился на предложенное ему кушанье; онъ ворчалъ по-волчьи и много разъ доходилъ до бѣшенства съ желаніемъ кусать. На четырнадцатый день, при наступленіи ночи, онъ опять убѣжалъ въ поле, гдѣ снова испускалъ страшный ревъ, который прекратили обливаніемъ холодною водою. Эта странная болѣзнь повидимому окончилась въ восемнад-

цатый день жестокимъ лихорадочнымъ припадкомъ, который продолжался около сутокъ. Полное выздоровленіе кажется наступило безъ всякаго медицинскаго пособія. (Matthey, Nouvelles recherches sur les maladies de l'esprit, 1816, p. 96).

Въ 1603, на дѣвочку Пуарье напалъ среди бѣлаго дня волкъ, и нѣкто Гренье хвалился, что это была онъ и что съѣлъ бы дѣвочку, еслибъ его не прогнали. Еще прежде, пася стада, онъ рассказывалъ ей, какъ превращается въ волка и пожираетъ собакъ и дѣтей. При этомъ Гренье говорилъ множество согласныхъ съ волчьею природою вещей, которыя совершилъ онъ одинъ или вмѣстѣ съ товарищами, превращавшимися въ волковъ.

Многіе авторы полагаютъ, что нечувствительность можетъ причинить галлюцинаціи, которыя представляются преимущественно въ видѣ ошибокъ относительно личности въ физическомъ отношеніи. Вѣроятно, что такое болѣзненное расположеніе существовало у многихъ ликантроповъ, у которыхъ безпорядочность идей присодинялась къ этому симптому и производила ихъ странныя иллюзіи. Замѣчательно, что въ наше время существуетъ у абиссинцевъ суевѣріе, которое очень похоже на суевѣріе европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Подобно имъ, они вѣрятъ въ зоо-

морфизмъ, этотъ живой образъ ликантропіи. Такъ, классъ горшечниковъ и кузнецовъ считается вообще обладающимъ способностью превращаться въ гіенъ и другихъ дикихъ животныхъ и производить болѣзни. Но, вмѣсто того, чтобы всходить на костры, подобно средневѣковымъ оборотнямъ, они живутъ спокойно, внушая только страхъ. (Peare, séjour en Abyssinie, publié par lord Vabntia; Revue britannique, juillet 1831, p. 78 et 102).

Мистическія идеи, изъ которыхъ происходила большая часть вышеупомянутыхъ вѣрованій, чрезвычайно благопріятствовали зарожденію галлюцинацій. Убѣжденіе было общее, сомнѣніе неизвѣстно, а потому и вліяніе идей было безгранично. Всѣ умы стремились къ невѣдомому, но, сообразно самой природѣ чувствъ, впечатлѣній, одни предавались строгому воздержанію, которое, вмѣстѣ съ уединеніемъ, страхомъ осужденія, производило самыя ужасныя видѣнія. Другіе, напротивъ, предаваясь созерцанію, впадали въ экстазъ. По той же самой причинѣ, у язычниковъ, люди съ желчнымъ темпераментомъ были преслѣдуемы фуріями, адскими божествами, тогда какъ люди съ сангвиническимъ темпераментомъ видѣли сильфовъ, фавновъ, олимпійскія божества.

Вѣрованіе въ духовъ, всюду и издревле допущенное, увѣренность въ сношеніяхъ съ фавнами,

сильванами, наядами, демонами у грековъ, съ нимфами у римлянъ, съ геніями, гнами у восточныхъ народовъ,—вотъ причины тѣхъ многочисленныхъ галлюцинацій, которыя разсказаны во многихъ книгахъ. Этимъ-то вѣрованіямъ надобно приписать исторіи о духахъ, которые открываютъ важныя вещи, возвѣщаютъ близкую смерть, и мертвецахъ, которые сосутъ кровь своихъ жертвъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что множество видѣній не совпало ни съ одною изъ важныхъ эпохъ и даже не сопровождалось никакимъ замѣчательнымъ событіемъ; поэтому, они пришли въ забвеніе. За то, громко кричали о тѣхъ, которыя случайно осуществились.

Такова исторія, разсказанная Бомономъ, одна изъ интереснѣйшихъ въ этомъ родѣ. Героиня событія, случившагося въ 1662, была дочь сэра Чарльса Ли. Относительно подлинности факта не можетъ быть никакого сомнѣнія: онъ записанъ глостерскимъ епископомъ со словъ отца упомянутой дѣвицы.

Первая жена Чарльса Ли умерла родами, давъ жизнь дочери. Леди Эверардъ, сестра покойницы, пожелала воспитать ребенка, которому и дала прекрасное образованіе. Достигши извѣстныхъ лѣтъ, эта дѣвица стала невѣстою сэра Уильяма

Перкинсъ, но совершенію брака помѣшало чрезвычайно странное обстоятельство.—Однажды ночью, миссъ Ли замѣтила свѣтъ въ своей комнатѣ; она тотчасъ позвала горничную, чтобы спросить, зачѣмъ та не потушила лампы. Последняя отвѣчала, что въ комнатѣ нѣтъ другаго свѣта, кромѣ принесеннаго ею; что огонь вездѣ потушенъ и что, вѣроятно, миссъ Ли видѣла свѣтъ во снѣ. Успокоившись, упомянутая дѣвица заснула опять. Около двухъ часовъ, проснувшись вновь, она увидѣла женщину маленькаго роста, которая назвала себя ея матерью и сказала, что судьба миссъ Ли очень счастлива, и обѣщала посѣтить ее въ полдень того же дня.

Миссъ Ли опять позвала служанку, одѣлась и взошла въ свой кабинетъ, откуда вышла только въ 9 часовъ съ письмомъ къ отцу. Письмо это она отдала теткѣ, леди Эверардъ, рассказала ей случившееся ночью и просила передать письмо по адресу, какъ только она умретъ. Принявъ племянницу за сумасшедшую, леди Эверардъ тотчасъ послала въ Чельмсфордъ за врачомъ и хирургомъ, которые немедленно явились. Они не могли открыть никакихъ признаковъ умопомѣшательства, но тѣмъ не менѣе леди Эверардъ требовала пустить кровь ея племянницѣ, что и было исполнено.

Около полудня она встала, усѣлась въ боль-

шое кресло и, вздохнувъ разъ или два, умерла. Тѣло такъ скоро охладѣло, что врачъ и хирургъ пришли въ удивленіе. Она умерла въ Уэльтгемѣ, въ графствѣ Эссексъ, въ трехъ миляхъ отъ Челм-сфорда. Письмо отправили къ сэру Чарльсу, въ графство Уарвикъ; тотъ до такой степени опечалился, что пріѣхать только послѣ погребенія. Прибывши въ Уэльтгемъ, онъ, по просьбѣ дочери, велѣлъ перенести ея тѣло въ Эдмонтонъ и положить его рядомъ съ тѣломъ своей жены (Hibbert).

Этотъ фактъ легко объяснить по нашему мнѣнію: воображеніе, весьма впечатлительное у молодой дѣвушки, должноствовало быть крайне возбуждено при наступленіи роковаго часа. Возбужденность нервной системы, въ организаціи вѣроятно нѣжной, достигла такой степени, что жизнедѣятельность вдругъ прекратилась. Что касается до предсказанія, то благоразумные люди увидятъ въ немъ только случайность, благопріятную подобнаго рода вѣрованіямъ, потому что иначе исторія эта не нашла бы себѣ автора.

Въ интересномъ сочиненіи доктора Форбса Уинсло, помѣщенъ подобный же рассказъ, заимствованный изъ *American journal of insanity*, octob. 1859. Молодая особа, о которой идетъ рѣчь, имѣла 19 лѣтъ; она пользовалась хорошимъ здоровьемъ, но была задумчива, хотя безъ

грусти; одинъ изъ ея дядей лишился разсудка. Отецъ, умершій сорока четырехъ лѣтъ, имѣлъ грустныя предчувствія. Упомянутая особа разсказала своему врачу, специалисту въ болѣзняхъ разсудка, что она имѣла семь видѣній, совпадавшихъ каждое съ смертью ея родственника или друга, и что въ трехъ случаяхъ смерть этихъ особъ бывала въ самую минуту видѣнія. Въ первый разъ, когда случилась упомянутая галлюцинація, особа эта приготовляла себѣ нарядъ къ вечеру, какъ вдругъ замѣтила въ зеркалѣ, что изъ-за ея плеча смотреть чье-то лицо съ сѣдыми волосами. Спустя мѣсяць, она получила извѣстіе о смерти дяди, послѣдовавшей въ ту самую минуту, когда она видѣла въ зеркалѣ сѣдую голову. Во второй разъ, она проспавшись увидѣла, что надъ нею наклонился молодой человѣкъ, бывшій тогда въ Индіи; я сѣла, говоритъ она, на постели, онъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, продолжая смотрѣть на меня, и потомъ исчезъ. Спустя нѣсколько времени, узнали, что этотъ молодой человѣкъ умеръ отъ горячки въ тотъ день, когда героиня разсказа имѣла вышеописанное видѣніе. Въ третій разъ, она во время сна получила сильный ударъ въ голову, за которымъ послѣдовалъ второй. Тогда она сказала своей матери, что вѣроятно придетъ извѣстіе о смерти кого-либо изъ близкихъ имъ. Черезъ нѣсколько недѣль дѣйствительно узнали, что отецъ одной изъ ея тетокъ найденъ мертвымъ въ своей ком-

натѣ. (Forbes Winslow, On obscure diseases of the brain and disorders of the mind, London, 1860, p. 239).

Въ Шотландскихъ горахъ и нѣкоторыхъ странахъ Германіи, еще вѣрятъ въ дѣйствительность привидѣній, которыя, какъ говорятъ, служатъ предвѣстниками близкой смерти.

Въ недавно изданномъ, замѣчательномъ сочиненіи находится анекдотъ о знаменитомъ Бокнигемѣ. Сэръ Джорджъ Уилльерсъ, отецъ герцога, три раза являлся одному изъ офицеровъ, чтобы предупредить его о несчастіи, грозившемъ его сыну. Этотъ офицеръ пренебрегъ явленіемъ два раза. Послѣ третьяго раза онъ пошелъ къ своему другу, сэру Ральфу Фриманъ, и упросилъ его добиться отъ герцога частной аудіенціи, въ которой обѣщаль открыть ему весьма важныя вещи. Офицеръ разсказалъ сообщенныя ему призракомъ подробности, стараясь доказать герцогу, что онъ не имѣетъ намѣренія обманывать его. Герцогъ сдѣлался очень задумчивъ послѣ этого свиданія. Какая была цѣль предупрежденія? Возбудить неопредѣленное опасеніе насчетъ опасности, которую невозможно было предвидѣть, потому что предупрежденіе высказано въ слишкомъ неопредѣленныхъ словахъ, чтобы герцогъ могъ принять надлежащія мѣры. (George Brodie, Histoire de l'empire britannique, vol. XI).

Видѣніе Дефонтена, надѣлавшее много шума въ началѣ XVII вѣка, повидимому зависѣло отъ обморока и воспоминанія о другѣ.

Безуель, 15 лѣтъ, заключилъ тѣсную дружбу съ другимъ молодымъ человѣкомъ, Дефонтеномъ. Они написали письменный договоръ въ томъ, что умершій явится оставшемуся въ живыхъ. Спустя нѣсколько времени, Дефонтень уѣхалъ въ Каенъ.

Въ іюлѣ 1697 г., Безуель косилъ сѣно, когда почувствовалъ слабость и слѣдующую ночь провелъ очень дурно. Несмотря на это нездоровье, онъ отправился на другой день въ поле; припадокъ повторился. На третій день, слабость была сильна. «Я лишился чувствъ, говоритъ онъ. Мнѣ подали помощь, но мой умъ былъ чрезвычайно разстроенъ. Поднявшіе меня люди увѣряли, что когда они спрашивали, чѣмъ я боленъ, я отвѣчалъ имъ: *я видѣлъ то, чего никогда не думалъ видѣть*. Ни вопроса, ни отвѣта я не помню.

«Спустя нѣсколько минутъ, всходя на лѣстницу, я замѣтилъ своего товарища, Дефонтена. При видѣ его, я упалъ въ обморокъ. Меня подняли и посадили. Я не видѣлъ ни хозяина дома, ни его людей, хотя они стояли предо мной, но видѣлъ Дефонтена, который знакомъ приглашалъ меня подойти. Я подвинулся, какъ бы желая дать ему мѣсто. Это движеніе замѣтили присутство-

вавшія лица, которыхъ я не видѣлъ, хотя мои глаза были открыты.

«Такъ какъ Дефонтенъ не двигался съ мѣста, то я пошелъ ему на встрѣчу; правою рукой онъ взялъ меня за лѣвую и, сильно сжимая, отвелъ шаговъ на тридцать въ переулокъ.

«Считая меня совершенно оправившимся, слуги занялись своимъ дѣломъ, кромѣ маленькаго жокея, который сказалъ хозяину, что я разговариваю самъ съ собой. Тотъ подумалъ, что я пьянъ, подошелъ ко мнѣ и слышалъ, какъ я предлагалъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ.

«Мой разговоръ съ Дефотеномъ продолжался три четверти часа».

Это видѣніе и разговоръ повторялись нѣсколько разъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что смерть молодого человѣка скоро сдѣлалась извѣстна. Весьма вѣроятно, обморокъ Безуеля былъ причиною видѣнія. Я знаю, говоритъ Ферриеръ, по своему опыту и по наблюденію другихъ, что обмороку предшествуютъ иногда иллюзіи, видѣнія, которыя не иное что, какъ воспоминаніе знакомыхъ образовъ. Надобно еще замѣтить, что весьма часто болѣзненное впечатлѣніе существуетъ долго послѣ выздоровленія. Одинъ человѣкъ вообразилъ въ припадкѣ сумасшествія, что ему завѣщено

огромное имущество; эта идея оставила его только спустя много времени послѣ выздоровленія, и больной едва могъ убѣдиться въ ея ложности. (Journal de Trévoux, t. VIII, p. 1724 — Fergiar).

Воспоминаніе лица, голоса близкаго друга, можетъ быть причиною галлюцинаціи. Таково было знаменитое явленіе Фицинуса Мишелю Меркатусъ. (Baronii, Annales).

Когда человѣкъ преданъ суевѣрію и страху, то нѣтъ ни одной странной идеи, которая не могла бы сдѣлаться для него дѣйствительностію. Одна изъ самыхъ поразительныхъ сумасшествій подобнаго рода есть такъ называемый *вампиризмъ*. Этотъ родъ эпидеміи царствовалъ въ началѣ XVIII вѣка, во многихъ частяхъ Венгріи, Моравіи, Силезіи и Лоррени. Подверженные ей крестьяне полагали, что по смерти душа ихъ врага можетъ являться имъ въ различныхъ формахъ. Нѣкоторымъ казалось, что эти злые призраки хватаютъ ихъ за горло, душатъ, сосутъ ихъ кровь. Другіе утверждали, что дѣйствительно видѣли этихъ жестокихъ чудовищъ.

Нѣкоторыя идеи, экзальтируя воображеніе, производили многочисленные экстазы. Этому-то вліянію надобно приписать видѣнія Парацельса, конвульсіонеровъ и секуристовъ, севенскихъ экста-

тиковъ, луденскихъ одержимыхъ, конвульсіонеровъ Корнуэльса и острововъ Шотландскихъ, и проч.

Указывая идеи, которыя преимущественно содѣйствовали галлюцинаціямъ, мы обратили вниманіе на нѣкоторыя средневѣковыя вѣрованія; но чтобы основательно судить о вліяніи той эпохи странныхъ ошибокъ, прекрасныхъ грезъ, великолѣпныхъ фантазій и безсмертныхъ вымысловъ, намъ кажется необходимымъ бросить взглядъ на, странныхъ, страшныхъ или граціозныхъ существъ, которыми населяли тогда міръ. (Ferdinand Denis *Le monde enchanté, cosmographie du histoire naturelle et fantastique du moyenâge*, Paris, 1842.—Bekker, *Le monde enchanté*, 4 vol., Amsterdam, 1694.—Morin, *Du magnétisme et des sciences occultes*, Paris, 1860).

Не одни опустошенія и смерть принесли съ собою варвары. Они внѣдрили еще свои вѣрованія въ умы.—Въ первый разъ, римскій народъ услышавъ о Гименбергѣ, небесномъ городѣ, котораго достигаютъ чрезъ радужный мостъ; о Нифлеимѣ, подземномъ мірѣ, гдѣ текутъ отравленныя рѣки; о волкѣ Фенрисѣ, который на столько силенъ, что можетъ потрясти вселенную; о змѣѣ Іормогодурѣ, которая обвиваетъ своими кольцами земной шаръ; о Грасвитнирѣ, который своимъ свистомъ долженъ утратить ее, и о колоссальномъ Экстир-

нирѣ, лани съ гигантскими рогами, изъ которыхъ вытекають рѣки.

Выслушивая подобные рассказы, люди, которымъ древность завѣщала центавровъ, минотавровъ, сатировъ, фавновъ, пановъ, и проч., и которымъ казалось, что они могутъ встрѣтить эти существа въ уединеніи, не могли остановиться на такой прекрасной дорогѣ; поэтому, со всѣхъ сторонъ являлись чудесныя созданія. (Letronne, *Revue des Deux mondes*. — Daunou, *Histoire littéraire de la France*).

Вдругъ все смолкло; суевѣрія варваровъ исчезли, и голосъ Магомета создавалъ чудесное въ другой части свѣта.

Но худо истолкованныя нѣкоторыя догмы произвели страшное волненіе въ послѣдніе годы IX вѣка; люди ждали конца свѣта. Надобно припомнить величественные образы XI и XII вѣковъ, чтобы составить вѣрное понятіе о страхѣ, тяготѣвшемъ тогда надъ Европой.

Съ своей стороны, естественная исторія содѣйствовала умноженію ошибокъ воображенія, расширяя сферу вымысла. Существованіе феникса, роха, летучей змѣи, считалось дѣйствительностью. Кости мамонта принимались за кости исполиновъ. Въ воздухѣ жили страшные драко-

ны, базилиски, крылатыя змѣи. Пещеры населены были чудовищами съ пламенными очами. Моря служили жилищемъ великому кракену, морскому владыкѣ и отшельнику. Талмудъ обогащаль эту коллекцію прихотливыхъ созданий доказывая существованіе лилиеовъ, ламій, стригій.

Открытіе Америки дало новое направленіе умамъ. Презирая тысячи опасностей, авантюристы стремились отыскать Эльдorado, земной рай, источникъ юности. Громадныя лѣса Малабара населились странными созданіями, соединявшими въ себѣ вымыслы Индіи и Европы.—Ложь похожа на змѣю, говоритъ Феихоо, испанскій Вольтеръ; она безконечно размножается. Принужденныя отступить предъ рождающеюся наукой (XVI вѣкъ), средневѣковыя преданія искали послѣдняго убѣжища въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ немногаго не доставало, чтобы они осуществились.

Этотъ очеркъ, краткій для однихъ, слишкомъ длинный для другихъ, казался намъ необходимымъ, чтобы уяснить, какимъ образомъ смѣсь чудеснаго, ужаснаго, невѣжества, бывшая въ теченіе долгаго періода среднихъ вѣковъ кодексомъ человѣческаго рода, родила множество ложныхъ идей, которыя были истинными причинами галлюцинацій, коихъ слѣды встрѣчаются на каждой страницѣ исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно видно, почему ихъ нельзя считать симптомомъ су-

масшествія. Подвергавшіеся имъ находились подъ вліяніемъ мнѣній того времени; тѣмъ не менѣе, эти люди были способны исполнять свои обязанности общественной жизни. Сильно возбужденное разсказами, преданіями, отсутствіемъ всякой критики, ихъ воображеніе видѣло то, что будто бы видѣли другіе. Зараза охватила всѣхъ.

Намъ остается сказать еще о нѣкоторыхъ особенныхъ вліяніяхъ, благопріятствующихъ галлюцинаціямъ. Изслѣдованіе этихъ вліяній представляетъ значительный интересъ.

Страхъ, въ сущности одинъ и тотъ же, но измѣняющій формы сообразно эпохамъ, создалъ множество галлюсинированныхъ, которымъ казалось, что ихъ преслѣдуютъ враги, стражи, палачи.

Одинъ изъ чиновниковъ замѣчаетъ покражу въ магазинѣ; мрачное отчаяніе овладѣваетъ имъ. Онъ кричитъ, что его ищутъ, видитъ жандармовъ, окружающихъ домъ; эшафотъ готовъ, палачъ ждетъ виновнаго. Напрасно выводятъ его изъ дому, чтобы доказать, что вся эта сцена существуетъ только въ его воображеніи; онъ постоянно видитъ эшафотъ и жандармовъ. Чтобы избѣжать этой мнимой смерти, онъ посягаетъ на самоубійство.

Гораздо чаще, нежели можно бы предполагать, сумасшествіе бываетъ результатомъ угрызений совѣсти. Это замѣчаніе относится также къ галлюцинаціямъ. Семирамида всюду видѣла блѣдное лицо Нина. Исторія смерти хирургъ Манури служить вѣрнымъ доказательствомъ; кромѣ того, она объясняетъ галлюцинаціи многихъ преступниковъ.

Манури, врагъ Урбена Грандье, былъ избранъ 26 апрѣля 1634 изслѣдовать, дѣйствительно ли обвиненный имѣетъ какой либо нечувствительный пунктъ тѣла. Это порученіе онъ исполнилъ съ самою отвратительною жестокостію, и нельзя вспомнить о страданіяхъ несчастнаго Грандье, чтобы не задрожать отъ ужаса. Впослѣдствіи, Манури раскаялся въ своей жестокости, ибо «однажды вечеромъ около 10 часовъ, возвращаясь отъ больного вмѣстѣ съ товарищемъ и еще другимъ человекомъ, онъ вдругъ вскричалъ: А! вотъ Грандье! Чего ты хочешь отъ меня?» и впалъ въ бѣшенство. Потерявъ надежду привести его въ себя, спутники отвели Манури домой и положили въ постель. Во все это время Манури говорилъ съ Грандье, котораго будто бы имѣлъ передъ глазами, и не переставалъ дрожать отъ страха. Состояніе его нисколько не измѣнилось въ теченіе немногихъ, прожитыхъ еще имъ дней. Онъ умеръ вѣря, что видитъ Грандье, и стараясь оттолкнуть его. (Sauzé, Essai medico-historique sur les possédées de Loudun, p. 44. Paris. 1839).

Сюлли говорить, что въ уединеніи Карла IX преслѣдовали крики и стоны, которые онъ слышалъ въ Вареоломѣевскую ночь. (Suilly, Mémoires, liv. I.—Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, 2 série t. I, p. 245).

Когда на душѣ лежитъ тяжкое преступленіе или сильный страхъ, тогда близка мономанія и нерѣдко обвиняющіе голоса ужасають виновнаго и доводятъ его до сумасшествія. Такимъ же образомъ можно объяснить страхъ народа къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ пролито много крови.

Смерть Бофора, убившаго герцога Глостерскаго, наступила среди самыхъ ужасныхъ обстоятельствъ. Мучась отчаяніемъ, онъ предлагалъ смерти свои несмѣтныя сокровища за нѣсколько дней жизни. Въ послѣднія минуты онъ, повидимому, испытывать все муки ада. Онъ протягивалъ руки и кричалъ: *Уйди! уйди! зачемъ такъ смотришь на меня?* Эти слова очевидно доказываютъ, что Бофоръ видѣлъ какой нибудь страшный призракъ, безъ сомнѣнія, призракъ Глостестера. (Forbes Winslow).

Въ своемъ сочиненіи *Entretiens sur le suicide*, аббатъ Гилльонъ приводитъ замѣчательный примѣръ дуелиста, который убилъ 17 человѣкъ и котораго всюду преслѣдовали призраки его жертвъ.

Многіе врачи замѣтили появленіе галлюцинацій у людей, сильно занятыхъ извѣстною идеей, страстью. Въ своемъ сочиненіи, Эскироль говоритъ, что галлюцинаціи обыкновенно имѣють связь съ занятіями ума и тѣла, или же съ самою природой причины, которая потрясла мозгъ. Галлюцинаціи, прибавляетъ онъ, могутъ быть также слѣдствіемъ вольнаго или невольнаго повторенія впечатлѣній мозга. (*Esquirol, des maladies mentales, 2 vol., 1838*).

Въ октябрѣ 1833, одна 28-лѣтняя женщина, родомъ піемонтка, отправилась на балъ въ селеніи; здѣсь она танцевала до упаду въ теченіи трехъ дней и съ тѣхъ поръ постоянно слышала восхитительную музыку. Эта галлюцинація нарушила жизненные функціи и наконецъ довела до нервнаго истощенія. Докторъ Броссеріо замѣчаетъ, что музыкальные звуки возрастали вмѣстѣ съ болѣзнію и прекратились только въ моментъ смерти.

Когда воспоминанія пріобрѣтають живость первыхъ впечатлѣній, или когда продолжаются одни и тѣ же ощущенія, тогда становится невозможно отличить ихъ отъ дѣйствительности. Это именно и бываетъ, когда чрезмѣрно возбуждаютъ впечатлительность мозга, непрерывно занимая его однимъ и тѣмъ же предметомъ. Тогда видимъ, слышимъ свои собственные мысли такъ же ясно, какъ будто образы и звуки приходили извнѣ и

разсудокъ, обманутый ложнымъ впечатлѣніемъ, впадаетъ въ заблужденіе.

Тассо, любовь котораго сдѣлалась источникомъ всѣхъ его несчастій, сталъ наконецъ вѣрить, что имѣеть генія, который разговариваетъ съ нимъ; Тассо говорилъ, что отъ этого генія онъ узналъ такія вещи, о какихъ никогда не читалъ и не слышалъ и какихъ до него никто не зналъ. Мансо, его другъ, рассказываетъ, что, желая однажды убѣдить его въ иллюзіи, получилъ слѣдующій отвѣтъ: Такъ какъ мои доводы не могутъ убѣдить васъ, то я прибѣгну къ опыту, дабы вы сами видѣли генія, о которомъ я говорю и въ существованіе котораго вы не вѣрите мнѣ на слово.—Согласенъ, отвѣчалъ Мансо. На слѣдующій день, когда они оба сидѣли около огня, поэтъ сталъ пристально смотрѣть на окно, не отвѣчалъ на вопросы друга и вѣроятно не слыхалъ, что тотъ говорилъ.

«Наконецъ, сказалъ онъ, вотъ мой геній явился; любуйтесь имъ и вѣрьте всему, что я вамъ говорилъ.» Мансо взглянулъ по указанному направленію, но ничего не замѣтилъ, кромѣ солнечныхъ лучей, проникавшихъ чрезъ окно въ комнату. Между тѣмъ какъ Мансо смотрѣлъ во всѣ стороны, не находя ничего необыкновеннаго, Тассо занялся весьма серьезнымъ разговоромъ, ибо, прибавляетъ Мансо, хотя я видѣлъ и слы-

шаль только его одного, однакожь рѣчь поэта была такъ расположена, какъ будто разговаривали два собесѣдника; онъ поочередно спрашивалъ и отвѣчалъ. Разговоръ касался столь высокихъ предметовъ, слогъ до того былъ возвышенъ и необыкновененъ, что я пришелъ внѣ себя отъ удивленія; я не смѣлъ ни говорить, ни спросить его, гдѣ находился указанный имъ геній, съ которымъ онъ бесѣдуетъ.

«Удивленный этимъ событіемъ, я очнулся тогда только, когда Тассо, обратившись ко мнѣ, сказалъ: «Избавились ли вы отъ своихъ сомнѣній?» . Далекое нѣтъ, отвѣчалъ я; они стали гораздо сильнѣе; я слышалъ удивительныя вещи, но ничего не видѣлъ изъ того, что вы прежде рассказывали мнѣ.» (*Vie du Tasse par Manso.—La théorie des songes, par l'abbé Richard, p. 235. — Naole's Life of Tasso, p. 48.—Friend, by S. T. Coleridge, vol. XI, p. 236.—Feil's Fieberlehre, Halle, 1802).*

Въ этомъ интересномъ наблюденіи мы замѣчаемъ тотъ же фактъ, который указали въ грезахъ, и именно, разговоръ какъ бы происходящій между двумя лицами, тогда какъ его ведетъ одно лицо. Сюда же можно отнести чувство двойственности, замѣчанное нами во многихъ случаяхъ. Такъ, нѣкоторые слышатъ голосъ, приказывающій имъ убить себя; они уже готовы прекратить

свои дни, какъ другой голосъ кричить имъ, что не слѣдуетъ посягать на самоубійство.

Незначительныя повидимому причины могутъ содѣйствовать развитію иллюзій и галлюцинацій; нижеслѣдующая кажется не упомянута ни однимъ авторомъ.

Вечернее чтеніе и разговоръ о печальныхъ или просто о трогательныхъ предметахъ, продолжавшіеся довольно долго, производили много разъ родъ головокруженія у нервныхъ, впечатлительныхъ особъ, и вели къ безпокойству, страху, даже къ видѣніямъ. Конолли говорить, что находившіяся въ этихъ условіяхъ дѣти просыпались среди страшныхъ сновидѣній и въ теченіе известнаго времени имѣли важное понятіе относительно окружающихъ предметовъ (р. 322). Мы пользовали одного весьма образованнаго и просвѣщеннаго человѣка, который, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ жестокой лихорадки, приходилъ каждый вечеръ въ неописанный ужасъ, невыразимый страхъ, и ежемгнута ожидалъ увидѣть призракъ. Онъ сознавалъ, что это состояніе было слѣдствіемъ его болѣзни; но едва наступала темнота, какъ исчезала вся его твердость.

Хотя этотъ обзоръ нравственныхъ причинъ иллюзій и галлюцинацій весьма недостаточенъ, однакожь можетъ дать понятіе объ ихъ проис-

хожденіи и объ условіяхъ, благопріятствующихъ имъ.

Физическія причины.—Исчисленіе нравственныхъ причинъ, возбуждающихъ галлюцинаціи, достаточно показало, что постоянныя, преобладающія идеи, сильныя страсти, усиленное занятіе, могутъ вести къ вышеупомянутымъ слѣдствіямъ у предрасположенныхъ особъ. Разсказывать новыя факты значило бы бесполезно увеличить число уже имѣющихся. Изслѣдованіе физическихъ причинъ, вліяніе которыхъ сдѣлалось теперь гораздо значительнѣе, повело бы насъ къ повторенію фактовъ, которые мы уже рассказали на предыдущихъ страницахъ. Намъ остается только разсмотрѣть нѣсколько фактовъ, въ которыхъ вліяніе причины можетъ дать полезныя свѣдѣнія о происхожденіи галлюцинацій, но, прежде чѣмъ приступимъ къ этому, намъ кажется необходимымъ сказать слѣдующее:

Относительно галлюцинацій въ сумасшествіи надобно замѣтить, что во многихъ случаяхъ онѣ предшествуютъ развитію болѣзни, такъ что ихъ нельзя считать причинами; но въ большинствѣ случаевъ онѣ являются или вмѣстѣ съ болѣзнію или во время ея теченія; тогда онѣ будутъ только слѣдствіемъ, симптомомъ, осложненіемъ. Здѣсь возникаетъ много вопросовъ: зависитъ ли галлюцинація отъ органическихъ недостатковъ? связана ли она

съ внутреннимъ возбужденіемъ? однимъ словомъ, физическая она, или моральная. Различеніе часто бываетъ затруднительно; однакожь, натура галлюцинацій, ея прямая связь съ причиною помраченія разсудка, уполномочиваютъ сказать, что часто она зависитъ отъ моральнаго возбужденія, но что обыкновенно обусловлена физическими причинами.

Галлюцинаціи, вслѣдствіе отравленія, особенно спиртными жидкостями, могутъ поддерживаться или вызываться лишеніемъ обычнаго возбуждательнаго вещества; при умѣренномъ употребленіи послѣдняго, онѣ прекращаются.

Къ числу нервныхъ болѣзней относятся извѣстныя нервныя состоянія, которыя, не всегда будучи болѣзненными, имѣютъ своимъ корнемъ патологию: таковы кошмаръ и экстазъ. Здѣсь опять трудно различить моральное и физическое вліянія; экстазъ, напримѣръ, очень часто зависитъ отъ первой причины, а ипохондрія, какъ доказалъ Дюбуа, также подвергается ея дѣйствію.

Факты, которые мы будемъ теперь разсматривать, хотя не имѣютъ того значенія и интереса, какъ предыдущіе, могутъ однакожь помочь въ изслѣдованіи галлюцинацій.

Первое мѣсто занимаетъ вліяніе наслѣдствен-

ности, пола, возраста, темперамента, занятій, физиологическихъ причинъ, времени года, климата и мѣста; но изъ этихъ причинъ однѣ не могутъ доставить никакого объясненія, другія же представляютъ слишкомъ ограниченное. Дѣйствительно, не должно терять изъ виду, что галлюцинація очень часто бываетъ только осложненіемъ, симптомомъ, и что въ такомъ случаѣ отдѣльное изученіе ея представляетъ чрезвычайныя трудности.

Нельзя доказать статистикой силу *наслѣдственности* въ галлюцинаціяхъ, потому что, въ большинствѣ случаевъ, онѣ существуютъ вмѣстѣ съ помраченіемъ разсудка. Наслѣдственность играла весьма незначительную роль въ эпидемическихъ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ среднихъ вѣковъ. Суданъ не упоминаетъ объ этой причинѣ въ эпидемическомъ экстазѣ, который онъ наблюдалъ въ Швеціи.

Впрочемъ, намъ случилось два раза наблюдать наслѣдственные галлюцинаціи, и весьма вѣроятно, что эта нервная болѣзнь можетъ передаваться подобно другимъ.

Отецъ Кардана былъ подверженъ видѣніямъ, сынъ также имѣлъ ихъ. (De la subtilité, traduct. de Leblanc, liv. XIX, p. 462 et suiv.).

Относительно *пола*, галлюсинаціи не представляют ничего интереснаго. Совсѣмъ другое мы видимъ, рассматривая полъ относительно природы галлюссинацій. Пробѣгите исторію и на каждой страницѣ вы замѣтите преобладаніе эротическихъ идей у женщинъ. Вездѣ видимъ сверхъестественныя существа, любовь которыхъ такъ наивно описали Боденъ, Боге, Дельріо. Евреи называли ихъ Гаца, Лилию; греки—сиренами, нимфами, аркадами, дріадами, nereидами, сатирами, сильванами.

Въ настоящее время встрѣчаются галлюсинаціи, произведенныя эротическими идеями, но онѣ имѣютъ связь съ родомъ воспитанія, идеями и мѣстами. Мужчины потому рѣже подвергаются имъ, что имъ легче удовлетворять свои желанія.

Возрастъ. — Такъ какъ галлюсинаціи часто обусловливаются нравственными причинами и нерѣдко сопровождаютъ умопомѣшательство, то, относительно своего появленія, онѣ слѣдуютъ образу развитія упомянутой болѣзни; поэтому онѣ обнаруживаются въ различныя эпохи жизни, въ которыя преимущественно развивается умопомѣшательство. Впрочемъ, это правило имѣетъ много исключеній, ибо наука представляетъ множество случаевъ, когда галлюсинаціи являются у маленькихъ дѣтей.

Лѣтъ восемнадцать тому назадъ, мы видѣли семнадцатилѣтнюю дѣвушку, бабка и мать которой лишились разсудка и имѣли галлюцинаціи. Лице этой дѣвушки выражало замѣчательный умъ. Разговоръ ея, превосходившій ея лѣта, удивлялъ окружающихъ. Въ ея замѣчаніяхъ, вопросахъ, отвѣтахъ, проглядывала прозорливость; она какъ будто угадывала.

Живость и подвижность этой дѣвушки были чрезвычайно велики; она не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ, постоянно чувствовала потребность мѣнять мѣста. Если хотѣли удержать ее, она теряла терпѣніе, раздражалась, ломала вещи. По временамъ съ нею случались припадки; они развивались такимъ порядкомъ: живость и подвижность увеличивались; рѣчь становилась короче, отрывочнѣе; она впадала въ родъ экстаза; глаза поднимались вверхъ, взоръ дѣлался пристальнымъ, черты лица выражали счастье. Часто она хранила молчаніе, какъ бы погруженная въ созерцаніе. Припадокъ продолжался 2—3 часа; во время его, дѣвушка становилась блѣдною, какъ воскъ; кожа была холодная, пульсъ едва замѣтенъ. По окончаніи припадка, она засыпала.

Эти галлюцинаціи у дѣтей могутъ быть слѣдствіемъ страха, наказанія, и замѣчаются иногда въ бодрственномъ состояніи; въ такомъ случаѣ,

они продолжают также во снѣ и не оставляютъ дитя послѣ его пробужденія.

9—10-лѣтняя дѣвочка провела день своихъ имянинъ вмѣстѣ съ подругами въ играхъ свойственныхъ ея возрасту. Родители ея, довольно непросвѣщенные, разумѣется рассказывали ей такъ называемыя *страшныя исторіи*. Вечеромъ, когда она ложилась спать, ей представилось чудовище, грозившее пожрать ее. Съ крикомъ вбѣжала она въ комнату родителей и, почти мертвая, упала у ихъ ногъ.—Призванный врачъ привелъ ее въ чувство чрезъ нѣсколько часовъ. Тогда дѣвочка рассказала, что съ нею случилось. За этимъ произшествіемъ наступила долгая и тяжелая нервная болѣзнь (*Psychological Magazine*, vol. IV, part. I, p. 70—V. Chricton).

Девятилѣтній ребенокъ, нѣжный, лимфатикосангвиническій, впечатлительный, получивъ строгій выговоръ за шалость, легъ спать въ слезахъ. Около полуночи его родители были разбужены стонами. Подошедши къ нему, и видя его въ слезахъ, вѣ себя, они спрашиваютъ его, что съ нимъ случилось. Первые его слова непонятны; онъ говорить, что его мучать, что предъ нимъ стоятъ кушцы, которые сильно пугаютъ его, и что онъ просить прогнать ихъ. Но, говорятъ ему родители, развѣ ты не видишь насъ? мы съ тобой!—Да, я вижу васъ; но вотъ и кушцы; прогоните

ихъ!—Посмотри, ты въ постели, въ нашей комнатѣ.—Знаю, но купцы не уходятъ. — Ну, тебѣ нужно встать и напиться съ нами чаю. — Ваша правда, я лучше встану. Страхъ и слезы ребенка продолжались еще нѣсколько минутъ.

Мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, чтобы судить о роли *темперамента* въ нынѣшнихъ галлюцинаціяхъ; но, рассматривая біографіи знаменитыхъ людей, представлявшихъ этотъ феноменъ, мы видимъ, что въ большей части случаевъ преобладаетъ желчный темпераментъ. Древніе считали его однимъ изъ атрибутовъ генія. Такъ Аристотель относитъ къ числу людей желчнаго темперамента Геркулеса, Беллерофона, Аякса, Эмпедокла, Сократа и самого Платона; это для насъ значитъ только, что великіе люди съ этимъ темпераментомъ имѣютъ, по твердости своего ума, постоянству и неизмѣняемости своихъ идей, расположеніе видѣть свои мысли какъ бы воплощенными. У меланхолика, говоритъ Лелю, всякая, мысль рисуется и принимаетъ опредѣленную форму. Чувства, идеи, превращаются въ истинныя внѣшнія ощущенія, столь же ясныя, какъ и самыя предметы; мысль какъ будто матеріализуется, становится образомъ, знакомъ, звукомъ, запахомъ, вкусомъ, осязательнымъ ощущеніемъ.

Занятія не представляютъ ничего опредѣленнаго. А ргіогі можно сказать, что занятія, пре-

имуущественно развивающія воображеніе, должны благопріятствовать галлюцинаціямъ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ привести многихъ поэтовъ, подверженныхъ галлюцинаціямъ, и которыхъ бредъ очевидно зависитъ отъ ихъ занятій. Дѣйствіе *гигіеническихъ привычекъ и времени года* еще недостаточно изслѣдовано, и потому мы только упоминаемъ ихъ.

Вліяніе климата на галлюцинаціи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Характеръ европейца не будетъ характеромъ жителя Азіи или Африки. Выраженіе ихъ лицъ, ихъ жесты, темпераменты, различны; не менѣе различенъ ихъ образъ возрѣнія и мышленія. Нельзя сомнѣваться, что тѣлосложеніе кладетъ на націи особую печать, но тѣмъ не менѣе мы убѣждены, что идеи должны измѣняться сообразно съ самою природой окружающей среды. Доказательствомъ этого климатическаго вліянія могутъ служить теологическія и космогоническія созданія сѣвера, съ ихъ гигантскою, дикою и ужасною фізіогноміей; впечатлительность лапландцевъ, остяковъ и самоѣдовъ; міръ невидимыхъ существъ, которыми они еще населяютъ свои пустыни (Broc, *Essai sur les races humaines, considérées sous les rapports anatomique et philosophique*, 1836). Сравнивая эти созданія съ созданіями волшебнаго міра Греціи и Америки, всякій найдетъ совершенную гармонію между ими и природою упомянутыхъ странъ.

Разсматриваемыя въ ихъ отношеніяхъ къ мѣ-
сту, галлюцинаціи представляютъ весьма замѣча-
тельное различіе: городскія часто отличаются
отъ сельскихъ весьма замѣчательными оттѣнками
Такъ, индивидуальность страстей, отсутствіе вѣ-
рованій, сомнѣніе, отражаются въ первыхъ, тогда
какъ вторыя запечатлѣны характеромъ невѣжества
и суевѣрія. Дѣйствительно, многое еще нужно, что-
бы исчезли въ Европѣ фантастическія преданія
среднихъ вѣковъ. Самыя цивилизованныя страны,
Франція, Англія, Германія, могли бы собрать
цѣлые томы этихъ преданій. Загляните въ пу-
тешествія, авторы которыхъ собирали народныя
традиціи; вотъ что одинъ изъ нихъ рассказы-
ваетъ объ одномъ вѣрованіи въ Франшъ-Конте:
«На плато Готъ-Шьеръ, замѣчали иногда другую
Мелюзину, полуженщину, полузмѣю: это *Vousivre*.
У нее нѣтъ глазъ; но на лбу находится карбун-
куль, который руководить ею, какъ свѣтлый
лучъ, день и ночь. Отправляясь купаться въ рѣ-
кѣ, она снимаетъ этотъ карбункуль, и еслибъ
кто овладѣлъ имъ, то получилъ бы власть надъ
всеми духами, могъ бы собрать все сокровища,
хранящіяся въ нѣдрахъ горъ; но неблагоразум-
но отважиться на такой поступокъ, потому что
при малѣйшемъ шумѣ вуйврѣ бросается изъ рѣ-
ки, и тогда горе несчастному, котораго она встрѣ-
титъ». (*Xavier Marmier, Souvenirs de voyages
et traditions populaires, p. 73*). Англійскій мат-
росъ, невѣдающій страха, дрожитъ при мысли

объ Ольдъ Никкѣ, и считаетъ его причиною всѣхъ бѣдствій, которымъ подвергается въ теченіе своей жизни.

Подъ именемъ Баръ Гестъ, или Баръ Гейстъ, извѣстенъ во многихъ дистриктахъ Англіи и преимущественно въ Йоркшейрѣ, духъ, называемый также Доби; это мѣстный призракъ, живущій въ извѣстной мѣстности и въ извѣстной формѣ. (Les récits de la muse populaire, Revue des Deux Mondes, t. III, 1850, p. 243. — Les visions de la nuit dans les campagnes, illustration, 13 decemb. 1851. — Erreurs et préjugés des paysans, illustration, №№ 453, 454, 455 et 460. 1851).

Пустыня также оказываетъ вліяніе. Дѣйствительно, весьма рѣдко, чтобы она не произвела родъ галлюцинаціи или экстаза, особенно у людей съ сильнымъ воображеніемъ. Разказы о пустыняхъ Востока, вѣрованія кочующихъ здѣсь народовъ, доказываютъ могущество этой причины, но наблюденіе говоритъ, что упомянутые феномены бываютъ различны, смотря по мѣсту, и что галлюцинаціи сѣверныхъ степей не будутъ галлюцинаціями жаркихъ равнинъ Юга.

Говоря о галлюцинаціяхъ, зависящихъ отъ физическихъ причинъ, мы должны упомянуть еще тѣ, которыя можно произвести по произволу,

смотря въ зеркало на солнце и перенося потомъ свои взоры на самую темную часть комнаты.

Дарвинъ приводитъ слѣдующій тому примѣръ: «я покрылъ желтою краской кусокъ бумаги въ четыре квадратныхъ дюйма я посрединѣ этого куска написалъ синими чернилами слова **BANKS**; обратясь спиною къ солнцу, я пристально смотрѣлъ въ теченіе одной минуты на букву N. Закрывъ глаза и положивъ на нихъ руку, я увидѣлъ явственно желтое слово на синемъ фонѣ, а открывши глаза и взглянувъ на стѣну, прочиталъ слово **BANKS**, написанное большими золотыми буквами на стѣнѣ (Abercrombie, p. 63).

Состояніе атмосферы можетъ дать поводъ къ страннымъ видѣніямъ; всѣ путешественники, проѣзжавшіе степи, море, знаютъ миражъ. Генераль Дома приводитъ тому любопытный примѣръ въ своемъ переводѣ путешествія араба Сидъ-эль-Адгъ Магометъ. Участники въ египетской и африканской компаніяхъ видѣли большею частию источники, рѣки, деревья, города, арміи, которыя при ихъ приближеніи превращались въ безплодные жгучіе пески.

Тотъ же феноменъ можетъ возникнуть, когда поднимаешься высоко въ воздухѣ.

Въ *Gazette de Mons* напечатана статья о воздухоплаваніи Грина съ докторомъ Б., который

въ своемъ донесеніи Лондонскому обществу естественныхъ наукъ говорить такъ:

«..Тогда нашимъ взорамъ представилось странное дѣйствіе свѣта; воздухъ внезапно освѣтился ослѣпительнымъ свѣтомъ, и наше зрѣніе до того заблуждалось, что микроскопическіе предметы увеличились до колоссальныхъ размѣровъ и приняли такія причудливыя формы, что мы могли бы подумать, будто находимся подъ вліяніемъ грезъ, если бы это явленіе не было описано врачами подъ именемъ діохроматопсїи.

«Такъ, цѣлый муравейникъ Боренсъ, обыкновенно имѣющій темный цвѣтъ вслѣдствіе угольной пыли, показался намъ ослѣпительно бѣлымъ. Среди этихъ измѣненій цвѣта пробивались чудовищныя формы, козлы, мастодонты и носороги, съ удивленіемъ смотрѣвшіе на все кое гдѣ прогуливались гордые индѣйки. Мой другъ М. постоянно думалъ, что находится подъ вліяніемъ галлюцинаціи. Но Гринъ сказалъ намъ, что еще прежде онъ наслаждался подобнымъ зрѣлищемъ, которое до того показалось ему необыкновеннымъ, что онъ никому не осмѣливался говорить о немъ, боясь прослыть полоумнымъ. Я объяснилъ ему, что этотъ хотя и необыкновенный феноменъ уже замѣченъ весьма правдивыми людьми.

«Черезъ 10 — 12 минутъ, свѣтъ уменьшился,

картина помрачилась и потомъ исчезла...» (Debats du 4 Novembre 1850).

Дѣйствуя на нервную систему, *онанизмъ* много разъ служилъ причиною галлюцинацій. Маркъ приводитъ наблюденіе надъ молодымъ человѣкомъ, который, предавшись онанизму, впалъ въ маразмъ, сопровождавшійся призраками.

У молодыхъ, строго воспитанныхъ людей, предавшихся онанизму, мы замѣтили сильную печаль, отвращеніе къ жизни, намѣреніе самоубійства, чувство страха. Тѣлосложеніе ихъ нисколько не пострадало, и ощущенія зависѣли отъ сожалѣнія.

Нѣкоторыя механическія причины благопріятствуютъ развитію галлюцинацій; таковы *давленіе* на органы чувствъ, *раздраженіе* ихъ посторонними тѣлами, *потрясеніе мозга*, и проч. Примеры тому приведены въ сочиненіяхъ врачей Гибберта и Ферріера.

Воздержаніе, недостаточное питаніе, продолжительная безсонница, усталость, сильный жаръ, холодъ, могутъ также служить поводомъ къ иллюзіямъ и галлюцинаціямъ.

Одинъ рудокопъ пробылъ 12 дней въ обвалившейся шахтѣ, питаясь единственно водою, ко-

тору онъ по каплѣ сбиралъ въ руку. Однакожъ во все это время онъ не упалъ духомъ, и когда думалъ объ отчаяннѣйшей женѣ и дѣтей, ему казалось, что онъ слышитъ голоса, которые старались утѣшить его. (Medical and physical journal, by William Hutchison, fev. 1820, vol. XLIII, № 252).

Савиньи, потерпѣвшій кораблекрушеніе на *Медузѣ*, чувствуя отчаянный голодъ, видѣлъ, что будто вся земля около него была покрыта дивными растеніями, а самъ онъ находился въ обществѣ любезныхъ особъ. Однакожъ онъ рассуждалъ объ этомъ состояннѣй и чувствовалъ, что одно только мужество способно вывести его изъ такого грустнаго положенія. Многимъ изъ его товарищей казалось, что они еще находятся на *Медузѣ*, окружены тѣми же предметами, которые видѣли ежедневно; имъ представлялись корабли, которые они звали на помощь, или же гавань, за коей былъ раскинутъ великолѣпный городъ. Савиньи замѣчаетъ, что бредъ открывался преимущественно ночью. При наступленнѣй дня, они становились покойнѣе, но темнота приводила съ собою безпорядокъ въ ихъ ослабѣвшіе умы. Я имѣлъ случай испытать на самомъ себѣ, говоритъ онъ, что мое воображеніе сильнѣе возбуждалось въ ночной тишинѣ: тогда все казалось мнѣ необыкновеннымъ и фантастическимъ (Thèse soutenue en 1818, à la Faculté de Pa-

ris, par Savigny, chirurgien de la frégate *Méduſe*).

Беккеръ разскаываетъ, что тридцати двумъ человѣкамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе и проведеннымъ много безсонныхъ ночей, представилось, будто они видятъ шлюбки, рыбаковъ, развѣшивающихъ сѣти, знакомыхъ мавровъ и голландцевъ; они совершенно различали ихъ одежду (Becker, *Le monde enchanté*, t. IV, p. 55—56).

Вліяніе жестокаго холода почти всегда производитъ глубокій сонъ, а также галлюцинаціи, которыя иногда отражаютъ, какъ въ зеркалѣ, предметы, имѣющіе отношеніе къ преобладающимъ мыслямъ. Во время отступленія великой арміи, несчастные солдаты часто подвергались видѣніямъ: имъ представлялись громадныя пылающіе очаги.

Такое же дѣйствіе оказываетъ *сильный жаръ*. Моффа разскаываетъ, что, во время путешествія по африканскимъ пустынямъ, языкъ его и его товарищей прилипалъ отъ жажды къ небу, такъ что почти не было возможности разговаривать. Наконецъ, говоритъ онъ, мы достигли столь давно ожидаемаго ручья, но уже было поздно всходить на холмъ. Мы легли спать, положивъ голову на сѣдло. Послѣдній звукъ, какой мы слы-

шали, былъ отдаленный ревъ льва, но истощеніе уничтожало даже чувство страха. Сонъ принесъ намъ восхитительныя сновидѣнія. Я гулялъ въ душистыхъ рощахъ, слышалъ звуки очаровательной музыки, купался въ рѣкахъ и утолялъ жажду въ пристальныхъ ручьяхъ, вытекавшихъ изъ зеленѣющихъ горъ. Это наслажденіе продолжалось до утра, когда мы проснулись безъ языка, съ воспаленными глазами и горячимъ, какъ уголь, тѣломъ. (Blanchard Fosgate, sleep psychologically considered with reference to sensation and memory, p. 76. New-York, 1859).

Физиологія галлюцинацій.

Мы приведемъ сперва два наблюденія, которыя, по нашему мнѣнію, вполне излагаютъ предметъ, а потомъ сдѣлаемъ краткій очеркъ уже извѣстныхъ намъ фактовъ.

Дѣвица Б., 36 лѣтъ, образованная и очень умная, была посажена на строгую діету вслѣдствіе злокачественнаго нарыва на груди, который довель ее до грустныхъ мыслей. Діета уже продолжалась 11 дней, когда Б. въ первый разъ

подверглась галлюцинаціи. Она замѣтила сперва, въ своей комнатѣ, танцовщицъ, одѣтыхъ сильфидами, которыя вскорѣ замѣнились бѣлыми статуями. За ними послѣдовалъ маленькій трубочистъ, усѣвшійся въ кресло; когда Б. спросила, что онъ дѣлаетъ, трубочистъ засмѣялся и исчезъ. Такъ какъ эти галлюцинаціи беспокоили семейство дѣвицы Б., то послѣдняя была ввѣрена моимъ попеченіямъ. Въ первый же день она удивилась, видя, что въ залъ вошли собака, лошадь и левъ. Взглянувши на садъ, который показался очень длиннымъ, она замѣтила, что по обѣимъ сторонамъ аллеи стоятъ солдаты. Послѣдніе замѣнились великолѣпною колесницей, наполненною солдатами и запряженною маленькими лошадьми. Лица вообще были неопредѣленны, тогда какъ нумера полковъ были очень ясны. По прошествіи часа, всѣ предметы уменьшились, приняли микроскопическія формы и, наконецъ, исчезли.

Дѣвицѣ Б. стоило только закрыть глаза, чтобы избавиться отъ этихъ видѣній; едва открывала она глаза, какъ говорила: «Вотъ они передо мной!» Кромѣ того, у нее были галлюцинаціи осязанія. Въ теченіе двухъ дней она была увѣрена, что ее бьютъ. Иногда замѣчала непріятный запахъ.

Черезъ три дня, солдаты помѣстились сзади колесницы; ихъ лица стали неопредѣленнѣе, какъ

бы туманныя, и наконецъ совсѣмъ исчезли. Колесница стала блѣднѣе, лошади, сперва очень маленькія, возрасли въ нѣсколько часовъ до величины слона, потомъ уменьшились въ объемѣ, стали не больше кулака и исчезли. Колесница превратилась въ большое дерево, покрытое листьями. Послѣдніе поблѣднѣли въ свою очередь и опали; дерево также поблѣло и перестало быть видимо.

Эти галлюцинаціи обнаруживались преимущественно при окончаніи дня, вечеромъ и очень часто ночью. Онѣ прекращались вообще со свѣтомъ; однакожъ бывали три раза въ день.

Въ теченіе пяти дней, въ которые продолжались эти ложныя ощущенія, упомянутая дѣвица сомнѣвалась иногда въ ихъ дѣйствительности. Явленіе животныхъ вызывало улыбку у нее, и она первая называла ихъ иллюзіей. Иногда Б. находилась въ сомнѣніи и спрашивала себя, не игрушка ли она какого либо сновидѣнія, но обыкновенно говорила намъ: «Невозможно, чтобы я ошибалась, эти предметы предо мной, и производимое ими впечатлѣніе на мои глаза нисколько не отличается отъ обыкновенныхъ ощущеній.» Эта дѣвица говорила очень умно, и когда избавилась отъ своихъ видѣній, то убѣдилась, что была въ заблужденіи.

Подобные случаи встрѣчаются преимущественно въ горячкахъ, грезахъ, въ промежуткѣ между сномъ и бодрствованіемъ, въ минуты задумчивости, при отравленіи опиумомъ, хапишомъ, и проч. Они, по видимому, подтверждаютъ мнѣніе тѣхъ людей, которые вмѣстѣ съ Данте допускаютъ, что мысль превращается въ грезу:

Il pensamiento in sogno transmutai, или же вмѣстѣ съ Метастазіо говорятъ, что ночные сны суть дневные образы, измѣненные и неясные:

*i sogni della notte
son le imagin' del dì guaste e corrotte.*

Вышеприведенное наблюденіе принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые вполне очерчиваютъ физиологическій характеръ галлюцинацій и подтверждаютъ мнѣніе о вмѣшательствѣ чувствъ. Предметы находятся по направленію глазъ, имѣютъ перспективу какъ въ дѣйствительности и, прекращаясь при закрытыхъ глазахъ, становятся опять видимы, какъ только откроются глаза. Одни изъ нихъ ясны, другіе неопредѣленны. Часто имѣютъ приличный имъ цвѣтъ, потомъ блѣднѣютъ, становятся бѣловаты, исчезаютъ, представляя такимъ образомъ различныя степени освѣщенія. Они увеличиваются, растутъ, уменьшаются, принимаютъ микроскопическія формы и пропадаютъ. Являются преимущественно вечеромъ,

ночью, показываясь однакожь три раза днемъ. Наконецъ, больная начинаетъ сомнѣваться, впадаетъ въ нерѣшимость, потомъ уступаетъ заблужденію, какъ это часто случается, когда не поборять его сначала.

Не менѣе интересныя фізіологическія явленія представляетъ намъ нижеслѣдующая галлюцинація слуха.

40-лѣтняя дама, здороваго тѣлосложенія, одаренная здоровымъ разсудкомъ, приведена, 9 лѣтъ тому назадъ, въ мое заведеніе, какъ страдавшая бредомъ и галлюцинаціями слуха. Вотъ ея разсказъ о своей болѣзни: «Уже пять лѣтъ я слышу голоса, которые разговариваютъ со мною такъ послѣдовательно и съ такими естественными измѣненіями въ голосѣ, что какъ прежде, такъ и теперь, я считаю ихъ дѣйствительно существующими. Они то сильно раздаются въ моихъ ушахъ, то какъ будто находятся внутри меня и тогда ведутъ молчаливый разговоръ. Съ тѣхъ поръ, какъ я васъ знаю, я слышу вашъ голосъ, въ какомъ бы мѣстѣ вы не были, дома или внѣ дома. Вашъ голосъ говоритъ мнѣ послѣдовательныя и полныя значенія рѣчи. Я слышу своихъ собесѣдниковъ днемъ и ночью, равно ясно. Утро, вечеръ, темнота, не имѣютъ на нихъ никакого вліянія. Они также ясны, чисты днемъ, когда я ничѣмъ не развлечена, какъ и въ то время, ког-

да условія совершенно измѣняются. Хотя въ эту минуту я разговариваю съ вами, однакожь явственно слышу ихъ, несмотря на шумъ вокругъ насъ. Разговоръ ихъ касается всѣхъ предметовъ, преимущественно моихъ обычныхъ занятій. У меня есть также видѣнія, но они не ясны; иногда, однакожь, лица становятся очень опредѣленны; сперва они имѣютъ естественную величину, потомъ удлиняются, укорачиваются и исчезаютъ».

Эти два факта служатъ естественнымъ введеніемъ въ физіологическое изслѣдованіе галлюцинацій.

Изучая галлюцинаціи у людей, пользующихся здравымъ разсудкомъ, мы замѣчаемъ преобладаніе галлюцинацій зрѣнія, тогда какъ у потерявшихъ разсудокъ чаще встрѣчаются галлюцинаціи слуха. Первая степень послѣднихъ есть *шумъ всякаго рода*, напр., колокольный звонъ, выстрѣлы, и проч. За тѣмъ идутъ галлюцинаціи, состоящія въ повтореніи *нѣсколькихъ однихъ и тѣхъ же словъ*. Это явленіе замѣчается также у здоровыхъ людей.

Въ высшей степени, галлюцинаціи воспроизводятъ *обычныя занятія больныхъ, ихъ идеи, чтеніе, слова*.

Иногда галлюцинаціи принимаютъ повидимому странныя формы, но, тщательно разсматривая ихъ, замѣчаешь, что элементы почерпнуты изъ чтенія, живописи, преданій и проч.

Галлюцинаціи могутъ относиться къ предметамъ, видѣннымъ въ отдаленную эпоху, къ давно забытымъ вещамъ, которые приходятъ на память вслѣдствіе неизвѣстныхъ еще причинъ, а чаще въ силу сцѣпленія идей; поэтому, весьма основательно мнѣніе, что большинство галлюцинаціи есть только воспоминаніе, воссозданіе знакомыхъ предметовъ. Однакожъ, иногда бываетъ невозможно найти связь между этими ложными ощущеніями и занятіями, мыслями, трудами. Николай и Бостонъ утверждаютъ, что они нигдѣ не могли найти оригинала своихъ видѣній. Кардану много разъ представлялся гербъ, хотя послѣдній былъ совершенно неизвѣстенъ ему.

Не всегда галлюцинаціи имѣютъ характеръ постоянной идеи или преобладающей страсти; весьма часто онѣ бываютъ только воспоминаніемъ предметовъ, которые произвели глубокое впечатлѣніе на чувства. Случается, что галлюцинаціи, являясь въ простой формѣ, становятся постепенно общими, неправильными.

Подверженные галлюцинаціямъ воображаютъ, что говорящіе съ ними голоса находятся *внѣ*

ихъ. Число этихъ собесѣдниковъ доходитъ иногда до трехъ, четырехъ, 12, 15.

Обыкновенно галлюцинаціи не подлежатъ волѣ онѣ проявляются иногда безъ сознанія о томъ индивидуума. Обнаруживаются днемъ, ночью, всюду слѣдуютъ за нимъ. Иногда впрочемъ ихъ можно вызывать по произволу. Больной, о которомъ говоритъ Аберкромби, видѣлъ въ ту же минуту тѣ фигуры, которыя желалъ видѣть.

Если галлюцинаціи слуха замѣчаются у людей, говорящихъ на *нѣсколькихъ языкахъ*, то голоса бываютъ тѣмъ явственнѣе, чѣмъ знакомѣ идіома, и тѣмъ слабѣе, чѣмъ менѣе знакомъ иностранный языкъ. Упоминаемый Эскиролемъ префектъ менѣе явственно слышалъ русскій языкъ, на которомъ онъ дѣйствительно говорилъ хуже, нежели на прочихъ. Въмѣстѣ съ развитіемъ болѣзни, сталъ преобладать отечественный языкъ.

Можетъ случиться, что *способности приобретутъ* въ галлюцинаціи *значительное развитіе*. Этотъ фактъ замѣчается и нынѣ. Одна дама рассказывала намъ: «Голоса подсказываютъ мнѣ выраженія, которыя, какъ мнѣ кажется, выше моихъ способностей и воспитанія. Очень часто ихъ разговоръ касается географіи, политики, общественныхъ интересовъ, такихъ вопросовъ, которые

совершенно чужды мнѣ, но которые я прекрасно понимаю, когда о нихъ говорятъ голоса.»

Наконецъ галлюцинаціи могутъ быть *воспроизведеніемъ живыхъ прежнихъ ощущеній*. Бальяръ же приводитъ интересный фактъ: одна женщина, видѣвшая, какъ пуля поразила ея мужа, былъ потомъ преслѣдуемъ ружейными выстрѣлами, звономъ разбитыхъ стеколъ, и проч.

Такъ называемыя *чувствennыя явленія* въ галлюцинаціяхъ слуха состоятъ, по нашему мнѣнію, въ значительной степени напряженности упомянутого чувства. Докторъ Бло рассказываетъ, что одна дѣвица вдругъ слышала важный, звучный голосъ, который нѣсколько разъ назвалъ ее по имени. Эта галлюцинація повторилась три раза въ теченіе мѣсяца и потомъ уже не появлялась болѣе. Галлюцинаціи слуха состоятъ иногда въ шумѣ, разныхъ звукахъ, напр., колокольномъ звонѣ, лошадиномъ топотѣ. Одинъ молодой человекъ постоянно слышалъ плескъ морскихъ волнъ и умолялъ, чтобы его избавили отъ воды, которая все поднималась и поднималась.

Обыкновенно, *голоса похожи на шепотъ, говоръ въ полголоса. Звукъ* иногда исчезаетъ совсѣмъ. Разговоры галлюсинированныхъ съ лицами, созданными ихъ воображеніемъ, кажутся имъ самымъ столь быстрыми, столь нѣмыми что они

уподобляютъ ихъ электрическому сотрясенію, магнетическому дѣйствию, называютъ *мысленнымъ разговоромъ*. Эти факты весьма важны, потому что представляютъ множество точекъ соприкосновенія съ явленіями, которыми замѣчаются въ магнетизмѣ, сомнамбулизмѣ, и проч.

Голоса то приближаются, то удаляются, бываютъ слышны въ различныхъ направленіяхъ. Голоса раздаются надъ головой, надъ потолкомъ, какъ бы выходятъ изъ сосѣдняго дома, камина, трубы, мебели, постели, и проч.

Иногда, больные слышатъ *только однимъ ухомъ*. Больной о которомъ говоритъ Боденъ, слышалъ то *правымъ*, то *лѣвымъ* ухомъ. Въ статьѣ о *Галлюцинаціяхъ*, помѣщенной въ 25 т. *Медицинскаго словаря*, Кальмель выражается слѣдующимъ образомъ: Нѣкоторые субъекты утверждаютъ, что доходящіе до нихъ голоса они слышатъ то *правымъ*, то *лѣвымъ* ухомъ. Въ *Traité des apparitions et des vampires, par Calmet, t. II, p. 371*, говорится объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который лѣвымъ ухомъ явственнo слышалъ голосъ, будто бы выходившій изъ угла кабинета на футъ выше головы; этотъ голосъ разговаривалъ съ нимъ въ изящныхъ выраженіяхъ о многихъ предметахъ, приказалъ сдѣлать то и то и потребовалъ, чтобы упомянутый молодой человѣкъ хранилъ въ тайнѣ все повѣданное ему голосомъ.

Эти явленія легче всего замѣтить въ галлюцинаціяхъ осязанія, зрѣнія и слуха. Мы упомянемъ нѣкоторые примѣры, приводимые Мишеа.

Жанъ Лери заболѣлъ сильною лихорадкой. На десятый день замѣчается одна изъ любопытнѣйшихъ галлюцинацій. Ему кажется, что съ *правой стороны* лежитъ такой же, какъ онъ, больной. Эта была его преобладающая идея. Лери ни о чемъ не говорилъ, кромѣ больного, который раздѣлялъ съ нимъ страданія, и сердился, что на того не обращаютъ никакого вниманія, тогда какъ онъ окруженъ всевозможными попеченіями. Нерѣдко, Лери разговаривалъ съ нами, и когда ослабѣла лихорадка, ему казалось, что упомянутый больной всталъ. Лери здраво рассуждалъ о всемъ, что не касалось его галлюцинаціи. Если хотѣли доказать ему, что послѣдняя была только слѣдствіемъ мозгового раздраженія, онъ съ гнѣвомъ отвѣчалъ: «Но вотъ онъ; онъ возвратился, я чувствую, осязаю, вижу его, говорю съ нимъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ.»

Черезъ три недѣли, Лери рассказалъ, что его товарищъ исчезъ ночью, оставя ему пузырь, наполненный кровью. (Boursat, observat. d'hallucinat.; Encyclograph. med. fevr. 1845, p. 327).

Марсель Дона говоритъ, что одна пятидесятилѣтняя особа постоянно видѣла, съ извѣстной

эпохи, пауковъ, призраки и гроба. Но эти ложныя ощущенія являлись тогда только, когда она открывала *лѣвый глазъ*, и совершенно исчезали, когда былъ открытъ правый глазъ. Марсель Дона утверждаетъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ глазу не было замѣтно никакого измѣненія во влагѣ или оболочкахъ.

Нерѣдко, галлюцинаціямъ слуха предшествуетъ *шумъ всякаго рода*. Больнымъ слышатся голоса надъ головой, въ стѣнѣ, или же шумъ превращается въ жужжаніе, свистъ.

Галлюцинаціи зрѣнія у людей, обладающихъ здравымъ умомъ, бываютъ весьма часто. Достаточно просмотрѣть средневѣковыя лѣтописи, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Первое мѣсто занимаетъ здѣсь воспроизведеніе одного и того же предмета въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Одинъ изъ нашихъ собратьевъ, докторъ Х., постоянно видѣлъ предъ собою черную корову; утомленный упорствомъ этого ложнаго ощущенія, онъ посягнулъ на самоубійство. Въ другихъ случаяхъ, галлюцинаціи представляютъ весьма различные предметы. Примѣромъ тому можетъ служить предокъ Шарля Бонне, который днемъ видѣлъ предъ собою мужскія и женскія лица, птицъ, строенія, и проч. Замѣчательно, что онъ не при-

нималъ своихъ видѣній за дѣйствительность.
(Bonnet, Essai analyt. chap. 23, p. 246.)

Видѣнія часто имѣютъ тѣсную связь съ дѣйствительными занятіями больныхъ. Иногда же они воспроизводятъ живыя прежнія ощущенія. Бальярже приводитъ тому примѣръ и говоритъ, что съ теченіемъ времени упомянутое ложное ощущеніе дѣлалось постепенно слабѣе.

Всѣ идеи, всѣ занятія, могутъ преобразоваться въ галлюцинаціи и, слѣдовательно, измѣняться, вмѣстѣ съ измѣненіемъ индивидуума. Одни видятъ полицейскихъ чиновниковъ, которые ищутъ ихъ. Одинъ такой больной бросается въ окно, чтобы спастись отъ своихъ преслѣдователей. Другіе приходятъ въ ужасъ, ибо имъ непрерывно представляется эшафотъ, палачъ, жандармы.

Такъ какъ галлюцинаціи зрѣнія воспроизводятъ предметы, которые особенно занимаютъ насъ и дѣлаютъ сильное впечатлѣніе на толпу, то эти галлюцинаціи въ высшей степени возбудили общее вниманіе, поэтому о нихъ говорится во многихъ сочиненіяхъ подъ именемъ *видѣній*.

Прежде такое вѣрованіе въ видѣнія было до того распространено, что не существовало ни одного замка, кладбища, дома, пустыннаго мѣста, улицы, гдѣ бы не жилъ духъ. Каждый

быть героемъ видѣнія; поэтому, галлюцинаціи, сперва поражающія одного человѣка, являлись иногда въ видѣ эпидеміи.

Изслѣдованіе такъ называемыхъ *чувственныхъ* феноменовъ галлюцинацій зрѣнія представляетъ много интереснаго. Это зависитъ отъ того, что образы могутъ быть обследованы и описаны подробно, точно и ясно. Въ галлюцинаціи студента, о которой говоритъ Шардель (Essai de psychologie physiologique, p. 397), фигуры блестящи, какъ серебро, глаза имѣли зловѣщее выраженіе, платья были сѣро-бѣлаго цвѣта.—Говоря о фантастическихъ образахъ, предшествующихъ сну, Бурдахъ говоритъ, что они бываютъ «то простыми очертками, то туманными фигурами; здѣсь образы блестящи, имѣютъ колоритъ, тамъ они рисуются на темномъ, туманномъ фонѣ.» (p. 206).

Обыкновенно, галлюцинація является вдругъ, можетъ такимъ же образомъ исчезнуть или продолжаться известное время. Одна дама, говоритъ Матей, войдя въ комнату, увидѣла человѣка, который скрылся чрезъ запертую дверь. Вышерассказанныя наблюденія Николаи и дѣвицы Б. представляютъ любопытныя подробности періода возрастанія, который предшествовалъ совершенному исчезновенію фигуръ. Послѣднія стали двигаться медленнѣе, поблѣднѣли, сдѣлались какъ бы туманными и наконецъ слились съ воз-

духомъ. Продолжительность ложныхъ ощущеній зрѣнія весьма различна. У однихъ, напримѣръ, галлюцинація продолжается нѣсколько минутъ, у другихъ же сутки и болѣе.

Хотя ночь, темнота, тишина, благопріятствуютъ развитію галлюцинацій, однакожъ у нѣкоторыхъ особъ онѣ безразлично являются днемъ и ночью. Образы могутъ становиться невидимы при закрытыхъ глазахъ и вновь являться, когда откроютъ глаза. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, видѣнія бываютъ только днемъ, исчезая въ темнотѣ.

Образы галлюцинацій обыкновенно стоятъ передъ глазами и весьма рѣдко съ боку. Разстояніе, на которомъ они возникаютъ, бываетъ различно до безконечности. Иногда, они какъ будто слѣдуютъ по направленію взоровъ; примѣромъ тому можетъ служить галлюцинація фізіолога Бостока. Многія наблюденія доказали, что если между глазомъ и образами галлюцинаціи помѣстить непрозрачный предметъ, то послѣдніе иногда становятся невидимы. (Baillarger, *Mémoire de l'Académie de médecine*, t. XII. p. 332).

Наука собрала другіе подобные факты; но обыкновенно фантастическіе образы покрываютъ виѣшніе предметы и скрываютъ ихъ отъ взоровъ больного. Нѣмецкій фізіологъ Грутгуйзенъ

утверждаетъ, что въ одну изъ галлюцинацій движущіеся фантастическіе образы совершенно скрывали отъ него мебель въ комнатѣ.

Хотя галлюцинаціи зрѣнія или слуха не должны бы развиваться у слѣпыхъ или глухихъ, однакожъ наукѣ извѣстны подобные факты. Одна 82-лѣтняя слѣпая дама ежедневно видѣла, будто въ ея комнату входитъ множество людей; она приказывала открывать дверь и окна, чтобы этимъ мнимымъ гостямъ легче было выйти изъ комнаты.

Галлюцинаціи обонянія, вкуса, осязанія, гораздо проще, нежели галлюцинаціи слуха и зрѣнія; онѣ, такъ сказать, представляютъ только воспроизведеніе чувственного впечатлѣнія. Впрочемъ, ихъ очень трудно отличить отъ иллюзій.

Галлюцинація обонянія состоитъ въ ощущеніи благовопія или, мѣфитическаго запаха, зловонныхъ испареній. Бальярже знавалъ одну даму, постоянно ощущавшую отвратительный запахъ, который будто бы распространялся ея тѣломъ.

Галлюцинаціи вкуса очень рѣдки. Больнымъ кажется, что они ѣдятъ вкусныя блюда, пьютъ отличное вино, хотя нѣтъ ни того, ни другаго предъ ними. Нѣкоторые жалуются, что имъ да-

ють отвратительную пищу, что они постоянно чувствуютъ вкусъ мѣди. Иллюзіи вкуса, напротивъ, встрѣчаются гораздо чаще.

Галлюцинаціи осязанія часто смѣшиваются съ иллюзіями. Одна изъ самыхъ обыкновенныхъ причиняется электрическими, гальваническими, пневматическими машинами. Больные жалуются на опыты, будто производимые надъ ихъ тѣломъ, увѣряютъ, что получили удары, уколы.

Наблюденіе повидимому доказываетъ, что галлюцинаціи рѣдко ограничиваются однимъ чувствомъ; признавая справедливость этого факта, можно однакожь замѣтить вообще, что галлюцинаціи того или другаго чувства преобладаютъ надъ галлюцинаціями остальныхъ чувствъ.

Галлюцинаціи различныхъ чувствъ часто соединяются по двѣ, по три. Докторъ Пресса замѣтилъ, что ложныя чувственные ощущенія шли у одного больнаго въ слѣдующемъ порядкѣ: галлюцинаціи слуха, обонянія, вкуса и осязанія, такъ что, говоритъ онъ, галлюцинаціи обонянія, напр., вели за собою галлюцинаціи зрѣнія и слуха, и т. д.» (*Pressat, observations sur l'absence du nerf olfactif. Paris, Thèse, 1834*).

Если существуютъ вмѣстѣ галлюцинаціи нѣсколькихъ чувствъ, то онѣ имѣютъ между со-

бой тѣсную связь. Такъ, одинъ лижетъ стѣны, потому что онѣ кажутся ему апельсинами, и въ то же время ощущаетъ запахъ и вкусъ упомянутыхъ плодовъ.

Сдѣпленіе идей объясняетъ во множествѣ случаевъ совмѣстное существованіе галлюцинацій нѣсколькихъ чувствъ.

Независимо отъ феноменовъ, свойственныхъ галлюцинаціямъ cadaго чувства, есть еще другіе, общіе всей группѣ.

Эскироль полагаетъ, что галлюцинаціи составляютъ удѣлъ слабыхъ умовъ. Конечно, заблужденія чувства замѣчаются у людей съ посредственными умственными способностями, но онѣ встрѣчаются также у весьма умныхъ особъ. Давно уже замѣтили, что люди, прославившіеся обширностью, глубиною разума, мощностью умственныхъ способностей, не пзбѣжали галлюцинацій. Доказательствомъ тому могутъ служить исторіи Плутарха, въ которыхъ онъ говоритъ о призракахъ Брута, Діона, Кассія, и проч.

Кровеносныя, пищеварительныя функціи, сонъ, выдѣленія, представляются значительно измѣненными.

Пищеварительныя отправленія разстроиваются

преимущественно въ то время, когда больнымъ овладѣваетъ печальная идея, боязнь; онъ отказывается тогда отъ пищи; слѣдствіемъ этой болѣе или менѣе продолжительной діеты бываетъ сильное разстройство желудка, кишекъ.

Сонъ подверженныхъ галлюцинаціямъ вообще непродолжителенъ и часто прерывается. Безпокойство, возбуждаемое у многихъ особъ темнотою, мракомъ, значительно усиливается видѣніями. Когда послѣднія ужасны, больные не имѣютъ ни одной минуты покоя.

Въ послѣднее время, сдѣланы изслѣдованія относительно эпохи, самой благопріятной галлюцинаціямъ. Наблюденіе доказываетъ, что послѣднія чаще бываютъ вечеромъ, ночью, когда ложатся въ постель, утромъ, и что онѣ повинуются естественному закону, въ силу котораго грустныя идеи, безпокойство, боязнь, страхъ, ужасъ, увеличиваются сообразно степени уединенія и темноты. Но если большинство галлюцинацій бываетъ ночью, то нерѣдко можно замѣтить ихъ днемъ. Изъ ста сорока четырехъ случаевъ, 62 раза галлюцинація была ночью, 50 днемъ и 32 днемъ и ночью.

Природа галлюцинацій повидимому не имѣетъ особеннаго вліянія на эпоху ихъ появленія

(Brierre de Boismont, Histoire raisonnée des apparitions, p. 603).

Послѣднее условіе, необходимое для развитія галлюцинаціи, состоитъ въ возбужденности одного или нѣсколькихъ органовъ чувствъ. Доказательствомъ тому можетъ служить наблюденіе надъ людьми, часто употребляющими микроскопъ: предъ ними вдругъ возникаетъ предметъ, который они долго разсматривали, нѣсколько часовъ тому назадъ.

Наконецъ, надобно обратить вниманіе на особенное расположеніе ума, которое, независимо отъ галлюцинацій, характеризуется: 1) потерей сознанія времени, мѣста и окружающихъ предметовъ; 2) совершенно произвольнымъ дѣйствіемъ памяти и воображенія. Послѣднее обстоятельство не только сопровождаетъ галлюцинаціи, но нерѣдко предшествуетъ имъ и какъ бы служить предвѣстникомъ.

К О Н Е Ц Ъ.